

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297
Медицинская Микробиология

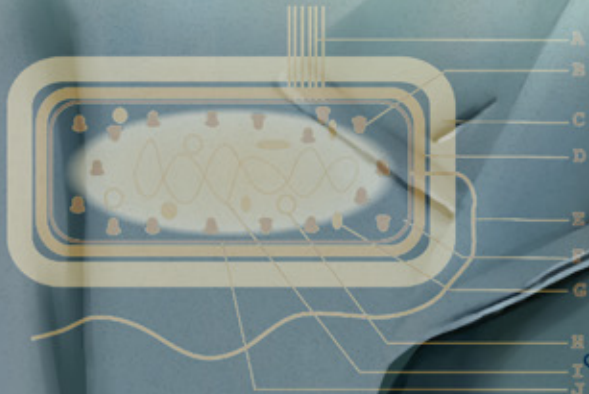
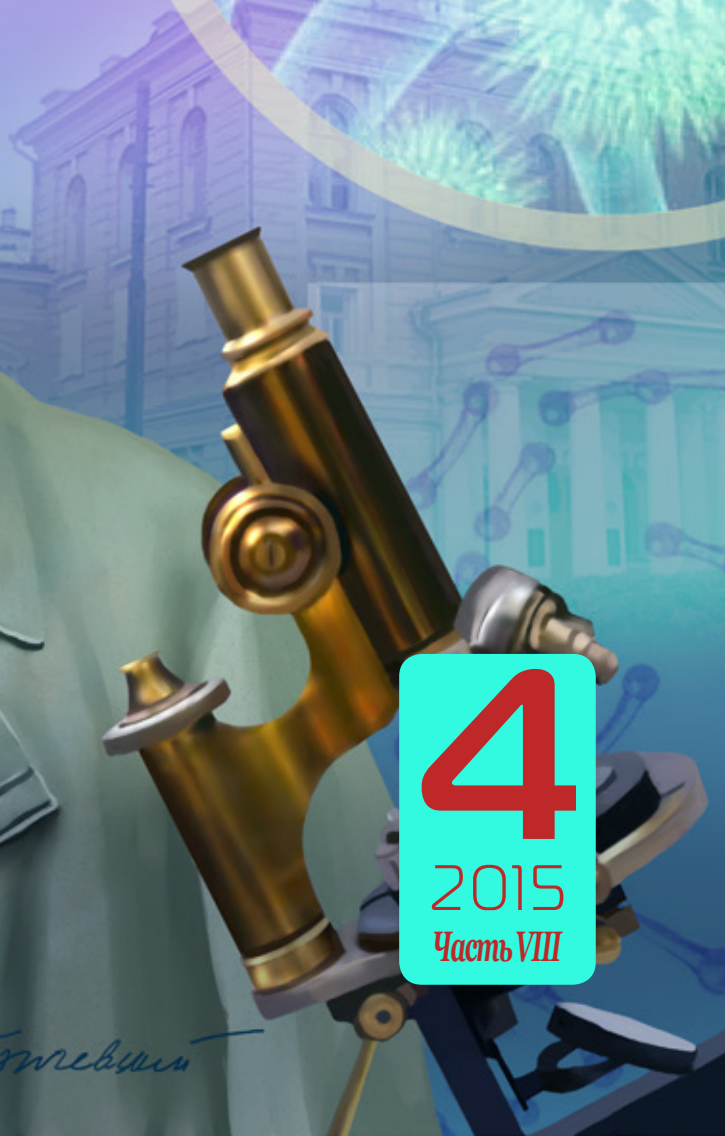
Учёный

ежемесячный научный журнал

РАСТИТЕЛЬНЫЕ
ПЕЛОВИДКА И ЖЕЛУДОК
КАК ПРИЧИНА ЗАРАЗНЫХ БОЛЕЗНЕЙ
ОБ ИМПРОВИЗОВАННОЙ ПИЩЕ И ПИТЬЕ

Съ атавскомъ микробиологическимъ...
воспитанъ в д-ровъ...
Съ преподаваніемъ...
оказывающей д-ровъ...
Томъ III-й (дополнительный).
Имевшонныя заболевания растений и животныхъ. Глистные...
большая часть насекомых-переносители микробовъ.

НЕВОСПРИИМЧИВОСТЬ
ИЛИ
ИНФЕКЦИОННЫХЪ БОЛЕЗНЯХЪ

4
2015
Часть VIII

Т. Табуретский

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Ежемесячный научный журнал

№ 4 (84) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметова Галия Дуфаровна, *доктор филологических наук*

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук*

Лактионов Константин Станиславович, *доктор биологических наук*

Сараева Надежда Михайловна, *доктор психологических наук*

Авдеюк Оксана Алексеевна, *кандидат технических наук*

Алиева Тарана Ибрагим кызы, *кандидат химических наук*

Ахметова Валерия Валерьевна, *кандидат медицинских наук*

Брезгин Вячеслав Сергеевич, *кандидат экономических наук*

Данилов Олег Евгеньевич, *кандидат педагогических наук*

Дёмин Александр Викторович, *кандидат биологических наук*

Дядюн Кристина Владимировна, *кандидат юридических наук*

Желнова Кристина Владимировна, *кандидат экономических наук*

Жуйкова Тамара Павловна, *кандидат педагогических наук*

Игнатова Мария Александровна, *кандидат искусствоведения*

Коварда Владимир Васильевич, *кандидат физико-математических наук*

Комогорцев Максим Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Котляров Алексей Васильевич, *кандидат геолого-минералогических наук*

Кузьмина Виолетта Михайловна, *кандидат исторических наук, кандидат психологических наук*

Кучерявенко Светлана Алексеевна, *кандидат экономических наук*

Лескова Екатерина Викторовна, *кандидат физико-математических наук*

Макеева Ирина Александровна, *кандидат педагогических наук*

Матроскина Татьяна Викторовна, *кандидат экономических наук*

Мусаева Ума Алиевна, *кандидат технических наук*

Насимов Мурат Орленбаевич, *кандидат политических наук*

Прончев Геннадий Борисович, *кандидат физико-математических наук*

Семахин Андрей Михайлович, *кандидат технических наук*

Сенюшкин Николай Сергеевич, *кандидат технических наук*

Ткаченко Ирина Георгиевна, *кандидат филологических наук*

Яхина Асия Сергеевна, *кандидат технических наук*

На обложке изображен Георгий Норбертович Габричевский (1860–1907) — русский учёный, микробиолог, основатель научной школы, один из организаторов производства бактериологических препаратов в России..

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Иванникова А. Г., Казарян А. А., Хоречко У. В.**
Сравнительный анализ пословиц, поговорок
и фразеологизмов русского
и китайского языков..... 733
- Шемаев С. А.**
Особенности взаимодействия библиотек, музеев,
архивов в зарубежных странах 738

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- Аль-Хаким М. А.**
Развитие киноискусства и философия
кинематографа 741
- Болысбаев Д. С., Корикбаев А.,
Шуленбаева А. Р.**
Пространство в изобразительном искусстве
современного Казахстана..... 744
- Во Ван Лак**
Творческий поиск художников Вьетнама периода
обновления (1986–2010) 747

ФИЛОЛОГИЯ

- Алимов Т. А.**
How to develop correct speech habit of Uzbek
students..... 751
- Амирова З. О., Куванова Ш. О.**
Entlehnungen aus den anglo-amerikanismen ... 752
- Биль О. Н.**
Метафорическое использование космических
номинаций в поэтическом слове К. Бальмонта,
В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева 754

- Воронко Е. П.**
Лексика, обозначающая национально-культурные
реалии Швейцарии (на примере наименований
национальных блюд в швейцарском варианте
немецкого языка)..... 757
- Выговская Д. Г.**
«Безопасность» в языковом сознании
россиян 760
- Дейна Л. В.**
Интерпретация писательских дневников на фоне
классификации дискурсов..... 763
- Жумаева Н. Г., Очилова Д. Б.**
The usage of metaphor and metonymy in the novel
«A farewell to arms» by E. Hemingway 768
- Захраи С. Х., Хеммат-заде Ш.**
Способы передачи русских деепричастных
конструкций в персидском языке 769
- Игейсинова Г. М., Кошенкова Н. В.**
Некоторые аспекты психологии восприятия
текстов 772
- Инамова Д. Э.**
Передача духа языка в переводе 775
- Каргина Е. М.**
Основные вопросы немецкой научно-технической
терминологии 777
- Каргина Е. М.**
Взаимосвязь обучения различным видам
иноязычной речевой деятельности..... 779
- Мальцева Д. И.**
Калькирование как метод образования
неологизмов современного
немецкого языка 782
- Махмудов У. Р.**
О классификации переводов фразеологизмов
в текстах СМИ 784

Мирзабаева А. М. Переводы произведений Чехова на иностранные языки 787	Челядинова В. А. Символика пурпурного цвета в произведении Сэй-Сёнагон «Записки у изголовья» 804
Олимова Х. В., Набиева А. Ш. Phoneme and stress alternations. morphonology 792	Шукурова С. О., Тураева Д. М. Approaches to teaching writing 807
Очилова Д. Б., Жумаева Н. Г. Some main problems and their solutions are being faced among the language learners 794	Юсупова Ш. Б. Некоторые сложности перевода английских технических терминов 808
Ф И Л О С О Ф И Я	
Петрушкина А. В. Метафора в немецком языке на примере номинаций женщин и мужчин 795	Вертунов А. А., Гончарова О. Е., Микеров А. Я., Храмкова С. В. Основные термины и технология научного познания 811
Раджабова Н. А. Эпитеты со значением цвета в поэзии М. Цветаевой 797	Сенцов А. Э., Жилинская А. В. Особенности философского осмысления будущего 814
Сенцов А. Э., Муратова Е. Н., Онищенко А. К. Особенности исследования политического дискурса через анализ концептов 799	Сенцов А. Э., Жилинская А. В. Представление концепта будущего в программных текстах 817
Сенцов А. Э., Онищенко А. К. К проблеме исследования концептуальной метафоры 802	

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Сравнительный анализ пословиц, поговорок и фразеологизмов русского и китайского языков

Иванникова Алена Геннадьевна, магистрант
Томский государственный университет

Казарян Арегназ Арсеновна, студент;
Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой
Томский политехнический университет

Концепт «чай» является значимым фрагментом как китайской, так и русской концептосферы. Несмотря на то, что в российскую культуру концепт «чай» проник гораздо позже, чем он закрепился в культуре Китая, несмотря на то, что его возникновение в России было результатом заимствования данного феномена и понятия из Китая, тем не менее, «чай» как в китайской, так и в русской культурах создал специфическое лингвокультурное пространство.

Пословицы, поговорки и фразеологизмы родились в гуще народной жизни и употребляются не только во всех сферах устной речи, но и в художественных произведениях, тем самым отражая всю многогранную жизнь народа. Сравнение данных выражений в китайском и русском языках дало нам повод заявить, что в русском языке чай являет собой символ гостеприимства и времяпрепровождения. В китайском языке данный концепт носит при-

кладной характер (большинство из представленных выражений относится к особенностям выращивания чая и к его лечебным свойствам).

В русском языке

В данном разделе для анализа нами были взяты следующие источники: «Большой словарь русских поговорок» В.М. Мокиенко [1], «Народная мудрость. Пословицы и поговорки» М.И. Соколовой [2], «Универсальный фразеологический словарь русского языка» Т. Волковой [3], «Большой фразеологический словарь» А.Н. Тихонова [4]. В рассмотренных примерах прослеживается отнесенность к различным аспектам жизни человека, поэтому ниже мы приводим их деление на подгруппы «Приятное времяпрепровождение», «Гостеприимство, чайный этикет», «Важность чая, любовь к нему», «Традиция пить чай вприкуску с чем-либо».

Поговорка	Значение	Источники
Времяпрепровождение:		
1. Некогда чаи распивать	(посл.) «некогда отдыхать, пора браться за работу»	Большой словарь русских поговорок, «Народная мудрость. Пословицы и поговорки» [С. 603]
2. Распивать чаи	(пог.) разг.; чаёвничать	Большой словарь русских поговорок
3. Гонять чаи	(пог.) неспешно распивать чай, обычно в небольшой компании, чтобы скоротать время или же просто как дополнение к беседе. Может быть употреблено и в отрицательном значении, при характеристике ленивых людей как синоним к фразеологизму «бить баклуши»	«Народная мудрость. Пословицы и поговорки» [С. 603]
4. Баловаться чайком	(пог.) экспрессивный синоним выражения «пить чай». Также имеет значение «пить чай, когда предоставится возможность»	Большой словарь русских поговорок, «Народная мудрость. Пословицы и поговорки» [С. 603]
5. Чай не пил — какая сила? Чай попил — совсем ослаб!	(пог.) так в шутку говорят о человеке, который чувствует себя очень расслабленным после чаепития.	«Народная мудрость. Пословицы и поговорки» [С. 603]

6. Чай пить — не дрова рубить	(пог.) обычно говорится в ответ на приглашение выпить чаю, «пить чай — приятное занятие»	Большой словарь русских поговорок, «Народная мудрость. Пословицы и поговорки» [С. 603]
7. Не ленись, а отличай, где солома, а где чай!	(посл.) необходимо помнить, где работа, а где отдых.	«Народная мудрость. Пословицы и поговорки» [С. 603]
8. Выпей чайку — забудешь тоску	(пог.) о благоприятном влиянии чая на организм человека	Большой словарь русских поговорок
9. Мы за чаем не скучаем — по семь чашек выпиваем!	(пог.) о людях, любящих пить чай и празднично проводить время	«Народная мудрость. Пословицы и поговорки» [С. 603]
Гостеприимство, чайный этикет:		
1. Звать на чай, звать на чашку чая	(фр.) звать в гости	Универсальный фразеологический словарь русского языка [С. 433], Большой фразеологический словарь
2. Обсудить за чашкой чая	(фр.) во время чаепития	Большой фразеологический словарь
3. Чай не водка — много не выпьешь	(пог.) в шуточной форме означает: «Чаепитие пора заканчивать»	Большой словарь русских поговорок
4. Чай несущий — не подумайте, что выгоняю!	(пог.) говорит хозяйка при подаче чая гостям, когда просит не соблюдать этикетный принцип: «Конец чаепития — конец визита»	Большой словарь русских поговорок
5. Приходите к чаю — пирогами угощай	(пог.) Приглашение в гости	Большой словарь русских поговорок
7. Чай да сахар	(фр.) приветствие пьющим чай	Универсальный фразеологический словарь русского языка [С. 433], Большой фразеологический словарь
Другое:		
1. Чаем на Руси никто не подавился!	(пог.) так говорят, если в чашку попали чайинки	Большой словарь русских поговорок
2. На чай (давать, брать)	(фр.) давать, брать деньги сверх положенной платы за какие-нибудь услуги (напр., при расчетах с официантом, шофером такси и т. п.)	Универсальный фразеологический словарь русского языка [С. 433], Большой фразеологический словарь
3. Пить «пустой» чай	(фр.) Пить чай без сахара или десерта	Большой фразеологический словарь
4. Напоить крепким чаем	(фр.) Отравить	Большой фразеологический словарь

Из таблицы становится понятным, что пословицы, поговорки и фразеологизмы в русском языке в основном имеют отношение к процессу **чаепития**. В русской культуре чай является символом приятного времяпрепровождения, отдыха и расслабления, приёма гостей, что очень чётко прослеживается в приведённых примерах. Большинство поговорок (9) обозначают **времяпрепровождение** («баловаться чайком», «чай пить — не дрова рубить»), иногда они могут иметь даже негативный оттенок, отражая такую черту национального русского характера, как лень («гонять чай»). Также немалое количество пословиц (7) относятся к **чайному этикету, гостеприимству** («обсудить за чашкой чая», «приходите к чаю —

пирогами угощай). Все приведенные выражения дают нам право утверждать, что за время функционирования концепта «чай» в русском языке в России сложилась особая чайная культура, в рамках которой были сформированы определённые традиции чаепития, а чай стал неотъемлемой частью любого застолья.

В китайском языке

Далее рассмотрим пословицы, поговорки и фразеологизмы китайского языка, относящиеся к концепту «чай». Пословицы и поговорки были взяты из «Словаря пословиц и поговорок китайского языка» [5], фразеологизмы — из «Фразеологического словаря китайского языка» [6]:

Выражение	Транскрипция	Перевод	Источники
Выращивание чая:			
1. 七掏金, 八掏银, 十月掏掏平平心	Qī tao jīn, bā tao yīn, shí yue tao tao píng píng xīn	(пог.) Собранный в июле чай — золото (самый лучший), в августе — серебро, в октябре — хороший чай	Словарь пословиц и поговорок китайского языка

2.茶叶是时辰草，早采三天是宝，迟采三天是草	Cha ye shi shi chen cao, zao cai san tian shi bao, chi san tian shi cao	(пог.) Чайный лист — как утренняя трава, собранный в первые три дня — сокровище, а если опоздать на три дня, то он станет просто травой	Словарь пословиц и поговорок китайского языка
3.茶树不怕肥，无肥可加泥，熟泥加生泥，胜似吃高丽	Chashubupafei, wufeike-jiani, shunijishengni, shengsichigaoli	(пог.) Чай не зависит от удобрений, если нет удобрений, можно просто добавить глины и всё равно получить хороший урожай.	Словарь пословиц и поговорок китайского языка
4.茶树不怕冷，就怕干风冻	Cha shu bu bal eng, jiu pa gan feng dong	(пог.) Чай не боится низкой температуры, он боится сухого холодного ветра	Словарь пословиц и поговорок китайского языка
5.茶园铺层草，等于施肥料，夏天防高温，冬天当棉袄	Cha yuan pu ceng cao, deng yu shi feiliao, xia tian fang gao wen, dong tian dang mian wo	(пог.) Подстилка из травы для чайного куста как удобрение, летом она защищает от жары, зимой — от холода.	Словарь пословиц и поговорок китайского языка
6.采摘多留叶，来年多增产	Cai zhai duoliu ye, lai nian duo zeng chan	(пог.) Собирая чайный лист, оставьте больше листьев нетронутыми, и на следующий год ваш урожай увеличится	Словарь пословиц и поговорок китайского языка
7.收多收少在于肥，有收无收在于保	Shou duo shou shao zai yu fei, you shou wu shou zai yu bao	(пог.) Большой у вас будет урожай чая или маленький зависит от удобрений, будет ли урожай вообще — зависит от вашего ухода за растением	Словарь пословиц и поговорок китайского языка
8.要想茶叶产量高，肥、采、植保要抓牢	Yao xiang cha ye chanliang gao, fei, cai, zhi bao yao zhualao	(пог.) Для получения высокого урожая чайного листа следует соблюдать правила удобрения, ухода за чайным кустом, высадки и сбора листьев	Словарь пословиц и поговорок китайского языка
9.来年想安耽，冬季要封园	Lai nian xiang an, dong ji yao feng yuan	(пог.) Для хорошего урожая в следующем году следует оградить чайную плантацию забором на зиму	Словарь пословиц и поговорок китайского языка
10.平地有好花，高山有好茶，云雾山中出名茶	Ping di you hao cha, gao shan you hao cha, yun wu shan zhong chu ming cha	(пог.) На равнине и в горах вырастает хороший чай, а там, где горы окутывает дымка облаков — лучший чай	Словарь пословиц и поговорок китайского языка
11.一担春茶百担肥，栏肥壅茶三年青	Yi dan chun cha bai dan fei, lan fei cha san nian qing	(пог.) Чтобы собрать 50 кг чая, нужно 50 кг удобрений; если соблюдать правила удобрения и ухода за чайным кустом, он будет оставаться молодым в течение трёх лет	Словарь пословиц и поговорок китайского языка
12.根底肥，芽上催，茶丛好，树势旺，茶叶增产有保障	Gen di fei, ya shang cui, cha cong hao, shu shi wang, cha ye zeng chan you bao zhang	(пог.) Хорошее удобрение способствует хорошему росту и цветению чайного куста, а также хорошему урожаю чайного листа	Словарь пословиц и поговорок китайского языка
13.茶季施化肥，冬季培生泥	Cha ji shi hua fei, dong ji pei sheng ni	(пог.) Удобряйте чайный куст во время роста, а зимой добавляйте глины	Словарь пословиц и поговорок китайского языка
14.改造茶树不养丛，辛辛苦苦一场空	Gai zao cha shu bu yang cong, xin xin ku ku yi chang kong	(пог.) Необходимо много времени для того, чтобы избавиться от сорняков около чайных кустов	Словарь пословиц и поговорок китайского языка
15.茶地不挖，茶芽不发；三年不挖，茶树摘花	Cha di bu wa, cha ya bu fa; san nian bu wa, cha shu zhai hua	(пог.) Если не окучивать чайный куст, то не будут распускаться почки; если не окучивать чайный куст в течение трех лет, то с чайного дерева можно будет собирать лишь цветы	Словарь пословиц и поговорок китайского языка

16.头茶荒, 二茶光; 若要春茶好, 茶山 开得早	Tou cha huang, er cha guang; ruo yao chun cha hao, cha shan kai de zao	(пог.) Первый год — неурожайный, во второй год урожай также мало; если хотите получить хороший урожай весеннего чая, то нужно за- ранее заняться выращиванием	Словарь по- словиц и пого- ворок китайского языка
17.一季草, 季季草; 宁愿少施一次肥, 不 可多养一次草	Yi ji cao, ji ji cao; ning yuan shao shi yi ci fei, bu ke duo yang yi ci cao	(пог.) Если сорняки появятся в одном сезоне, то они будут во всех сезонах; лучше один раз не положить удобрений, чем однажды не прополоть чайные кусты	Словарь по- словиц и пого- ворок китайского языка
18.茶树绿丛丛, 只 怕拱拱虫	Cha shu cong cong, zhi pa gong gong chong	(пог.) Нельзя допускать появления червей на чайном кусте	Словарь по- словиц и пого- ворок китайского языка
19.清明时节到, 姑 娘采茶忙	Qing ming shi jie dao, gu niang cai cha mang	(пог.) В день поминовения усопших (начало апреля) девушки заняты сбором чая	Словарь по- словиц и пого- ворок китайского языка
20.茶树早采早发, 越采越发, 迟采 迟发	Cha shu zao cai zao fa, yue cai yue fa, chi cai chi fa	(пог.) Чем раньше будет сбор чая, тем раньше куст распустится вновь	
21.采茶头批早批批 早, 头季早季季早; 早采三天是个宝, 迟 采三天变成草	Cai cha tou pi zao pi pi zao, tou ji zao ji ji zao; zao cai san tian shi ge bao, chi cai san tian bian cheng cao	(пог.) Соберёте одну партию чая раньше — будете собирать каждую партию раньше; во- время собранный чай — сокровище, поздно собранный чай превращается в траву	Словарь по- словиц и пого- ворок китайского языка
Хранение чая:			
22.酒越陈越香, 茶 越存越差	Jiu yue chen yue xiang, cha yue cun yue cha	(пог.) Чем дольше хранится вино, тем оно становится лучше; чем дольше хранится чай, тем хуже он становится	Словарь по- словиц и пого- ворок китайского языка
Чай в медицине:			
1.药为各病之药, 茶 为万药之药	Yao wei ge bing zhi yao, cha wei wan yao zhi yao	(пог.) Лекарство лечит от определенной бо- лезни, чай — это лекарство от 10 тысяч бо- лезней	Словарь по- словиц и пого- ворок китайского языка
2.苦茶久饮, 可以 益思	Ku cha jiu yin, ke yi yi si	(пог.) Долгое питьё горького чая способ- ствует мышлению	
3.茶叶如米盐, 不可 一日无	Cha ye ru mi yan, bu ke yi ri wu	(пог.) Чай как рис или соль, его нужно упо- треблять каждый день	
4.饭后一杯茶, 解腻 助消化	Fan hou yi bei cha, jie ni zhu xiao hua	(пог.) Стакан чая после еды способствует пи- щеварению, рассасыванию жиров	Словарь по- словиц и пого- ворок китайского языка
5.午茶能提神, 晚茶 人难眠	Wu cha neng ti shen, wan cha ren nan mian	(пог.) Чай в обед придаёт энергии, ве- чером — препятствует сну	
6.中年早«发福», 请 您多饮茶	Zhong nian zao «fa fu», qing nin duo yin cha	(пог.) Чай помогает бороться с лишним весом	
7.吃饭不宜过饱, 喝 茶不宜过浓	Chi fan bu yi guo bao, he cha bu yi guo nong	(пог.) Не нужно кушать до полного насы- щения и пить очень крепкий чай	Словарь по- словиц и пого- ворок китайского языка
8.儿童一杯茶, 可防 龋齿病	Er tong yi bei cha, ke fang qu chi bing	(пог.) Чай помогает предупреждению ка- риеса у детей	
9.暑夏冷饮虽好, 不 如温水解渴	Shu xialeng yin sui hao, bur u wen shui jie ke	(пог.) Хотя летом и хорошо выпить холодного напитка, жажду он не утолит, как тёплый чай	
10.烫茶伤五内, 温 茶能益寿	Dang cha shang wu nei, wen cha neng yi shou	(пог.) Горячий чай вредит органам, тёплый — способствует долголетию	Словарь по- словиц и пого- ворок китайского языка
11.夏季宜绿茶, 冬 季宜红茶	Xia ji yilu cha, dong ji yi hong cha	(пог.) Летом следует пить зеленый чай, а зимой — черный	
12.宁可一日无食,不 可一日无茶	Ning ke yi ri wu shi, bu ke yi ri wu cha	(пог.) Можно прожить день без еды, но нельзя прожить день без чая	
13.不茶不饭	Bu cha bu fan	(фр.) Нет аппетита (выражает озабоченность, обеспокоенность), дословно: не пить чай и не есть рис	Фразеологиче- ский словарь ки- тайского языка
14.茶饭无心	Cha fan wu xin	(фр.) Унылое настроение: нет аппетита; до- словно: сердце не лежит к питью чая и еде	

Ритуал чаепития:			
1. 头茶香, 二茶苦, 三茶可口不可摘	Tou cha xiang, er cha ku, san cha ke kou bu ke zhai	(пог.) В первый раз налитый чай даёт прекрасный аромат, во второй раз налитый чай горек на вкус, в третий раз налитый чай вкусен и неповторим	Словарь пословиц и поговорок китайского языка
2. 客从远方来, 多以茶相待	Ke cong yuan fanglai, duo yi cha xiang dai	(пог.) Гости приходят издалека, и их встречают чаем	Словарь пословиц и поговорок китайского языка
3. 无茶不成仪	Wu cha bu cheng yi	(пог.) Без чая нет церемонии	Словарь пословиц и поговорок китайского языка
4. 主人要敬客人四碗茶, 四季平安	Zhu ren yao jing ke ren si wan cha, si ji ping an	(пог.) Хозяин должен предложить гостю 4 чашки чая как символ благополучия в четырёх сезонах года	Словарь пословиц и поговорок китайского языка
Другое:			
1. 茶余饭饱	Cha yu fan bao	(фр.) Свободное время, досуг; дословно: после насыщения едой и чаепития	Фразеологический словарь китайского языка
2. 残茶剩饭	Can cha sheng fan	(фр.) Остатки от обеда; дословно: недопитый чай и недоеденный рис	Фразеологический словарь китайского языка
3. 酒后茶余	Jiu hou cha yu	(фр.) Произвольно коротать время; дословно: после вина и чая	Фразеологический словарь китайского языка
4. 浪酒闲茶	Lang jiu xian cha	(фр.) Вести разгульный образ жизни и предаваться излишества; дословно: растратить впустую вино и чай	Фразеологический словарь китайского языка
5. 榷酒征茶	Que jiu zheng cha	(фр.) Многочисленные обременительные поборы, налоги; дословно: налоги на вино и чай	Фразеологический словарь китайского языка
6. 挑茶鞞刺	Tao cha wo ci	(фр.) Искать повода для ссоры, провоцировать скандал	Фразеологический словарь китайского языка
7. 三茶六礼	San chaliuli	(фр.) Традиционные свадебные подношения в древнем Китае (дословно: 3 вида чая и 6 подарков)	Фразеологический словарь китайского языка

Многие из приведенных поговорок относятся к сфере разведения и **выращивания чая** (22) (*七掏金, 八掏银, 十月掏掏平平心 — собранный в июле чай — золото (самый лучший), в августе — серебро, в октябре — хороший чай*). Они детально отражают непосредственно процесс разведения чая. Данные поговорки пришли из среды устного фольклора, и по настоящий момент являются руководством к выращиванию чая. Помимо этого, большое количество пословиц и поговорок содержат в себе сведения об использовании чая в **медицине** (14) (*药为各病之药, 茶为万药之药 — лекарство лечит от определенной болезни, чай — это лекарство от 10 тысяч болезней*). Поговорки, в которых отражено лекарственное действие чая, являются подтверждением тому, что чай употребляется в Китае не только как напиток, но и как лекарство. В пословицах и поговорках китайского языка отражается и сам ритуал **чаепития** (4), что подчёркивает его важность в жизни каждого китайца (*头茶香, 二茶苦, 三茶可口不可摘 — в первый раз налитый чай даёт прекрасный аромат, во второй раз налитый чай горек на вкус, в третий раз налитый чай вкусен и неповторим*). Помимо этого, приведённые фразеологизмы также подчёркивают тот факт, что чай яв-

ляется одним из главных предметов на обеденном столе (*残茶剩饭 can cha sheng fan — остатки от обеда; дословно: недопитый чай и недоеденный рис*). Представленные фразеологизмы также дают повод заявить, что посредством чая можно характеризовать различные настроения человека и аспекты жизни (*茶饭无心 cha fan wu xin — унылое настроение: нет аппетита; дословно: сердце не лежит к питью чая и еде*).

Рассмотрев пословицы, поговорки и фразеологизмы, относящиеся к концепту «чай» в русском и китайском языках, мы пришли к выводу, что пословицы и поговорки китайского языка превосходят имеющиеся в русском языке как количественно (в русском языке нами было выявлено 20 пословиц, в китайском — 38), так и по делению на сферы использования. Так, в русском языке большинство пословиц и поговорок имеют отношение к времяпрепровождению (*«Чай не пил — какая сила? Чай попил — совсем ослаб!»*) и чайному этикету, гостеприимству (*«Чай несё — не подумайте, что выгоняю»*). А в китайском языке — к аспекту выращивания и разведения чая (*茶季施化肥, 冬季培生泥 — Удобрите чайный куст во время роста, а зимой добавляйте глины*). Также многие пословицы отражают лечебное действие чая на ор-

ганизм человека (*儿童一杯茶, 可防龋齿病 — Чай помогает предупреждению кариеса у детей*). Помимо этого, поговорки характеризуют сложный ритуал чаепития (*主人要敬客人四碗茶, 四季平安 — Хозяин должен предложить гостю четыре чашки чая как символ благополучия в четырёх сезонах года*).

Таким образом, мы можем сказать, что поговорки и поговорки, относящиеся к концепту «чай», в китайском языке имеют больше областей применения, чем в рус-

ском языке. Многие из них носят прикладной характер, так как ещё предки современных жителей Китая заложили в них основы правильного выращивания чая, его применения в лечебных целях, некоторые постулаты проведения чайной церемонии. Напротив, в русской языковой картине мира присутствуют такие поговорки, которые не носят какого-либо прикладного, обучающего характера, но отражают отношение русских к чаепитию как к расслаблению и символу гостеприимного, дружеского отношения.

Литература:

1. Мокиенко, В.М. «Большой словарь русских поговорок» [Электронный вариант]. URL: <http://enc-dic.com/gussaying>.
2. Соколова, М. И Народная мудрость. Пословицы и поговорки. Новосибирск: Офсет, 2009. 622 с.
3. Волкова, Т. «Универсальный фразеологический словарь русского языка». М.: Вече, 2000. 464 с.
4. Тихонов, А.Н. Большой фразеологический словарь. [Электронный вариант]. URL: <http://www.frazeologiya.ru/>.
5. Словарь поговорок и поговорок китайского языка. [Электронный вариант]. URL: <http://www.tmet.cn/chahua/chashi/201102/66.html>. Дата проверки: 10.02.2013.
6. Фразеологический словарь китайского языка. [Электронный вариант]. URL: <http://www.cidianwang.com/cy/>. Дата проверки: 10.02.2013.

Особенности взаимодействия библиотек, музеев, архивов в зарубежных странах

Шемаев Сергей Александрович, аспирант
Харьковская государственная академия культуры (Украина)

В статье раскрываются направления взаимодействия музеев, библиотек и архивов в зарубежных странах, акцентируется внимание на совместных проектах, определяются аргументы в пользу взаимодействия.

Ключевые слова: библиотека, музей, архив, взаимодействие, зарубежный опыт, культурное наследие, сотрудничество, партнерство.

В современных условиях формирования новых социальных реальностей пересекаются библиотечные, музейные и архивные процессы; трансформируется и дополняется набор их функций; происходит сближение и взаимопроникновение методов и форм, активизируется взаимодействие библиотек, музеев и архивов на разных уровнях: международном, национальном, региональном.

Значительное количество публикаций посвящено проблемам и стратегиям развития сотрудничества библиотек, музеев и архивов в цифровом пространстве. Одни зарубежные авторы, среди которых — D. Zorich, G. Waibel и R. Egway, а также K. Timms, J. Grant обсуждают неизбежность их конвергенции в электронной среде [7–9]. Другие акцентируют внимание на взаимодействии между библиотеками, музеями и архивами как на обмене действиями; раскрывают различные способы осуществления социально-коммуникационных связей между ними. В частности J. Novia отмечает, что, несмотря на культурные различия, библиотеки, архивы и музеи имеют общую цель, которая состоит в сохранении культурного наследия для просвещения общественности [5]. Следует также отметить,

что большинство зарубежных авторов останавливаются на отдельных аспектах совместных проектов. Поэтому целостная картина взаимодействия зарубежных библиотек, музеев и архивов отсутствует.

В этой связи особую актуальность приобретает ознакомление с зарубежным опытом сотрудничества и взаимодействия библиотек, архивов и музеев.

Развитию взаимодействия между библиотеками, музеями и архивами во многих странах способствуют специальные службы. Их деятельность направлена на понимание специалистами различных учреждений роли социально-коммуникационного взаимодействия как эффекта, который обеспечивает их устойчивое развитие.

Значительные усилия в этом направлении на протяжении многих лет прилагает Совет музеев, библиотек и архивов (MLAC), созданный в 1936 году в Великобритании. Основной его целью является преодоление коммуникационных барьеров между библиотеками, музеями и архивами, связанных с разными социальными ролями; разными профессиональными методами и методиками работы; разным отношением к своим активам [3].

В США большое значение в организации системных связей библиотек с музеями и архивами имеет Совместный Комитет Архивов, Библиотек и Музеев (CALM), который в 1970 году объединил представителей профессиональных объединений: Общества американских архивариусов (SAA), Американской библиотечной ассоциации (ALA) и Американской ассоциации музеев (AAM) с целью содействия и развития тесного сотрудничества [3]. Также следует отметить, что в продвижении стабильных коммуникаций между библиотечными, музейными и другими социокультурными организациями и учреждениями важное место занимает Американский институт музейно-библиотечных услуг (IMLS), который функционирует с 1995 года. Приоритетами его деятельности является укрепление партнерских отношений между музеями, библиотеками и архивами в США. Важнейшим направлением развития сотрудничества и взаимодействия библиотек, архивов и музеев на данном этапе является создание совместных электронных ресурсов.

С целью активизации сотрудничества между библиотеками, музеями и архивами создаются специальные центры, службы и другие структуры в Швеции, Норвегии, Дании, Германии и других странах. Например, в Швеции в 2004 году был создан такой центр (ABMcentrum) для: формирования понимания роли взаимодействия между музеями, библиотеками и архивами; стимулирования сотрудничества между ними; содействия применению новых методов и наилучших практик; проведения обучения по оцифровке культурного наследия; расширения сети контактов библиотек, музеев и архивов с центральными и местными органами власти, обществом в целом. В рамках деятельности центра реализуется общая программа по культурному наследию. Примечательно, что в этой программе наряду с вопросами организации оцифровки и предоставления доступа к библиотечным, музейным и архивным коллекциям, выделяются направления, связанные с укреплением сотрудничества между библиотеками, музеями и архивами в области культурного туризма, проведения совместных научных исследований, а также — подготовке кадров [4].

Все больше внимания уделяется пересмотру и совершенствованию учебных программ. Междисциплинарные курсы внедрены в образование библиотекарей, архивистов и музейных работников в Швеции, Хорватии и других странах [4]. Это связано с тем, что факторами обеспечения тесного взаимодействия между библиотеками, музеями и архивами выступает уровень профессиональной подготовки будущих специалистов. Одним из инновационных подходов в процессе подготовки кадров является прохождение студентами практики последовательно в библиотечных, музейных и архивных учреждениях, что способствует расширению их мобильности; позволяет понять, каким образом разные учреждения и их функции соотносятся между собой.

Установление и развитие различных форм взаимодействия между культурными учреждениями является

сложным и неоднозначным, что отмечают исследователи [5]. Например, во Франции в течение нескольких лет продолжались дискуссии, связанные со спецификой деятельности каждой из организаций, прежде чем наладилось партнерское взаимодействие между библиотеками, музеями и архивами. Большое внимание уделяется преодолению технологических барьеров путем подготовки персонала для совместной деятельности по созданию и ведению общих баз данных и обмена информацией в электронном виде, а также — установлению доверия между библиотеками, музеями и архивами как культурно-коммуникативной основы.

Приоритетным направлением во взаимодействии библиотек, музеев и архивов большинства европейских стран является оцифровка национального и культурного наследия. Это обусловлено, прежде всего, тем, что государства-члены ЕС взяли на себя обязательство разработки национальных стратегий и задач для оцифровки и сохранения цифрового наследия, а также стимулирования взаимодействия между различными институтами, которые участвуют в данном процессе.

Несколько совместных проектов реализуется в Финляндии: «Метому», направленный на оцифровку библиотечных, музейных и архивных коллекций, на которые действие авторского права исчерпано; KUILDI, связанный с оцифровкой древнего культурного наследия; Digma и Digmoge, объединившие оцифрованные коллекции региональных музеев и библиотек. В их рамках созданы мультимедийные архивы, которые включают диссертации, научные публикации, художественные работы, коллекции скульптуры в многомерном изображении, старинные карты. Одним из результатов такой кооперации стало создание в 2003 году группы «Electronic Libraries, Archives, Museums» для дальнейшей реализации совместной деятельности по оцифровке и оценке проделанной работы [2].

Следует также отметить, что за последние годы наблюдается повышенное внимание к сотрудничеству между архивами, библиотеками и музеями в Дании — в частности, на местном и региональном уровнях. Работы в этом направлении ведутся с 2003 года [6]. Для организации взаимодействия был создан специальный комитет ALM, который объединил представителей трех секторов. Все проекты по взаимодействию библиотек, музеев и архивов были направлены на консолидацию их усилий для совместного представления ресурсов и организации к ним доступа. Одним из таких проектов является проект Северной Ютландии NOKS, в результате реализации которого была создана совместная база данных с материалами об истории культуры их девяти учреждений. База данных состоит из 115000 записей, включающие различные виды информации: книги, фотографии, листовки, вырезки из газет, архивные материалы, музейные предметы [6].

Примером по установлению теснейших связей между библиотеками, музеями и архивами может служить Ли-

товский проект по созданию интегрального портала. В рамках проекта осуществляется оцифровка объектов культурного наследия, в том числе: манускриптов, газет, книг, дневников, ценных музейных экспонатов, материалов археологических исследований и др. [1]. Специалисты разных учреждений совместно решают сложные проблемы современности, связанные с их непосредственной деятельностью. Помимо оцифровки, проект направлен на обновление и улучшение услуг в электронном публичном секторе; способствует повышению качества электронных услуг.

Интеграция библиотечных, музейных и архивных коллекций осуществляется по нескольким направлениям. Во-первых, создается единый ресурс на основе объединения различных данных (библиотечных и архивных документов, музейных предметов). Во-вторых, формируется унифицированная база данных, включающая различные объекты (текст, видео, аудио, мультимедиа и др.). В-третьих, разрабатывается информационная система, направленная на осуществление и координирование коммуникационных процессов между культурными учреждениями в электронной среде.

В пользу необходимости усиления взаимодействия свидетельствуют следующие аргументы:

1) социально-коммуникационные структуры позволяют возможность совершенствовать деятельность на основе разных подходов;

2) сотрудничество способствует решению сложных вопросов, в первую очередь, на основе использования потенциала компетентных сотрудников данных учреждений;

3) развитие партнерства способствует организации оперативного доступа всех слоев населения к их совместным коллекциям;

4) реализация совместных программ и проектов создает условия для укрепления позиций библиотек, музеев и архивов и увеличения их влияния в обществе;

5) совместная оцифровка культурного наследия способствует экономии материальных ресурсов, увеличению качества электронных собраний;

6) сотрудничество расширяет возможности для поиска дополнительных источников финансирования совместных проектов;

7) системные связи способствуют обогащению и совершенствованию их деятельности, интеллектуализации электронного коммуникационного пространства.

Таким образом, в зарубежных странах на основе усиления взаимодействия между библиотеками, музеями и архивами формируется единое коммуникационное пространство. Реализация совместных проектов, учреждение и функционирование специальных служб по установлению взаимодействия между библиотеками, музеями и архивами способствует повышению эффективности деятельности каждой из организаций, развитию системы социальных коммуникаций в целом.

Литература:

1. Зинкявичене, Ю. Совместный проект архивов, библиотек и музеев Литвы — /Ю. Зинкявичене [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.epaveldas.lt
2. Чечикова, Ю. С. Проекты оцифровки библиотечных и музейных коллекций в Финляндии/Ю. С. Чечикова // Библиотечноеведение. — 2009. — № 1. — с. 95–100.
3. Bradley, M. Collaboration between libraries, archives and museums: Essential for maintaining relevance in the Digital Age/M. Bradley // Journal of the American Society for Information Science and Technology. — 2010. — v. 58, № 14. — P. 2205–2225.
4. Nickel, S. Archive-Bibliotheken-Museen. Beispiele der Zusammenarbeit in Schweden/S. Nickel // АКМБ-NEWS. — 2009. — № 1. — P. 27–30.
5. Novia, J. Library, Archival and Museum (LAM) Collaboration: Driving Forces and Recent Trends/Jennifer Novia // The J. of the New Members Round Table. — 2012. — V. 3, № 1. — P. 1–10
6. Ruth, H. The benefits of archives, libraries and museums working together: a Danish case shared databases/H. Ruth H. // New Library World. — 2004. — v. 105. — № 7/8. — P. 290–296.
7. Timms, K. New partnerships for old sibling rivals: The development of integrated access systems for the holdings of archives, libraries, and museums/K. Timms // Archivaria. — 2009. — № 68. — P. 67–95.
8. Trant, J. Emerging Convergence? Thoughts on Museums, Archives, Libraries and Professional Training/J. Trant // Museum and Management and Curatorship. — 2009. — № 24. — P. 369 —
9. Zorich, D. Beyond the Silos of the LAMs: Collaboration Among Libraries, Archives and Museums/Diane Zorich, Günter Waibel, Ricky Erway (pdf: 334K/59 pp., 2008.) — [online] — Available: www.oclc.org/research/publications/

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Развитие киноискусства и философия кинематографа¹

Аль-Хаким Муштак Абдулмутталеб, магистрант
Белгородский государственный институт искусств и культуры

Ключевые слова: введение, развитие киноискусства, философия кинематографа, кино

Введение

Появление кино произошло на рубеже XIX и XX веков. За семь десятков лет кино успело овладеть умами и сердцами людей всех стран, всех национальностей, классов, профессий, возрастов и темпераментов и стать непрерывной частью интеллектуальной жизни и повседневного быта человечества.

Появление искусства кино явилось результатом двуединого процесса: стремления человечества к наиболее полному и всестороннему образному познанию действительности, достижимому через синтез искусств, объединение их выразительных возможностей.

Стремясь художественно осмыслить жизнь, ее социальные, психологические и иные процессы, человечество ставило перед художниками все новые и более сложные задачи. Литература стремилась к возможно больше наглядности описаний. Живопись и скульптура стремились передать движение. Игра света и динамическая композиция импрессионистов, бурная экспрессия статуй — все это наполнено движением, но кажущимся, иллюзорным. Музыка стремилась к программности, к выражению не только чувств и состояний, но и событий человеческой жизни и картин природы. Но язык музыки оставался в сфере чистых эмоций.

Кино как литература использует слово, как театр — актерское лицедейство, игру, как живопись — рисунок и цвет, как музыка — звуки. Но не слово, не цвет, не звук и даже не свет, не киноплёнка являются материалом киноискусства, а сама реальная действительность. Кино показывает жизнь в ее собственных формах, отобранных, осмысленных и зафиксированных авторами фильмов, и делает это своими специфическими выразительными средствами.

В своей работе я хотела бы изучить историю развития кинематографа, его влияние на духовную жизнь общества. Выделить и проанализировать самые популярные жанры современного кино [1].

1. Философия кинематографа

В начале XX в. вновь поднимается волна рационализма в исследованиях культуры (вскоре она быстро пошла на спад, но оставила след почти во всех направлениях культурологии). Один из вариантов рационализма был представлен марксизмом, превратившимся к этому времени в мощное идеологическое движение, другой — философией М. Вебера (лидера умонастроений либеральной буржуазии).

Для философии кинематографа, по-прежнему главной проблемой является поиск «подлинного» человеческого бытия, сосредоточенность на символе. По мере того, как язык все больше притягивал к себе внимание исследователей культуры, методы, сложившиеся в науке о языке, все более входили в обиход общественных наук. Отношения, складывающиеся в обществе, стали трактоваться по аналогии с отношениями, складывающимися между значимыми единицами языка и речи. В ход пошли методы структурного языкознания (Ф. Соссюр), социологии языка (Сепир, Уорф), гумбольдтианское учение о внутренней форме, превращение сферы бессознательного в особого рода организованный язык (Ж. Лакан), обнаружение символов-архетипов коллективного бессознательного (К. Юнг, неофрейдизм), трактовка языка как голоса бытия (М. Хайдеггер), открытие в языке шифров изначального смысла бытия (К. Ясперс), выражение в символе «культурного мифа» народа (холизм в культурологических исследованиях) [2].

¹ I would like to express my sincere gratitude to ministry of higher education and scientific research Iraqi, for her valuable guidance. That provided me this scholarship in addition to the financial and moral support in order to complete my studies.

Можно сказать, что символы как мифы культуры читались исследователями по вертикали, а символы как мифы цивилизации — по горизонтали. Символ-миф уводил с поверхности культуры сегодняшнего дня в ее архаические пласты, хранящие символику бессознательного. Для экзистенциалистов, персоналистов, неотрейдистов, представителей философской антропологии символ — это тоннель, «лаз» в подполье культуры, соприкосновение с невидимой глазу плазмой, создающей своими импульсами напряжения на поверхности культуры, конфликты современной жизни. Их корни — там, в глубинах бытия. И философия кинематографа «спускается» к ним, к Эросу и Танатосу, жизни и смерти. Горизонтальное же измерение символических структур дает картину бесконечного разнообразия сетей коммуникаций, которыми опутано современное общество. Движущиеся по своим орбитам символы создают сложные конфигурации, прочитывающиеся то как «социальный театр» (социально-ролевое общение людей в надежных на них «социальных масках»), то как «социальное кино» (аудио-визуальная реклама, пропагандирующая с телеэкранов, витрин, стен и крыш домов, обложек журналов и оберток товаров все тот же, рожденный Голливудом, неправдоподобно счастливый мир), то как «тотальный дизайн» («грозящий» или «грезящий» всю среду обитания человека превратить в декорации бесконечного, вечно длящегося праздника), то, наконец, как многоуровневые ритуальные действия обыденной жизни (от семейный, камерных до общественных, публичных, перерастающих в грандиозные политические кампании — шоу и шоу-бизнеса).

Все эти прочтения имеют название «массовая культура», или «индустрия культуры», изучение которой входит в компетенцию скорее социологии массовых коммуникаций, чем философии кинематографа в узком смысле.

Вернемся к вертикальному измерению символа, оболюбованному философией кино. Путешествие по нему в глубинные слои культуры давало уверенность в возможности овладения «душой» кинематографа, воссоздания его точной модели. Так родилась «морфология кинематографа» — строительство моделей из найденной первоклеточки культуры.

Таким образом, если в начале XX в. философия кино начиналась с превознесения завоеваний цивилизации: широты научного кругозора, строгости морали, материального благосостояния, власти закона, просвещенной веры, развитого, воспитанного вкуса, то в конце XX в. она объявила все это «репрессивным аппаратом», с помощью которого культура создает отчужденные, превращенные формы реальности, вступающие в непримиримый конфликт с живой жизнью [3].

2. Развитие киноискусства

28 декабря 1895 года в «Большом кафе» на бульваре Капуцинов в Париже братья Люмьер публично продемонстрировали ряд своих фильмов. Эта дата и считается днем рождения кино.

Непритязательные сценки, заснятые Люмьерами, — выход работниц из Фабричных ворот, прибытие поезда, игра в карты, кормление ребенка, отплытие лодки, шалость мальчишки, который наступил на шланг и облил водой дворника, поливавшего сад, имели огромный успех. Зрители взвизгивали и шарахались от наезжающего из глубины экрана паровоза, до слез хохотали над политым поливальщиком, дивовались на движение людей, экипажей, ветвей, колеблемых ветром. Уже через несколько недель фильмы Люмьеров появились в Риме, Вене, Берлине, Петербурге, Москве, проникли в Индию, Австралию, Египет. Через несколько месяцев возникают бесчисленные «кинематографы», «биографы», «иллюзионы», в которых демонстрируются фильмы Люмьеров, их конкурентов и их последователей. А в начале XX века во всех развитых странах Европы, в Америке, Африке и Азии рождается собственное национальное производство фильмов. Лихорадочно заимствуя у литературы сюжет, у театра, цирка, варьете — приемы, у живописи — композиции, сопровождая фильмы аккомпанементом роялей и оркестров, а зачастую и художественным чтением, новое искусство, презрительно именуемое «киношкой», балаганом, техническим аттракционом, театром для нищих, начинает победоносно завоевывать мир.

Уже за первые десять-двадцать лет определились не только имитаторские возможности кино, но его собственные взаимосвязи с жизнью, собственная условность, собственные специфические выразительные средства.

Прежде всего — это смена планов. Кинокадр может вместить и широкий пейзаж, и толпу, и огромное здание. Этот кадр будет снят общим или дальним планом. Но в кадре может быть снят сидящий человек, часть интерьера, станок, окно. Они будут сняты средним планом. А когда киноаппарат приблизит к зрителю лицо актера, его руку, какой-либо предмет — это будет называться крупным планом. Очень крупный план — глаз, пуговица, нож, колесо — обычно называют деталью. Чем крупнее план, тем более концентрируется внимание зрителя на определенном предмете. В зависимости от того, каким планом воспользовались авторы фильма, зритель может охватить взглядом и бескрайний морской простор, и полк, идущий в атаку, и поезд, мчащийся по степи, но может и заглянуть в глаза человеку, уловить движение его рук и губ. Наиболее сильным, впечатляющим и выразительным средством кино является крупный план.

Кинозритель может взглянуть на человека, здание, дерево, машину сверху, сбоку, снизу, под разными углами зрения. Точки зрения на предмет называются ракурсами. От ракурсов зависит оценка предмета, его эмоциональная окраска. Кадры, снятые в различной крупности и в различных ракурсах, следуют в фильме в определенной последовательности, сливаясь в общее впечатление.

Соединение отдельных кадров в единое целое называется монтажом, т. е. сборкой. Монтаж — главное, основное, специфическое средство киноискусства, бесконечно могучее, богатое, впечатляющее.

При помощи монтажа можно соединять события, снятые в разных местах и в разное время. В сочетании с движением внутри кадра или с движением аппарата, меняющего точку зрения на предмет, монтаж управляет временем, пространством и движением, создавая на экране ту иллюзию реальной действительности, которая нужна художнику для выражения своего отношения к жизни, своих мыслей, своих идей.

Богатейшие возможности таят в себе и так называемые кадансы, т. е. ускорение и замедление съемки, благодаря чему меняется внутрикадровое движение, различные трюковые съемки — многократные экспозиции, совмещения, наплывы, затемнения, используя которые на экране можно изобразить все — любые времена, эпохи, эры; любые континенты, страны, города, любые состояния человека, все оттенки его чувств, его действия; любые процессы биологической и общественной жизни. Можно сделать реальной любую фантазию и, главное, можно правдиво и полно показать любую реальность.

Эти качества кино были оценены и зрителями, и художниками. Поэтому кино и завоевало так быстро многомиллионные аудитории.

Появление и массовое распространение телевидения вызвало новые перемены в развитии кино: захватив значительную часть свободного времени человека, оно потеснило книгу, все искусства, включая кинематографическое. По телевидению передаются самые разнообразные программы, среди них не мало чисто информационных, которые не претендуют на то, чтобы приблизиться к эстетическим структурам искусства. Те же передачи, которые строятся по законам искусства, по своей природе близки к кинематографу: телеэкран воздействует на зрителя натуральностью движущейся фотографии; это воздействие усиливается сменами планов, ракурсов, целенаправленным монтажом кадров. Особенно близки к кинематографу такие передачи, как телевизионные фильмы. Телевидение небывало увеличило зрительскую аудиторию кинематографа. Десятки миллионов людей могут посмотреть шедевры мирового кино, не выходя из дома. Нельзя, однако, забывать существенную разницу в характере восприятия телепередач и кинофильмов зрителями. Публика, наполняющая кинозал, неизбежно создает точки коллективных переживаний: от фильма, его содержательных и эстетических качеств зависит их интенсивность, уровень, возникающих в зрительном зале коммуникационных связей.

Рост количества кинотеатров и их посещаемость, феноменальный рост количества зрителей, которые смотрят кинофильмы по телевидению, — лишь один из факторов, определяющих современное значение киноискусства, также важен конечный результат встречи зрителя с фильмом: какой урожай мыслей и чувств собрал фильм, что оставил в душе человека.

Первый полнометражный цветной фильм «Бекки Шарп» американского режиссёра армянского происхождения Рубена Мамуляна вышел в 1935, этот год и принято считать годом появления цветного кино. В СССР первый

игровой цветной фильм «Груня Корнакова» был снят уже в 1936 году. В 1950-х годах технический прогресс зашёл ещё дальше. Разработка и внедрение магнитной записи и воспроизведения звука, а также создание и освоение новых видов кинематографа (панорамного, стереоскопического, полиэкранного и др.) привели к значительному повышению качества показа фильмов, стали говорить об «эффекте присутствия» зрителя. Впечатление усиливалось стереофоническим воспроизведением звука, позволявшем создавать «пространственную звуковую перспективу» — звук как бы следует за изображением его источника, вызывая иллюзию реальности источника звука.

В начале XXI века, с развитием цифровых технологий записи изображения, появилось понятие «цифровой кинематограф» или «цифровое видео» (англ. digital video). Под этим термином понимают новый вид киносъёмки, когда кадры записываются при помощи цифровой камеры прямо на цифровой носитель данных. В этом случае киноплёнка для съёмок становится ненужной, а кинопроектор заменяется цифровым проектором, либо с помощью лазерных рекордеров изготавливается высококачественный интернегатив (англ. digital intermediate) для последующей печати фильмокопий. Современные цифровые камеры обеспечивают очень высокое разрешение изображения, хорошую цветопередачу и широчайший, недоступный до недавнего времени, спектр манипуляций с цветовой гаммой изображения. Цифровые технологии также предоставляют большие возможности для использования видеографики и спецэффектов в кино.

Массовый кинематограф начался с короткого и абсолютно достоверного репортажа о прибытии поезда на вокзал, показанного на куске холста. Сегодня это продолжительные по времени, весьма далёкие от реальности динамические картины, адекватное восприятие которых возможно только при помощи сопутствующих аппаратов, соединяющих органы чувств человека с продуктами технологий XXI века. Индустрия развлечений делает ставку на 3D. Считается, что 3D — это единственная величайшая возможность развития киноиндустрии с момента наступления эпохи цветного кино. Изображение в формате 3D снимается так — цифровая технология объединяет два фильма так, что их можно показывать одним проектором. Этот проектор переключается между образами для левого глаза к образам для правого так быстро (144 раз в секунду), что мозг не может заметить этого переключения, картинка сливается в мозгу, преобразуясь в трёхмерные фигуры [4].

Заключение

Философия нужна там, где есть тайна, когда нужно домысливать то, что не удастся увидеть или ощутить. Современная ситуация такова, что наука и кинематограф позволили ощутить и увидеть то, что ранее было недоступно. А непонятное обозначить фантастическими визуальными образами. В таком мире роль и назначение философии от-

мерло. Человеку не нужно что-то пытаться осознать. Вокруг него полно образности объясняющей все что угодно и это больше способности человека переварить все это варево. Глянцевая картинка заменила неприглядно пахнущую реальность.

Кино — это не просто картинка, не просто созерцание различных сюжетов и интригующих приключений, с героями которых зритель отождествляет себя, наблюдая их со стороны, кино — самое массовое из ис-

кусств, а ведь чем более массовым является искусство, тем больше на него спрос, тем выше должны быть его критерии. Любые жанры, будь то комедия, драма, боевик, если они адресованы народу, должны нести большую социальную нагрузку. Поэтому на современном этапе хотелось бы, чтобы кино рассматривалось не столько мощным средством индустриального развития, сколько, в большей мере, оставалось искусством, которое создано, чтобы делать нас лучше, умнее и добрее [4][5].

Литература:

1. Ж. Т. Тощенко *Философские проблемы в современном кинематографе* Москва 2008 г.
2. Белый, А. О. Пути культуры // *Вопросы философии*, 2002. № 11. с. 91.
3. Брейтман, А. С. «Традиции русской культуры и современный кинематограф» 2001 г. Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Выпуск № 12. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 282–287.
4. Тютрин, Ю., Долматовская Г. — М.: Искусство, 1990, 320 с.
5. Ядов, В. А. Размышления о предмете кино Социс, 2007. Дженкс Ч. А. // *Современная западная философия: Словарь*. — М., 2007.

Пространство в изобразительном искусстве современного Казахстана

Болысбаев Даулет Сейтмаханович, кандидат философских наук;

Корикбаев Акниет, магистр;

Шуленбаева Айгерим Раимбековна, магистр

Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауэзова (г. Чимкент)

В статье рассматриваются системы пространственного построения изображений.

Ключевые слова: живопись, искусство, глубинность, цветотень, пространство, изобразительное искусство, плоскостность, художник, трехмерность.

Исходные рубежи развития казахской школы живописи — это не просто тот первый шаг, который можно потом «исправить», «дополнить» и оставить далеко позади. Периоды заложения основ в истории мирового искусства суть вообще особые периоды, которые в каком-то смысле остаются непревзойденными. Те из них, которые действительно достойны этого имени, заключают в себе не просто подходы к новому типу искусства, новой художественной концепции, а своего рода «генетический код», программу дальнейшего развития. В его ходе могут быть и отступления, и завихрения, и причудливые скачки, но стереть такую программу нельзя, и она раньше или позже осуществляется.

Все эти традиции построения пространства и времени имеют прямое отношение к истории казахстанского изобразительного искусства. На разных этапах развития казахской живописи отношение к этому запасу возможностей было разным: менялись предпочтения и причины выбора среди них. Систематическая история развития пространственного мышления в нашей живописи никогда еще не становилось предметом специального изучения, и мы тоже не можем выполнить такую задачу.

Она очень велика. Мы старались сосредоточиться на тех узловых моментах, которые имеют для нас сегодня первостепенное значение. Прежде всего речь идет о стадии заложения основ. Мы не будем останавливаться на периоде возникновения и становления казахстанского профессионального искусства, освоившего за 30 лет все тайны и особенности классической живописи. Индивидуальность казахской школы живописи ярко проявилась лишь в 60–70 годы 20 века.

Изучение пространственной структуры произведений живописи привлекает возможностью найти в ее языке, охватывающем широкий спектр изобразительно-выразительных средств, некие типологические формы, а также понять их как разные вариации одних и тех же начал. Являясь языком относительных значений — языком сопоставлений и контрастов, язык живописи разрабатывается на базе определенных визуальных соответствий и прежде всего — с воспринимаемой действительностью. Степень и характер контакта художника с нею ярко проявляется в разной мере углубления и уплощения картины. Глубинность выражает одну из форм существования материи — пространство, то есть объективное свойство действитель-

ности. Плоскостность — связана с законами изображения на плоскости. Воспроизводя трехмерный предмет изображения, картина использует двухмерный «субстрат» изображения. Английский ученый Р.Л. Грегори определяет это следующим образом: «Все картины парадоксальны в том смысле, что все они являются двойственной зрительной реальностью: плоские предметы мы видим плоскими. Но в то же время это совершенно иные. Трехмерные предметы, расположенные в ином пространстве. Это двойственная реальность — парадокс, свойственный существу картины» [1, с. 57]. Иначе говоря, картина двупланова.

Определенное отношение категорий глубинности и плоскостности и выражается в том или ином пространственном построении картины, универсальной характеристики любого произведения живописи. Правда, проблема пространственного построения далеко не всегда выступает на первый план в ряду прочих проблем искусствознания. Чаще всего остро ощутимой она становится в периоды интенсивной эволюции искусства, смены стилей, направлений, — так мы начинаем ощущать напор воздуха, когда ускоряем свое движение. Известно, например, какое место занимала данная проблема в творчестве художников (А. Сыдыханов, С. Айтбаев, Ш. Сариев, Т. Тогузбаев, О. Нуржумаев, Б. Табиев.) в 60-е годы, вызывая их обостренный и, возможно даже, односторонне преувеличенный интерес.

Специфические сложности пространственной проблемы в станковой живописи Казахстана связаны с одной эпохой — той, в которой сложилась профессиональная казахская живопись. Речь идет о Новейшем времени — конца 20 века. Найти в его искусстве некий единый принцип пространственного мышления (если не всегда соблюдаемый, то хотя бы лежащий в основе главного потока развития) явно невозможно. Применяются самые разные, в принципе — какие угодно из известных — перспективы и типы пространственного мышления. К тому же возникают и совсем диковинные, то есть невиданные способы передавать пространство или комбинировать необычным образом уже известные способы. Отдельные течения, этапы развития, яркие мастера южноказахстанской живописи конца 20 века пока что являют себя нашему пониманию, как бурное наводнение самых разнообразных опытов и экспериментов с пространством. В них можно видеть и гениальность и эксцентричность, и шарлатанство, но если даже брать то, что кажется теперь бесспорно ценным и выдержавшим испытания, то все равно единой целостной концепции или системы пространства не видно.

Пестрота концепций не удивительна. Рассматривая картины современного периода, мы сталкиваемся с визуальными парадоксами, которые очень трудно словесно интерпретировать. Плоскость и пространство, форма и хаос, цвет и бесцветность, предмет и беспредметность — смотрящему едва удалось утвердиться на нескольких позициях, как следующий момент созерцания уже опровергает их одну за другой, вызывая известный внутренний дискомфорт. Так происходит до тех пор, пока мы не дога-

дываемся, что одной из главных составляющих живописи сегодняшнего дня является время. В отличие от объективной картины за нашим окном, в «окне» живописного холста мы видим психическое пространство — пространство, вобравшее в себя время субъективного переживания художника.

В 60-е годы в творчестве этих художников наблюдается постепенный уход от академических постулатов, очищение от деталей, обобщение формы и цвета, обнажающих основную образную идею. К середине 60-х формы в картинах максимально монументализируются, но при этом сохраняется трехмерность пространства, остается почти реалистическим пейзаж заднего плана. Явно появляется тяготение к плоскостности, максимальному заполнению пространства всего холста, использованию локальных чистых цветов без нюансировки и цветотени. Налицо качественные признаки нового стиля. Обусловленного генетически, а не просто откуда-то заимствованного. (А. Жусупов «Материнство», «Женщины моей Родины», С. Айтбаев «Счастье», «Гость приехал»). Не случайно и в современное время эта проблема вновь оказалась весьма актуальной. «Пространственные стереотипы едва ли не равнозначны статичности мысли. Ее всепроникающая исследовательская активность связана прежде всего с решением пространства. В него уже входят на равноправных началах цвет, форма и линия. В их столкновении выкристаллизовывается поэзия картины. В их взаимоотношениях выявляется философия художника» [2, с. 9].

Как известно, искусство отражает объективную реальность образно, на основе образов восприятия и представления, между которыми есть существенные различия. Условием адекватности восприятия является высокая точность, схватывание предметного мира в его пространственной целостности, непрерывности, а, значит — и глубине. Эти особенности восприятия обеспечивают нашу ориентацию в окружающей реальной среде. Для образов представления, весьма фрагментарных — в силу известного абстрагирования их от конкретности, такие качества необязательны: представления могут и не быть целостными, пространственно связанными, глубинными. Связывая нас с опытом прошлого и подготавливая к будущему, они призваны выполнять иную роль. Сущность этой роли заключается в выделении некоторых значимых и имеющих ценность для человека характеристик предметного мира, а также в создании мира воображаемого [3, с. 489].

Очевидно, что изображение на плоскости располагает определенным диапазоном возможностей, координируясь в большей степени либо с образами восприятия, либо с образами представления. «Поскольку, с одной стороны, любое изображение немислимо без изображаемого — объекта трехмерного мира, и поскольку, с другой стороны, организация пространства в картине невозможна без учета законов плоскости, — глубинность и плоскостность характеризуют любое произведение живописи [4, с. 55]. Различно соотношение между ними. Их удельный вес, характер их взаимосвязи — показатель общей ориентации

системы языка живописи, ее приспособленности передавать то, а не другое содержание. Формы передачи воспринимаемого пространства на плоскости, а не отдельные стороны и свойства изображения, позволяют понять язык живописи как способ общения с миром. Имеются в виду, прежде всего формы линейной передачи пространства, потому что — согласно данным современной психологии восприятия — основную информацию об изображенном объекте несет контур.

В основе главных форм пространственного построения изображений лежат исторически сложившиеся системы языка живописи, которые суммарно можно определить как системы: ортогональных проекций; параллельной перспективы; обратной перспективы; прямой перспективы.

Развитие живописной идеи многих художников внешне выглядит как освобождение от социально-культурных координат, от актуальных исторических или этнографических следов — как уход от признаков стиля. Но, это все же только внешность — не цель, а следствие внутренней работы. А что цель?

Прикосновение кисти к холсту фиксирует мгновенное ощущение от объекта — момент чувственного контакта художника с созерцаемым пространством. Накопление этих моментов чувственной информации требует коррекции со стороны сознания, требует анализа пространственной конструкции, который ложится на холст следующим слоем цвета. Новый поток ощущений, осложненный предыдущим опытом, объективным изменением цветовой среды, иным субъективным состоянием автора. Затем новая стадия аналитической коррекции. И так часами, днями, неделями. Пространство картины то распадается, то снова синтезируется, неизменно усложняясь и уплотняясь, превращаясь в материально-психическую структуру, где каждая точка откликается каждой другой. То, что для нас «картина», для художника было записью его переживаний объекта, хронологией взаимоотношений с пространством. Эти взаимоотношения заставляют художника всю жизнь гнаться за видимым совершенством, проверяя новой картиной каждый шаг этой бесконечной внутренней погони. Поиск абсолютной формы бесконечен. [5, с. 45]

Таковы основные исторически сложившиеся системы пространственного построения картины, используемые и развиваемые современными художниками. Эти системы основаны на трех геометрических возможностях. Линии прямоугольных фигур либо параллельны, либо сходятся, либо расходятся. Говоря о линейных характеристиках систем пространственного построения, мы имеем в виду главенствующий признак. Так, «отдельные элементы чужеродной системы, например обратной перспективы — в системе аксонометрии, или аксонометрии — в системе

прямой перспективы не могут кардинально изменить общий характер пространственного построения. Вот почему данные формы определяют основные типы отношений категорий глубинности и плоскостности» (6. с. 9).

Отмеченные системы пространственного построения в современной живописи, безусловно, неповторимы в своих проявлениях и тесно связаны с определенными эпохами и культурными традициями. Однако, те общие взаимосвязи и закономерности, которые в них прослеживаются, абсолютно по-другому обнаруживают себя в новых исторических условиях. Произведения современных художников наполнены новым идейно-тематическим содержанием в формах, зависящих от структурных возможностей изображения трехмерного мира на плоскости, от того или иного типа пространственного построения. Структурные принципы этих типов с соответствующими поправками, в новом историко-культурном контексте применяются современными художниками Казахстана в полном объеме, опираясь на традиционное национальное искусство. Поскольку определенное содержание требует для своего выражения определенной формы, пространственное построение картины неразрывно связано со смысловой структурой образа, являясь ее конкретным воплощением. Оно функционально и обусловлено характером образного обобщения. Различные формы пространственного построения — основа языка живописи — составляют база композиции, решающей задачи конкретного произведения и используются как средство композиционной выразительности. Понятно, что анализ картины не может обойтись без учета возможных пространственно-структурных закономерностей произведений живописи. Мы не предлагаем никаких априорных схем для его методологии. Просто мы как бы пробуждаем нашу культурную память, тем самым включая историю в теорию, в аналитическое рассмотрение картины. Проведение структурно — типологического анализа необходимо как условие, предпосылка анализа функционального, призванного выяснить, как работают те или иные структурные компоненты в конкретном образно — смысловом контексте. В таком анализе, определив основное направление развития художественного образа в его соотношении с предметной реальностью, мы получаем возможность судить о его сверхпредметном ассоциативно — метафорическом, символическом содержании. От соотношения написанной картины с образом воспринимаемого мира мы переходим к соотношению ее образной сути с сущностными категориями действительности. Лишь на данном уровне нам в полной мере открывается идейно — художественный смысл живописного произведения. Только тогда оно осознается как факт духовной культуры. [7, с. 25]

Литература:

1. Грегори, Р.Л. Разумный глаз. М., 1972.
2. Ракитин, В.И. «Творчество» 1976, №8.

3. Сеченов, И. М. Избранные философские и психологические Произведения. М., 1974.
4. Гильдебранд, А. Проблема формы в изобразительном искусстве. М., 1981.
5. Зайцев, А. Цвет и изображение. — «Искусство», 1970. №3. с. 45.
6. Мочалов, Л. В. Пространственное построение изображения. — «Творчество», Т 1983. №9.
7. Днепров, В. Проблемы реализма. Л., 1980.

Творческий поиск художников Вьетнама периода обновления (1986–2010)

Во Ван Лак, аспирант

Московский государственный академический художественный институт им. В. И. Сурикова

Школа современного искусства Вьетнама придерживалась инновационных идей в создании работ, происходило формирование современной эстетической мысли. Всемирно известные художники вернулись к изучению примитивного, народного и национального искусства, разрабатывая новый стиль, сочетающий мудрость времен и современную эстетику. За период XIX–XX вв. в мировом искусстве было создано множество новаторских стилей. Создавались новые произведения, содержащие характерные для тех или иных народов эстетические ценности. Все это стало возможным благодаря процессу поиска новых идей в примитивном, народном и национальном искусстве.

Ключевые слова: творчество, обновление, живопись, Вьетнама

В 1986 г. произошли важные события в истории народа Вьетнама. Коммунистическая партия Вьетнама провела серьезные реформы в области общественной жизни: политики, экономики, культуры, искусствоведения и т. д. Строительство и развитие страны происходило в соответствии с новой моделью. Была отменена политика субсидирования, произошел переход к рыночной экономике. Изменения коснулись и политического мышления, и социального управления, и др. Вьетнам стал открыт для международных обменов. Эта реформа была проведена с целью нейтрализации национальной ненависти, боли войны. Нововведения имели важную роль в формировании и развитии страны, сыграв важную роль в экономическом развитии Вьетнама, сделав жизнь людей более обеспеченной и культурной, а духовную жизнь — богаче и разнообразнее [8].

В литературе и искусстве авторы придерживались творческой свободы. В это время развивается живой, богатый язык современного искусства, выражающий мысли страны. Создается атмосфера свободной деятельности искусства. Национальное обновление и духовная жизнь людей сосредоточены на развитии. Культура и искусство высоко ценятся, играя важную роль в жизни народа. Государство изменило форму управленческого мышления, художественного направления и т. д.

После длительного периода был отменен главенствующий долгое время стиль реализма и соцреализма, торозивший творческое изучение литературы и искусства. Энгельс сказал: «Мы должны сами делать нашу историю, но в первую очередь с удобствами и определенными условиями для каждой отдельно взятой страны». Это событие имело большое значение для современного искусства Вьетнама. Художникам дали свободу творчества, открыли

доступ ко всем идеям, мыслям, приемам и стилям современного мирового искусства. Мастера переключили свое внимание с реализма и соцреализма на философское движение мысли и культуры, на современное западное искусство. Произведения искусства в этот период не содержат ни политического подтекста, ни провозглашения революции. Вместо этого художники изображают красоту души, природы, людей и творческой мысли.

Обучение во вьетнамских школах искусств велось согласно научным исследованиям Запада: кубизм, экспрессионизм, символизм, сюрреализм, ар-нуво, поп-арт, минимализм и т. д. Сильное влияние на вьетнамских мастеров оказали экспрессионизм, символизм и кубизм. Среди художников-авангардистов чаще встречались молодые мастера. Они обладали быстрым и живым умом, быстро находя и используя достижения современного мирового искусства. Инновации получали одобрение общества, формировалась яркая художественная атмосфера, создавалась система ценных произведений современного искусства.

С 1986 по 2010 гг. основное внимание художники уделяют выражению собственного внутреннего мира, описывают психологические изменения в рамках своего настроения. Таким образом происходило формирование стиля, приемов технического и художественного творчества. Работы этого периода не только передают реальность повседневной жизни и состояния человека в современном обществе; мысли автора сконцентрированы на поиске формы, материала для работы, чтобы он мог доказать свой талант широкой общественности.

Развитие мира искусства проходило через различные этапы формирования богатого и разнообразного художественного стиля. Инновационный поиск в современном

мире искусства обращает внимание художников на романтический стиль, который играет важную роль во вдохновении следующего поколения художников. В этой системе художник Делакруа «использовал оптические эффекты глубоких цветов». Сезанн был первым, кто провел связь между импрессионизмом конца XIX в. и современным искусством XX в., создав кубизм. Матис отметил, что «Сезанн является нашим отцом». Работы Сезанна отличаются цветом, формой, геометрическим методом анализа. Его сильные и многомерные фактуры отражают богатый творческий дух, обладают высоким эстетическим эффектом. Достижения Сезанна помогли следующему поколению художников в изучении и развитии художественного стиля XX в [6].

С желанием изучать новый стиль в искусстве Гоген уехал из Франции, отказавшись от общества «греха и нищеты», Гоген жил на острове Таити — его чувства под воздействием природы и примитивной культуры сформировали в нем самобытного художника: «Гоген описал внутреннюю реальность символическими цветами» [5, с. 109]. Живя на острове, художник создал множество произведений новаторской эстетической ценности. Его работы просты по структуре, цвета условны и символичны. Гоген и его картины занимают важное место в современном искусстве человечества.

Также и другие европейские художники ездили в Африку, Японию, Индию и т.д., стремясь к изучению примитивных эстетических ценностей и воплощению их в инновационных современных произведениях. Некоторые художники-экспрессионисты обращали внимание на красоту первобытного искусства, откровенность эмоций. Художник изображает не реалистичную структуру объекта, а создает новую красоту. В этом пространстве мастер описывает предметы в зависимости от собственных чувств, в результате зритель наблюдает подсознание художника.

Постимпрессионисты отказывались от точной передачи реальности. Они выражали свои чувства через искусство. Художники Ван Гог, Писсарро и другие попали под влияние японской резьбы по дереву. Разница между западным искусством и примитивным стилем в искусстве заключается в двухмерности мышления в процессе описания объекта. Они используют яркие цвета и контрастность. Говоря о Модильяни, можно отметить, что он находился под влиянием живописцев своего времени, но все равно был в поиске индивидуальных методов. «Модильяни описывал образы тонко, изящно. Он выражал современные фактуры, но без тщательной детализации. Линии декоративные, мягкие, простые» [5, с. 207].

Гениальный художник Мунк [9] внес значительные новшества в искусство. Его система изображений имеет большое значение и обладает глубоким содержанием для своего времени. Его работы отражают одиночество человека. Врубель [10] обладал мощным художественным стилем — в его работах содержится настроение, выражаются глубины мысли и философии. Он новаторски создавал свои изображения, используя синие и фиолетовые

цвета. Работы Врубеля передают атмосферу, содержащую эмоциональный хаос, тьму, тайну. Его стиль ближе к средневековому религиозному искусству. Он считался гениальным художником России и мира. Большой вклад в мир искусства внес кубизм [11], который возник из африканского первобытного искусства. Пикассо использует сильный, жесткий визуальный стиль. Стиль его работ демонстрирует влияние оригинальной скульптуры Испании и Западной Африки.

Несмотря на то, что импрессионизм впечатляет, он уже не отвечает эстетическим потребностям общества, возникла необходимость в новом стиле. Художники вернулись к первоначальному искусству — народному, традиционному и т.д., чтобы на его базе создать новые приемы создания и построения произведений. Это доказывает, что поиск новых инновационных визуальных методов дает человечеству множество различных эстетических форм. В частности, важную роль играет первобытное, традиционное искусство.

Большое влияние на вьетнамских мастеров оказали признанные во всем мире художники. Через стиль и эстетическое значение характерных работ вьетнамские художники изучали стили современного искусства, в результате чего произошло формирование нескольких поколений художников, которые искали инновационные методы создания своих работ.

Художники-авангардисты во вьетнамском искусстве пересекают запрет для того, чтобы создать произведение, находясь под влиянием западных методов: «На работы художников Та Тй и Нгуен До Кунга повлияло искусство Матиса, на Нгуен Тьонг Лана — экспрессионизм, на Нгуен Тьен Чуна и Нгуен Ту Нгьема — кубизм» [6, с. 126]. Вьетнамские художники объединяют в своем творчестве западное и традиционное искусство, выражая дух времени. На этапе политики свободной деятельности искусства художники искали новое творчество, приемы, иной стиль.

Нгуен Ту Нгьем выразил языком искусства структуру кубизма. Его работы демонстрирует влияние Пикассо и Брака. Он обратил свое внимание на исследование ритма и структуры скульптур на общественных домах для формирования новых форм. Его работы передают образ творческого мыслителя. Буй Суан Фай под конец жизни использует яркие цвета, включая в свой творческий процесс и современное искусство. Цвета, линии представлены в светлых и ярких тонах [6].

Поиск Бью Чи отражен в сюрреализме. Его работы глубоко философичны. Его образы появляются из сновидений, в результате социальных парадоксов человеческой судьбы и т.д. Изучив западное искусство, он объединяет в своем творчестве восточную культуру, чтобы создать глубокие произведения. Художник Тханг Чьонг демонстрирует красоту вьетнамской деревни в стиле кубизма, ориентируясь на творчество Шагала. Художник Данг Суан Хоа находился под влиянием экспрессионизма: люди и предметы в его картинах выражают настроение. Дао Минг Чи в своем творчестве показывает дух стилизованности, про-

Рис. 1. Хо Хью Тху. «Поэзия под луной» (1991) — Лаковая живопись

слеживается влияние искусства Пауля Клее: однообразие фона, яркость цвета, декоративная красота. Картины Динь Тхи Тхам Фонг созданы в стиле поп-арта, но образы в ее искусстве являются более глубокими и символическими. Кроме того, искусство Хо Хью Тху, Нгуен Чунга, Хуа Тхань Биня и др. больше зависит от символического искусства [8].

Художник Ле Куанг Ха отразил дух сопротивления в современном обществе. Он использовал метод формирования и выражения образов через сюрреализм. Его работы показывают настроение героя. Хоанг Тьонг находился под влиянием Бэкона. Его работы содержат внутреннюю тоску. Многие другие художники, работающие в духе современного искусства, искали свой особый стиль. Создано множество произведений искусства, которые со-

держат типичные эстетические ценности и играют важную роль в построении и развитии современной вьетнамской культуры.

Возвращение к исследованиям народного искусства оказало сильное влияние на восприятие и творчество вьетнамских художников. Они искали значение своего традиционного творчества. Художественный дух, сформировавшийся в результате сочетания национального и современного стилей, стал новой творческой тенденцией для многих поколений художников периода обновления. В работах продемонстрирована инновационная в искусстве и культуре политика, которая принесла основные достижения во вьетнамское искусство и сделала его доступным для современного мира.

Литература:

1. Во Ван Лак, Влияние французского искусства на традиционную живопись Вьетнама в период 1925–1945 гг./Молодой ученый (№1 (81), январь — 12015 г. — С 511–515.
2. Во Ван Лак, Типичные работы авторов живопись Вьетнама в период 1925–1945 гг./Молодой ученый (№2 (82), январь — 12015 г. — С 573–578.
3. Во Ван Лак, Художественные материалы, используемые во вьетнамской живописи 1955–1985 гг./Молодой ученый (№3 (83), февраль — 12015 г.
4. Ву, Х. З. Поклонение матери в народных картинах Вьетнама/Научно-художественный журнал. — 12/2011. — №4. — с. 33–35.
5. Вьонг, Х. Л. Черно-белые художественные принципы/Х. Л. Вьонг. — Ханой: Изобразительное искусство, 2007.
6. Ле, Т. Д. Современное и постсовременное искусство/Т. Д. Ле. — Ханой: Изобразительное искусство, 2003.

7. Ле, Т.Л. Словарь искусств/Т.Л. Ле. — Культурное информационное издательство, Ханой, 1998.
8. Нгуен, Л.Т.Б. Современное искусство Вьетнама/Л.Т.Б. Нгуен, Н.Х. Буи, Т. Фам, В.Ч. Нгуен. — Ханой: Изобразительное искусство, 2005.
9. Сельц, Ж. Эдвард Мунк/Ж. Сельц. — Москва: СЛОВО/SLOVO, 1995.
10. Дмитриева, А. Михаил Врубель (1856–1910)/А. Дмитриева. — Ленинград: Художник РСФСР, 1984.
11. Конья, Р. Писсарро/Р. Конья. — Москва: СЛОВО/SLOVO, 1995

ФИЛОЛОГИЯ

How to develop correct speech habit of Uzbek students

Алимов Тоштемир Амиркулович, преподаватель
Каршинский государственный университет (Узбекистан)

Alimov Toshtemir Amirqulovich, Teacher
Karshi State University (Uzbekistan)

It is the duty of the teacher to enable his student to speak in English. Through speech the pupil learns to make a direct connection between English words or phrase, and the object and ideas. He learns the habit of using words in the correct sentence pattern and phrases pattern and he can learn this in no other way [1, 2].

Spoken words always have first place over the written words. Bloomfield has rightly pointed out «We write the spoken word» [3]. The written word or printed word is nothing but a symbol of spoken word. For cultivating good speech habit enough attention should be paid to pronunciation because it is the root to a good speech. The teacher must himself be acquainted with the fundamental of English pronunciation. There are few causes of incorrect speech [4].

1. Less attention is paid on speech training in schools. When teacher teaches in class, he does not care about the pronunciation of himself and students.

2. During teaching teacher himself, commits faulty pronunciation so student also follow him.

3. Teacher has no knowledge of speech sounds. Every language has its own sounds. There is difference in the sounds of English and Uzbek languages. So enough knowledge should be given to students and teachers.

4. Regional effect on the speech.

5. Retroactive inhibition.

6. Physical disability.

7. Lack of knowledge of intonation and stress.

8. Clipping of the sounds. Measures to develop correct speech habit:

There are three main methods of teaching which can develop correct speech habit in students [5]:

1. Imitation method

2. Phonetic method

3. Subsidiary method Imitation

The teachers' pronunciation must be good and correct and it must separately be imitated by his students. This method has four steps:

1. Perception

2. Imitation

3. Feed back

4. Drill Perception:

Perception:

Teacher writes the words or sentence on the black board and himself gives model pronunciation among the student. Students follow the pronunciation words or sentence [6].

Imitation:

The training of the ear is an importance means of mental development. The students therefore, carefully attend to the two processes of listening and imitation. The teacher pronounces the words and students try to pronounce the words clearly and exactly like the teacher but the pronunciation of the teacher must be correct.

Feed Back:

The teacher asks the students to pronounce the words and if he finds that the pronunciation is not correct, he tells them correct or exact pronunciation. That is called feedback [7].

Drill:

It is the last step of imitation method. It had two parts.

Individual drill

Group Drill

The teacher asks the students to listen to his pronunciation carefully and then ask them to speak the word individually in higher class and collectively in lower class.

Phonetic Method:

Phonetic is science of sounds as used in speech. The teacher tells the correct pronunciation to student by giving the knowledge of English phonetics. There are many sounds in English language. So students must receive the knowledge of English phonetic to produce these new sounds correctly. In this method the teacher tries to tell about 45 sounds presents in the English letters. He tells that these sounds are produced by different human sounds organs and also side by side explain the rules of producing these sounds.

Daniel Jones has given five steps of the phonetic method in his book An Outline of English Phonetic [8].

1. Recognition of various speech sounds correcting the English language.
2. Making of these sounds by students.
3. Learning these sounds in the usage of sound attribute.
4. Learn to pronounce the complete sequence rapidly and to each sound of a sequence or to the text.

In the phonetic method practice of producing correct sounds is very important. The teacher can also take the help of different material aids in teaching pronunciation through this method [9].

References:

1. M. F. Patel and M. Jain Principles of Language and Teaching English words, Cliffs 1987.
2. Canale M and Swain M. Theoretical basis of communicative approaches to second language teaching and testing. In *Applies Linguistics* 1/1. 1–47. 1980.
3. Bloomfield M. From communicative competence to communicative language pedagogy. In J/C/Richards and R. W. Schmidt (eds) 1983.
4. Cook V. Second language learning and language teaching. London Edward Arnold 1991.
5. Hymes D. On communicative competence. In J. B. Pride and J. Homes (eds). *Sociolinguistics Middlesex*. Penguin Books Ltd. 1972.
6. Rashen S. Principles and Proctive in Second Language Acquisition. Oxford, Pergamon Press 1982.
7. Lightbown P.M. Spada N. Theories of Second Language Learning. Oxford OUP (5th print) 1995.
8. Daniel Jones. *Research Methods in Language Learning* Cambridge. Cambridge University Press, sixth Printing 1997.
9. Holliday F. *Appropriate Methodology and Social Context*. Cambridge. Cambridge University Press 1994.

Subsidiary Method:

In addition to the above there are various other methods also that can be used to teach pronunciation of words. These are as follows:

1. Singing songs in chorus as well as individually
2. Reciting poems.
3. Analysing long and difficult words.
4. Debating.
5. Dramatising.
6. Conversing.

Entlehnungen aus den anglo-amerikanismen

Амирова Зохида Ориповна, преподаватель;
 Куванова Шахноза Омоновна, старший преподаватель
 Каршинский государственный университет (Узбекистан)

Entlehnungen aus dem Englischen traten besonders gegen Ende des 18. und im 19. Jh. auf. Die geschichtliche Voraussetzung für die englischen Entlehnungen dieser Periode bildet der Einfluß Englands bzw. Großbritanniens als führende Industrie- und Kolonialmacht. So wurden aus dem Bereich der Technik entlehnt: *Jennymaschine, Mulemaschine, Ventilator, Patent, patentieren*; Lehnübersetzungen: *Pferdekraft, Pferdestärke* (eng. *horse power*) u. a. Aus Finanz- und Handelsbeziehungen: *Scheck, Banknote, Budget* u. a. Aus Politik und Außenpolitik: *Opposition, Kolonisation, Minorität* u. a. Aus Haushalt und anderen Lebensbereichen: *Beefsteak, Brandy, Pony, Bulldogge*, u. a. Englische Entlehnungen reißen bis ins 20. Jh. nicht mehr ab. Seit dem Beginn des 20. Jhs., besonders aber nach dem zweiten Weltkrieg, sind Entlehnungen aus dem amerikanischen Englisch bzw. aus der amerikanischen nationalen Variante der englischen Sprache zu verzeichnen. Obgleich nicht immer festzustellen ist, welche Entlehnungen aus dem amerikanischen und welche aus dem britischen Englisch kommen, ob es also Amerikanismen oder Anglizismen sind, handelt es

sich aber nach 1945 vorwiegend um Amerikanismen, denn Großbritannien wurde als Weltmacht in wirtschaftlicher Hinsicht in der Nachkriegsentwicklung von den USA überflügelt. Nach Angaben der Fachliteratur wird der Anglo-Amerikanismus ursprünglich als Bezeichnung nicht für alle, sondern nur für bestimmte berufliche Tätigkeit gebraucht, wobei eine wertende, genauer abwertende Bedeutung festgestellt wird: *Der Job* ist eine (oft kurzfristige) Tätigkeit, deren Hauptzweck der Gelderwerb ist. Im weiteren wird für das Fremdwort ein zunehmender Gebrauch in der Presse registriert, wobei es vielfach seine negative Wertung einbüßt. Oft ist das Fremdwort in Kontext belegt, wo die Bäschäftigung des Element des Kurzfristigen voraussetzt. So beim *Ferienjob* der Studenten, die in der Ferienzeit ihren Unterhalt verdienen.

Beim Gebrauch des entlehnten Wortgutes im System der entlehrenden Sprache wird noch ein Merkmal der systemhaften Wechselbeziehungen zwischen Fremdwort und Stammwort festgestellt. Es besteht in der Tendenz, die Mehrdeutigkeit der Lexeme mit Hilfe von Fremdwörtern zu neutralisieren. Als Beispiel kann das Lexem *Schlagger*

dienen. Die Mehrdeutigkeit des deutschen Wortes *Schlager* wird durch entlehnte Synonyme neutralisiert. In der ersten Bedeutung konkurriert der Anglo-Amerikanismus *Hit*. Zwar ist dieser Fremdwort selbst vieldeutig, aber es wird im Deutschen vorwiegend als «Schlagerlied», «Tanzlied» gebraucht, vgl. folgenden Text: *Von allen Werken, die auf Platten erscheinen, haben nur eine Chance, ein Hit zu werden, die auch der Rundfunk zu einem Hit macht*. Besonders populär sind die Komposita Hitmusik, Hitparade, vgl. *die Hitparade von Radio Luxemburg*. Das zweite entlehnte Synonym, das neben Schlager im Sinne «ein modernes Schlagerlied» gebraucht wird, ist der Anglo-Amerikanismus *Song*. Somit entsteht eine synonymische Reihe: *Schlager* = «Lied» — *Hit* — *Song*, in der die Entlehnungen mit dem Stammwort erfolgreich konkurrieren. Auch für die vierte Bedeutung des deutschen Wortes werden je nach dem Charakter des Films entlehnte Synonyme gebraucht. Das sind die Anglo-Amerikanismen *Thriller* und *Hit*. So wurden z. B. in der BRD Presse die Filme «Anna Karenina», «Krieg und Frieden» u. a. als *Hits* bezeichnet. Handelt es sich aber um einen Kriminalfilm oder einen ganz auf Spannungseffekte eingestellten Film, «Nervenreißer», so wird der Anglo-Amerikanismus *Thriller* gebraucht, vgl. den Thriller «Lohn der Angst», u. ä. Das gibt den Grund zur Aufstellung der zweiten synonymischen Reihe: *Schlager* = «Film» — *Hit* — *Thriller*. Aufgrund der geläufigen Anwendung von Thriller als «ein aufregendes Buch» und dann einer älteren Entlehnung — *Besteller* — in der Bedeutung «Verkaufsschlager» (meist von Büchern) kann man auch die dritte synonymische Reihe aufstellen: *Schlager* = «Buch» — *Thriller* — *Besteller*.

Eine semantische Auseinanderentwicklung ist bei dem Anglo-Amerikanismus *Teenager* und dem deutschen Synonym *Backfisch* festzustellen, denn heute verbinden sich mit den beiden Lexemen andere Vorstellung und Emotionen: Im Vergleich zu *Backfisch* ist *Teenager* ein selbstbewusst modernes Mädchen mit betont sicherem Auftreten. Eine Reduzierung der Bedeutungsstruktur des Anglo-Amerikanismus bei der Einfügung ins Deutsche und eine weitere Spezialisierung der Bedeutung ist an dem Lexem *Ticket* zu sehen. Das Wort hat in der Quellsprache eine entwickelte Bedeutungsstruktur, darunter auch das Semem *Fahr-, Flug-, Eintrittskarte*. Diese lexisch-semantische Variante wurde übernommen, aber im Deutschen vornehmlich auf die Bedeutung «Flugkarte», «Flugschein» spezialisiert. Heute hat diese Entlehnung einen festen Platz in der thematischen Reihe: *Fahrkarte* — *Billet* — *Eintrittskarte* — (*Flug*) *tiket*, wo sie den herkömmlichen Wörtern *Flugschein, Flugkarte* erfolgreich Konkurrenz gemacht hat.

Semantische Selbständigkeit wird auch beim Anglo-Amerikanismus *Hobby* verzeichnet. Es sind heute deut-

liche Unterschiede zum deutschen Synonym *Steckenpferd* zu erkennen. Während *Steckenpferd* eine Lieblingsbeschäftigung bezeichnet, die den Neigungen einer Person entspringt und unter Umständen als abseitig oder skurril, von Außenstehenden vielleicht sogar als liebenswerte Schrulle belächelt wird, der man sich aber in seiner Freizeit mit großem Vergnügen hingibt, ist *Hobby* eine als Ausgleich zur Tagesarbeit gewählte Beschäftigung, mit der man seine Freizeit ausfüllt; meist handelt es sich dabei um etwas, was allgemein Mode ist.

In der einschlägigen Forschung wird in letzter Zeit außer der erwähnten Bedeutungserweiterung von *Hobby* «Freizeitgestaltung» noch eine weitere Entwicklung in der bezeichneten Richtung festgestellt, wovon folgender Beleg zeugt:

Techn. Exportkaufmann,...Hobby: Marktaufbau in Entwicklungsländern, sucht... Entwicklungsmöglichkeiten.

Außer den oben erörterten Prozessen der Anpassung der Anglo-Amerikanismen an das lexikalisch-semantische System des Deutschen sind auch andere Triebkräfte der semantischen Assimilation zu erwähnen, die Einfügung und Verwurzelung dieser Entlehnungen bedingen.

Es geht hier vor allem um die sprachökonomische Tendenz. Anglo-amerikanische Formative sind meistens kürzer als deutsche, besonders, wenn es sich um korrespondierende Wendungen handelt, vgl. *das Makeup*, und die deutsche Umschreibung *Verschönerung (des Gesichts) mit kosmetischen Mitteln*.

Mit Kategorisierungstendenzen hängt wohl die Übernahme solcher Wörter zusammen, die im Gegensatz zu den konkreten Einzelberechnungen der deutschen Sprache umfassender sind. Man vergleiche z. B. den Gebrauch des Fremdwortes *Baby* neben den deutschen Wörtern *Kleinstkind, Säugling, Neugeborenes, Kindlein*. In vielen Fällen lässt sich *Baby* nur durch *Kind*, nicht aber durch *Kleinstkind, Säugling, oder Neugeborenes*, ersetzen.

Die Folge der semantischen Selbständigkeit, die die Anglo-Amerikanismen im Deutschen entwickeln, ist ihre bedeutende wortbildende Produktivität. In dieser Beziehung fungieren sie gleich anderen Wortklassen des deutschen lexikalischen Systems. Sie können bilden: a) Zusammensetzung und Zusammenbildung: *Hitmusik, Hitparade, Ferienjob, Jobsucher, Teenmodelle, Rückflugticket*; b) Ableitungen: *Hobbyst, Hobbysmus*; c) Wortartwechsel: *Job* — *jobben*.

Wenn man noch den Umstand beachtet, dass einige Anglo-Amerikanismen systemhafte Beziehungen im deutschen Wortbestand zeigen, auch im Falle der Neutralisierung der Mehrdeutigkeit auf paradigmatischer Ebene, so ist die Einwirkung des lexikalisch — semantischen Systems auf das Lehnwort deutlich zu sehen.

References:

1. Ganz P.F. Der Einfluß des Englischen auf den deutschen Wortschatz 1640–1815. Berlin, 1957, S. 21–25
2. Garstensen B. Englische Einflüsse auf die deutsche Sprache nach 1945. Heidelberg, 1965, S. 142.
3. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М., 1959, с. 212

4. Der Große Duden. Mannheim, 1965, Bd. 9, S. 45.
5. Der Große Duden. Mannheim, 1974, Bd. 9, S. 52.

Метафорическое использование космических номинаций в поэтическом слове К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева

Биль Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Ключевые слова: космические образы, метафора, метафоризируемый компонент, неметафоризируемый компонент, космические номинации.

Космические номинации в поэтическом дискурсе начала XX века активно функционируют в составе различных тропов. Доминирующим тропом является сравнение, достаточно частотными представляются олицетворение, метафора. Соотношение прямых и образных употреблений в поэтическом дискурсе начала XX века составляет: 59% — прямая номинация, 41% — переносные словоупотребления, среди них: сравнение — 16%, олицетворение — 12%, метафора — 10%, другие образные средства — 3% [2, с. 51].

Космические наименования в поэтическом дискурсе начала XX века, сохраняя свое прямое значение, приобретают образное, в поэтическом пространстве возникают эмоционально-выразительные образы космического пространства, отражающие разнообразие дополнительные смысловые оттенки, что дает возможность передать образное видение космоса поэтами начала XX века.

Характер метафоры, ее особенности во многом зависят от категориально-грамматических свойств составляющих компонентов, в этой связи можно исследовать главный (метафоризируемый) компонент метафорической конструкции и зависимый (неметафоризируемый) член конструкции. В поэтических текстах К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева наименования, репрезентирующие неметафоризируемый компонент, объединяются в несколько тематических групп (ТГ): «Общие обозначения космического пространства», «Небесные тела», «Небесная сфера», причем среди данных номинаций можно выявить лексемы, характерные для всех анализируемых авторов, а также лексемы, соотносящиеся с образами космического пространства в поэтическом творчестве каждого отдельного художника слова.

Наиболее частотными в поэтических текстах К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева являются метафорические космические номинации: *солнце* (60 словоупотреблений (с/у)), *луна* (52 с/у), *звезда* (38 с/у), *луч* (37 с/у), *заря* (30 с/у): *но, обожженная луной, душа хранит твой знак (Гумилев); и в каждом сердце — птица, во всех очах — звезда (Бальмонт); будь славен! И Тильзит, «солнце Аустерлица» (о На-*

полеоне) (Брюсов); вам — солнцам-городам, кольцеобразно легшим по кодам (Волошин); менее употребительными — лексемы: молния (27 с/у), радуга (23 с/у), гроза (21 с/у), туча (18 с/у), созвездие (14 с/у), небо (14 с/у), закат (12 с/у), комета (10 с/у), зарница (10 с/у), облако (9 с/у), светило (9 с/у), гром (8 с/у), дождь (8 с/у), зарево (8 с/у): горящую кометой привета на безжизненном пути (Брюсов); ты — отблеск зарницы (Бальмонт); есть души в мире — те же тучи (Гумилев); где вы — гроза, губящая стихии (Брюсов); ее глазам — мерцающим зарницам (Гумилев); когда же ты поймешь, что солнце и созвездья возникали и гибли внутри тебя (Волошин), единичными — мир (-ы) (5 с/у), планета (4 с/у), метеор (3 с/у), рассвет (3 с/у), вселенная (2 с/у): каждый цветок есть цветистая планета (Бальмонт). В поэтических текстах К. Бальмонта в структуре метафоры преобладают единицы: звезда, солнце, луна, заря, В. Брюсов отдает предпочтение образам: луна, солнце, звезда, дождь, М. Волошин тяготеет к метафоризации звезды, солнца, луны, зари, заката, луча, Н. Гумилев наиболее частотно в роли метафоризируемого компонента использует космические слова: звезда, солнце, луна, луч [1, с. 123].

В целом в рассматриваемых поэтических текстах в метафорических контекстах космические наименования в составе метафоры наиболее актуализируются в раннем периоде творчества, однако в поэзии К. Бальмонта метафорическая космическая лексика функционирует исключительно в ранних произведениях, в поэтических произведениях других анализируемых авторов космические номинации в метафорическом значении используются на протяжении всего творчества, но с преобладанием в ранней поэзии: ср.:

К. Бальмонт: *ты — солнце во мраке ненастья (Бальмонт, 1895) — бросил с неба им цветы, вызвал радугу мечты (Бальмонт, 1900).*

В. Брюсов: *уступает земное звездам небесной любви (Брюсов, 1893) — и вы..., чьи грозно вопящие тени в лучах побед вознесены (Брюсов, 1920).*

М. Волошин: *промелькнула она, как осенней порой луч блестящего дня (Волошин, 1894) — сознание — вспышка молнии в ночи (Волошин, 1923).*

Н. Гумилев: *...вышина властно превратила сердце в солнце (Гумилев, 1900) — и в душе твоей вспыхнет свет самых вольных Божьих комет (Гумилев, 1920) [1, с. 123].*

В идиостиле всех анализируемых поэтов метафоризируются следующие космические лексемы: *звезда, солнце, луна (месяц), луч, заря, радуга.*

В поэтических текстах К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева наименования, манифестирующие метафоризируемый компонент, представляющий собой космическое наименование, имеют регулярное соотношение с широким диапазоном номинаций различных ТГ, что позволяет выделить основные направления метафоризации космической лексики: космический образ — человек, космический образ — отвлеченное понятие, космический образ — эмоциональное состояние, космический образ — природа и др. Так, например, лексемы

солнце, звезда, луна, луч, заря, радуга могут сочетаться с номинациями, относящимися к разным ТГ: *солнце* соотносится со словами ТГ «Наименования лиц», «Соматическая лексика», «Отвлеченные понятия»; *звезда* — с лексемами ТГ «Наименования лиц», «Соматическая лексика», «Отвлеченные понятия», «Эмоциональные состояния и их внешнее проявление», «Флористические наименования»; *луна* — с номинациями ТГ «Наименования, обозначающие различные качества и свойства», иногда с лексемами ТГ «Наименования лиц», «Соматическая лексика»; *луч* — с единицами ТГ «Отвлеченные понятия», *заря* — с лексемами ТГ «Отвлеченные понятия», реже ТГ «Соматическая лексика», в единичных употреблениях — с номинациями ТГ «Наименования, обозначающие различные качества и свойства» и «Наименования, обозначающие какой-либо промежуток времени», что представлено в таблице № 1 «Парадигмы метафоризируемых космических образов в поэтическом слове К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева».

Таблица 1. Парадигмы метафоризируемых космических образов в поэтическом слове К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева

	К. Бальмонт	В. Брюсов	М. Волошин	Н. Гумилев
З	Души — звезды	Звездам любви	Ты звезда	Ты звезда
В	Звезда исканий	Мечта — звезда	Звезда истины	Звезды горести
Е	Звезды обновленья	Звезды трещин	Звезда знания	Звезда побед
З	Вождь — звезда	Я — звезда		Очи — звезды
Д	Ты (была) звезда	Звезда любви		
А	В очах — звезда К плодам-звездам Растение — звезда Звезды чудес			
С	Ты — солнце	Солнце новой жизни	Я свет солнц	Солнце духа
О	Я солнце	Солнце желаний	Блеск солнц в душе	Сердце в солнце превратила
Л	Солнце духа		Города-солнца	Солнце вливается в вены
Н	Солнце в каждом взоре		Солнце завтрашнего дня	Солнце-зверь
Ц	Душа увлечена (озарена) солнцем		Солнце Вячеслава	
Е	Солнце-исполин Мадонна солнце Правда в солнце превратилась			
Л	Луна-гасильница	Лицо — луна	Девушки-луны	Обожженная луной душа
У	Владычица-луна	Дышим луной		Ты — луна
Н	Душа увлечена Луной	Любовник-месяц		
А	Дышу — Луной Луна погибших дней	Волшебница-луна		
Л	Луч откровенья	Луч красоты	В лучах лица	Луч жизни
У	Я луч	Луч вдохновенья	В лучах славы	Взоры-лучи
Ч	Луч мечты Луч привета Красота есть луч Луч последних дней Луч любви	В лучах побед Луч грезы Луч любви В лучах свободы Лучи снов	Луч радости	

З А Р Я	Громовница-заря Утрусь зарей Память — заря	Заря сознания Заря свободы В душе мерцает свет зари Заря братства Заря времен	Я изморозь зари Заря свободы	Заря бытия
Р А Д У Г А	Радуга мечты	Радуга любви Радуга огней	Радуга бриллиантов	Радуга созвучий

В лирике К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева с номинациями ТГ «Наименования лиц», «Соматическая лексика», «Отвлеченные понятия», реже с номинациями ТГ «Флористические наименования», «Наименования, обозначающие различные качества и свойства», «Наименования, обозначающие какой-либо промежуток времени» сочетаются космические единицы: *облако, зарница, гром, светило, рассвет, гроза, молния, небо, созвездья, метеор, комета, туча*, в результате чего в поэтических текстах анализируемых авторов функционируют такие парадигмы [1, с. 135]:

К. Бальмонт: *я облачко, в душе зарницы, ты отблеск зарниц, в душе гроза, я гром, мы не громы, я светило, цветок — планета;*

В. Брюсов: *ты связь миров, рассвет — улыбка, я рассвет, вы — гроза, я в грозе, огонь молний прожжет сердца, глаза — небо, грозы последних лет, скиталица-планета, в зареве дум, в небе бытия, небосвод жизни, пить небосклон, комета привета;*

М. Волошин: *тучи мерцанья, закат дней, в мирах любви, Вселенная свободы, Вселенная любви, сознание — вспышка молнии в ночи, молнии смеха, созвездья возникали внутри тебя;*

Н. Гумилев: *зареве мечты, гроза ликования, храм — гроза, молнии глаз, в душе свет комет,*

сердце — метеор, дух — метеор, много в сердце созвездий, Ева — зарница, молнии взгляда, глаза — зарницы, глаза — небосклон, души — тучи, в душе гроза.

Метафорические космические образы направлены на создание образа человека, его внутреннего мира, внешнего облика, физиологических и психических процессов, эмоциональных состояний, действий: *мы вдруг умираем, в истоме дрожа, без сил умираем и дышим луной (Брюсов); о, да, в начале было Слово, и как не помнить мне его!... Сознание, Сила и Основа — три солнца духа моего! (Бальмонт); и, трепещи, необычайны, горе мы подняли сердца и причастились страшной Тайны в лучах пылавшего лица (Волошин); ты хочешь, чтоб была я смелой? Так не пугай, поэт, тогда моей любви, голубки белой на небе розовом стыда (Гумилев).*

Космические образы в поэтических текстах К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева активно вовлекаются в метафорический процесс, в результате чего при метафоризации образов космического пространства прослеживается общая семантизация, являющаяся, с одной стороны, соответствующим продолжением традиций русских поэтов различных эпох, с другой стороны осмысленная в русле поэзии начала XX века.

Литература:

1. Туралина, Н., Биль О. Космическое пространство в поэзии Серебряного века (на материале текстов К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева). — Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. — 174 с.
2. Туралина, Н., Биль О. Образ космоса в поэзии начала XX века: лингвистический аспект: Монография. — М.: Издательство «Спутник*», 2011. — 108 с.

Лексика, обозначающая национально-культурные реалии Швейцарии (на примере наименований национальных блюд в швейцарском варианте немецкого языка)

Воронко Екатерина Петровна, студент
Московский педагогический государственный университет

В статье рассматриваются основные тематические группы лексики, обозначающей национально-культурные реалии Швейцарии.

Ключевые слова: лингвокультурология, национально-культурные реалии, швейцарский вариант немецкого языка.

Отношения языка и культуры — тема, о которой ведутся многочисленные споры между учеными и мыслителями. Но в одном они всегда соглашались, говоря, что язык и культура неразрывно связаны и не могут существовать друг без друга. К теме сопоставления языков и культур обращались такие лингвисты, как Г.Д. Томахин, И. С. Виноградов, Е. М. Верещагин, С. Влахов и другие./

Изучением языковых и культурологических знаний в их единстве занимается такая наука, как лингвострановедение, которая является важным аспектом в методике преподавания иностранного языка.

Лингвострановедение как наука появилась еще в середине XX века, но сначала ее рассматривали как направление, связанное с исследованием путей и способов ознакомления учащихся с действительностью страны изучаемого языка во время изучения иностранного языка [9]. Огромный вклад в данную науку внесли Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Г. Д. Томахин, Р. К. Миньяр-Белоручев.

Сегодня данное направление рассматривается следующим образом. Согласно Е. А. Огневой, лингвострановедение — это новое научное направление, которое сочетает в себе элементы лингвистических знаний с элементами страноведения, т. е. с изучением реалий изучаемого языка [6]. Когда изучающий усваивает лингвострановедческий материал, он овладевает лингвострановедческой компетенцией, т. е. системой представлений о традициях, обычаях, реалиях страны изучаемого языка, что позволяет добиться полноценной коммуникации.

Итак, владение лингвострановедческими знаниями позволяет адекватно воспринимать речь носителей иностранного языка и понимать оригинальные тексты. Достижение данной цели предполагает изучение и отбор таких языковых единиц, как реалии. Именно они помогают не только понять язык, культуру, а, следовательно, и мышление представителей чужой культуры, но и переводить иноязычные тексты.

С реалиями как носителями национальной самобытности лингвисты начали работать только в 50-х гг. XX в. Уже тогда ученые спорили о правильном определении понятия «реалия». Несмотря на широкое использование данного термина, было отмечено, что ни в лингвистике, ни в лингвострановедении нет четкого определения реалий, и совершенно не исследована специфика данных

языковых единиц. Это объясняется тем, что авторы не уделяли нужного внимания данной теме. На сегодняшний день вопрос об определении понятия «реалия» остается также актуальным и не до конца исследованным.

Слово «реалия» произошло от латинского прилагательного *realia* — «вещественный», «действительный». Согласно С. Влахову и С. Флорину, реалиями являются слова и словосочетания, называющие предметы, явления, объекты, характерные для жизни, быта, культуры, социального развития одного народа и малознакомые либо чуждые другому народу, выражающие национальный и (или) временной колорит [2].

Исходя из вышеизложенного материала, рассмотрим лексику, обозначающую национально-культурные реалии Швейцарии. Но перед тем как приступить к анализу рассматриваемого нами материала, следует упомянуть о языковой ситуации в этой стране, чтобы упростить понимание особенностей реалий швейцарского варианта немецкого языка.

Швейцария является многоязычной и многодиалектной страной, в которой представлены 4 языка: немецкий, французский, итальянский и ретороманский. Данные языки признаны национальными. Первые три являются официальными административными языками страны в своих территориальных пределах. А если мы говорим о ретороманском языке, следует отметить, что он не используется в общегосударственном общении, это означает, что данный язык не является языком общественно-политической жизни на территории проживания ретороманцев.

На сегодняшний день Швейцария является федеративной республикой, состоящей из 20 кантонов и 6 полукантонов. Из них 19 являются немецкоязычными, 6-франкоязычными, 1-италоязычным. Следует отметить, что в Швейцарии существуют также некоторые места, такие города, как Билль, Фрибург, которые являются двуязычными. Здесь не только улицы обозначаются на двух языках, но и на политических заседаниях используются также два языка.

В немецкоговорящих кантонах Швейцарии употребляются 2 формы немецкого языка: литературный немецкий язык и швейцарский вариант современного немецкого языка с его многочисленными региональными диалектами.

Литературный немецкий язык, Hochdeutsch или Schriftdeutsch, имеет огромное преимущество в немецкой части Швейцарии как письменный язык, как язык науки, газеты, художественной литературы (за исключением литературы на диалекте), а также и в устной официальной публичной речи: в федеральном парламенте, в высших судебных инстанциях, в церковной проповеди, в университете и в средней школе; он является предметом школьного преподавания на всех его ступенях и усваивается широкими народными массами в основном из школьного преподавания [3].

В остальных случаях швейцарцы используют швейцарский вариант современного немецкого языка, который является собственно разговорным языком всех слоев населения. Но на нем очень редко пишут, если только на молодежных конференциях.

Система швейцарско-немецкого диалекта практически реализуется в виде частных диалектных систем, имеющих зональную соотношенность. В швейцарско-немецком традиционно выделяют 18, 20 или 24 поддиалекта с соответствующей локальной (кантональной) соотношенностью [10, 11, 13]. Наибольшая общность и единство швейцарских поддиалектов проявляются на грамматическом уровне. Наиболее существенные различия наблюдаются на фонетическом и лексическом уровне.

Такое разнообразие поддиалектов объясняется достаточно многочисленными заимствованиями из других языков, что, прежде всего, объясняется этническим составом швейцарского народа. В количественном отношении на первом месте из романских заимствований в швейцарско-немецком и его диалектах находятся заимствования из французского литературного языка, французского разговорного языка и французских говоров швейцарских кантонов [5].

Итак, в данной статье анализируются лексические единицы лексико-семантического поля «еда» швейцарского варианта немецкого языка.

Прием пищи показывает не только социальный и культурный статус человека, но и национальный характер того или иного народа. В текстах авторов кулинарных и поваренных книг, философов, культурологов, этнокультурологов, историков, этнографов содержится информация о социокультурных и исторических составляющих, позволяющих выявить не только лингвистические, но и экстралингвистические особенности лексико-семантического поля «еда» [4].

Исследование лексики, обозначающей национально-культурные реалии Швейцарии (на примере наименований национальных блюд в швейцарском варианте немецкого языка) представляет собой большой интерес и новизну, так как данная тема на сегодняшний день до конца не изучена: количество наименований национальных блюд постоянно изменяется и данный объем реалий лексико-семантической группы «еда» не был ранее исследован.

В данной статье описываются результаты исследования 400 лексических единиц, которые были разделены на 9 те-

матических групп. Основная часть материала была взята из электронного ресурса www.kulinarischererbe.ch [7], на котором представлены национальные швейцарские блюда, и дополнена из толкового словаря (электронный ресурс) www.duden.de [12]. Рассмотрим их подробнее:

1. Наименования мясных и колбасных изделий

Группа «Мясные и колбасные изделия» состоит из 79 лексем, что составляет 20% от общего числа лексико-семантического поля «Еда», например: Appenzeller Pantli, Bauernschübli, Frauenfelder Salzissen, Ramswurst, Schwartenwurst, Schwinigi Stückli, Urner Hauswurst.

2. Наименования рыбной продукции

Группа «Рыба» включает всего 3 лексемы (0,75%): Gangfisch, Geräucherte Felchen, Mesoltit.

3. Наименования фруктов, овощей, растений

Группа «Фрукты, овощи, растения» представлена 22 лексемами (5,5%), например: Dörrbirnen, Essiggurken, Kirschenmus, Küttiger Rüepli, Zibelemärit.

4. Наименования сырной и молочной продукции

В группу «Сырная и молочная продукция» входят 43 лексемы (11%), например: Doppelrahm, Glarner Alpkäse, Mutschli, Sbrinz, Scgmelzkäse, Schwyzer.

5. Наименования выпечки

Группа «Выпечка» самая обширная, в её составе — 165 лексем (41%), например: Aargauer Rüeblitorte, Agathenringli, Basler Leckerli, Biberfladen, Bröötis, Däzeschiibli, Flange, Hüppen, Luzerner Birnenweggen, Mohrenkopf, Ofiletten, Rosengebäck, Strüzel, Tirggel, Zimtstängel.

6. Наименования сладостей

К группе «Сладости» относятся 19 лексем (5%), например: Badener Steine, Churer Pirsichsteine, Mässmogge, Quittenpöstli, Türkenhonig.

7. Наименования злаков

Группа «Злаки» состоит из 7 лексем (2%), например: Dinkel, Hörnli, Linthmais-Mehl, Rheintaler Ribel.

8. Наименования приправ, соли, масла, уксуса

В группе «Приправа, соль, масло, уксус» — 20 лексем (5%), например: Magenträs, Rapsöl, Aromat Knorr, Munder Safran.

9. Наименования напитков

Группа «Напитки» охватывает 42 лексемы (10,5%), например: Absinthe, Bätziwasser, Damassine, Jagertee, Elmer Citro, Iva-Schnaps, Mirabellenschnaps, Träsch.

Данные тематические группы можно представить в виде диаграммы на рисунке 1.

По данной диаграмме мы можем сделать вывод, что основную часть наименований еды и напитков занимает тематическая группа «Наименования выпечки», на втором месте — «Наименования мясных и колбасных изделий», а на третьем — «Наименования напитков».

В результате анализа лексики швейцарского варианта немецкого языка нами выявлено большое количество блюд, названия которых ориентируются на географическое название страны, городов, кантонов: Appenzeller Pantli, Appenzeller Siedwurst, Bauernschübli, Berner Zungenwurst, Krakauer Wurst; основной ингредиент: Fleisch-

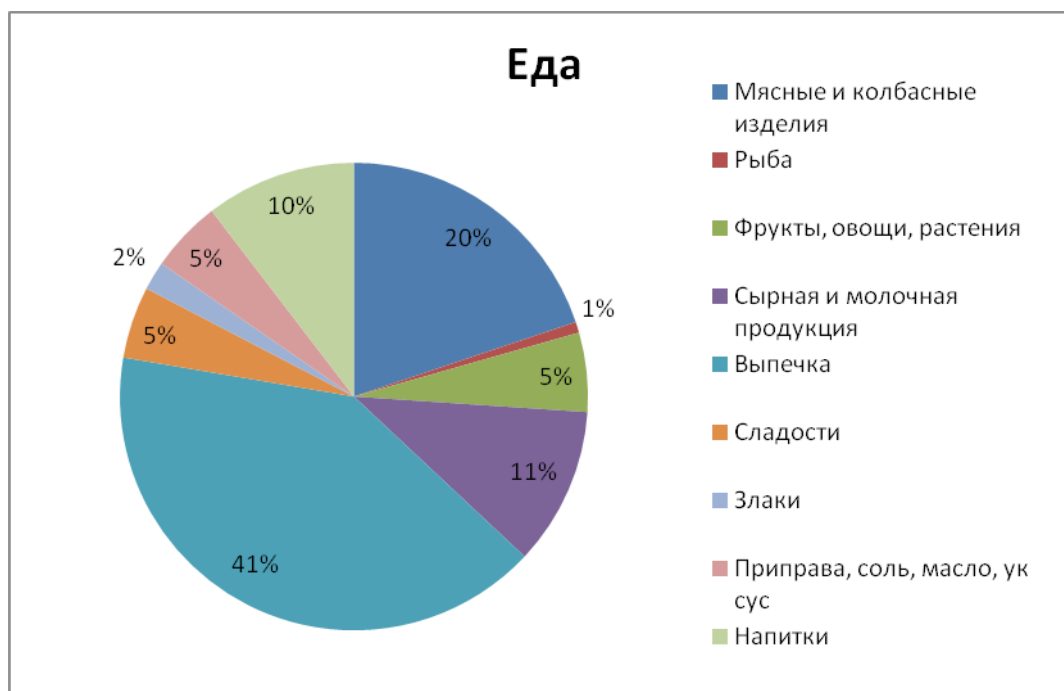

Рис. 1

käse, Kartoffelwurst, Bratkäse, Kartoffelschnaps, Kirschenmus; форму: Fleischvögel, Gnagi; и цвет: Braisi, Blutwurst, Schwarzwurst. Большое количество наименований — слова, заимствованные из французского и итальянского языков, например: Attriaux, Jabon de la borne, Lugeole, Oss in bogia, Castagne, Ricotta, Vacherin Mont d'Or. Как было отмечено в начале статьи, это обусловлено этническим составом швейцарского народа, географическим положением и языковой ситуацией в стране.

Анализ наименований блюд и напитков, приведенных в вышеуказанных источниках, позволил нам разделить лексические единицы по тематическому признаку, рассмотреть происхождение наименований и определить их процентное соотношение. Итак, лексические единицы мы разделили на 9 тематических групп, самой объемной оказалась группа «Наименования выпечки», а самой малочисленной — группа «Наименования рыбной продукции». По вышеприведенному материалу мы можем судить о кулинарных пристрастиях швейцарцев. Они едят мало рыбы, что можно объяснить географическим положением страны, в которой отсутствует выход к морю. Главные компоненты местной кухни — масло, молоко, сыр, мука, яйца, овощи, мясо и специи. Швейцарцы очень любят мучные, мясные

и колбасные изделия. Это говорит о том, что в этой стране сильно развито сельское хозяйство, сами швейцарцы предпочитают простую и сытную, но здоровую еду.

Швейцария также известна различными видами сыра, который является национальным продуктом Швейцарии. Неудивительно, что самые известные региональные блюда также связаны с сыром. Типичное швейцарское блюдо из расплавленного сыра — фондю (Fondue), которое является самым известным блюдом не только в этой стране, но и за ее пределами.

Хотя национальная кухня Швейцарии подвержена сильному влиянию соседних стран, таких, как Италия, Франция, Германия, она сочетает гастрономию своих соседей и создает из них собственную кухню на основе региональных ингредиентов. В каждом кантоне есть также множество фирменных региональных блюд.

В заключение отметим, что лексика, обозначающая национально-культурные реалии страны, является культурно-маркированной. Такие языковые единицы содержат фоновую информацию, и таким образом язык отображает культуру страны. При знакомстве с данной лексикой в процессе изучения иностранного языка происходит одновременно изучение культуры страны изучаемого языка.

Литература:

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Советская энциклопедия, 1969.
2. Влахов, С., Флорин С. Непереводаемое в переводе. — М: «Международные отношения», 1980.
3. Немецкая диалектология. — М.-Л., Изд-во АН, 1956.
4. Косвои, М. М. Сравнительный анализ лексических единиц лексико-семантического поля «ЕДА» в русском и персидском языке // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. — №3. — Т. 1. — с. 86–91.

5. Кузьмич, Н. Г. Романо-германская контактная зона Швейцарии // Взаимодействие лингвистических ареалов. — Л.: Наука, 1980. — с. 237—243.
6. Огнева, Е. А. Лингвострановедение: британская палитра: учебное пособие. — Москва: Эдитус, 2012.
7. Портал национальной кухни Швейцарии. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kulinarischeserbe.ch> (дата обращения 10.02.2015).
8. Томахин, Г. Д. Америка через американизмы. — М.: Высшая школа, 1982.
9. Ужова, О. А. Лингвострановедение. Компетенция «культурной грамотности и словарь» // Вестник ВГУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. — № 1. — с. 59—66.
10. Baumgartner, H.: Sprachatlas der deutschen Schweiz/begr. von R. Holzenköcherle u. H. Baumgartner. Hrsg. von R. Hotzenköcherle. — Bern. 1932.
11. Christ, R. B. Schweizer Dialekte. Zwanzig deutsch-schweizerische Mundarten/Hrsg. von R. B. Christ. — Basel, 1965.
12. Das Wörterbuch Duden online [Электронный ресурс] <http://www.duden.de> (дата обращения 10.02.2015).
13. Stadler, F. J. Die Landessprachen der Schweiz oder Schweizerische Dialektologie mit kritischen Sprachbemerkungen. — Aarau. 1819.

«Безопасность» в языковом сознании россиян

Выговская Дарья Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

Сложившаяся ситуация в современном мире наводит на мысль о том, что абсолютная безопасность сегодня едва ли возможна. Всегда будет присутствовать та или иная форма и степень проявления угроз, как потенциальных, так и реальных. Поэтому считаем особенно важным осознание того, что сейчас необходимо носителям русской культуры, чтобы ощутить чувство стабильности, защищенности и безопасности, и какое отражение находит общечеловеческая ценность «безопасность» в языковом сознании россиян, так как нормальное развитие человека, этноса и любых процессов возможно только в условиях безопасного существования.

Целью нашего исследования было вскрытие и описание содержания общечеловеческой ценности «безопасность» в современной русской культуре, установление динамики изменения содержания общечеловеческой ценности «безопасность» в связи с социальными трансформациями в российском обществе. Для нас являлось важным вскрыть содержание общечеловеческой ценности «безопасность» в языковом сознании представителей разных поколений россиян, а именно:

— молодых людей, проходящих социализацию при капитализме (поколение 20-летних);

— российских граждан, прошедших социализацию при социализме и капитализме (поколение 40-летних);

— старшего поколения россиян, основная социализация которых прошла только при социализме (поколение 60-летних).

В своей работе мы используем теоретическую базу московской психолингвистической школы и под языковым сознанием понимаем комплекс вербально овнешненных (психических) образов сознания, фиксирующих представ-

ления носителей культуры об объектах и явлениях, о человеке, его действиях и состояниях [3, с. 47].

В рамках нашего исследования нами был проведен ряд экспериментов. Так, для того чтобы понять, чем наполнено понятие «безопасность» в сознании представителей русской культуры, мы применили метод экспертной оценки: испытуемым нужно было написать слова, которые, на их взгляд, имеют отношение к данному понятию. Полученные данные мы проанализировали с помощью кластерного анализа и семантического гештальта, предложенного Ю. Н. Карауловым, под которым он понимает структуру, воплощающую тот аспект языкового сознания, который связан с отражением окружающей реальности, «образов» национально-культурного мира, запечатленных в родном языке. Согласно Ю. Н. Караулову, «семантический гештальт есть один из способов представлений знаний об окружающем мире в языковом сознании носителей» [1, с. 193].

Нужно, однако, отметить, что в ходе анализа данных возникали спорные моменты, и для того чтобы избежать излишней субъективности мы использовали метод свободных дефиниций, т. е. попросили испытуемых дать определения словам, которые вызывали наибольшие сомнения. Результаты, полученные методом свободных дефиниций, помогли нам в составлении и трактовке «древа значений» понятия «безопасность». Полученные в ходе кластерного анализа схемы («древа значений») были вновь отправлены на экспертную оценку. В данном случае экспертам было предложено оценить логичность представленных схем. Следующим этапом стал свободный ассоциативный эксперимент. Реакции, полученные при проведении свободного ассоциативного эксперимента, позволили нам выделить ассоциативные поля стимулов.

Ассоциативное поле слова является совокупностью всех ассоциатов на слово-стимул. Ассоциативное поле имеет ядро (наиболее частотные реакции) и периферию (единичные реакции).

Кроме того, для анализа полученных данных нам представляется целесообразным использование нескольких классификаций и нескольких уровней описания. В нашем исследовании это выглядит так:

— лексико-синтаксический уровень описывает синтаксические отношения между стимулом и реакцией. Также на этом уровне рассматриваются лексико-категориальные отношения, в которые вступают стимул и реакция. Сюда входят синонимы и квазисинонимы, антонимы, квазиантонимы, паронимы, окказионализмы, родовые и видовые понятия, часть — целое, целое — часть, перифразы и игра слов. К нему относятся конверсивные, омонимические, жаргонные и диалектные слова, архаизмы, парадигматические, синтагматические реакции, экзотизмы, иностранные заимствования и т. д.;

— на морфологическом уровне структура поля проявляется в словоизменяемых и словообразовательных отношениях между реакцией и стимулом;

— когнитивный уровень ассоциативного поля отражает знания носителя языка о стимуле, запечатлённые в языке в именах собственных, антропонимах, этнонимах, праобразах, в фреймах типовых психологических ситуаций, в афоризмах и идиомах;

— прагматический уровень состоит из оценок, даваемых носителями языка стимульному слову;

— статистический уровень находит свое воплощение в определенных количественных параметрах.

Все эти уровни превращают поле в единицу языка или «владение языком» — «в языковую способность», при этом первые уровни (лексико-синтаксический и морфологический) представляют основные системные уровни языка и, объединяясь в лексико-грамматические уровни, репрезентируют язык как таковой. Когнитивный уровень суммирует единицы хранения знаний и оперирования ими, отражает языковую картину мира и репрезентирует отношения «язык и человек», ибо нет знаний без их носителя [2, с. 20–21]. Прагматический уровень поля определяет отношения «человек — действительность», а статистическая часть чисто формальными методами «показывает» степень адекватности численных характеристик поля внешним параметрам «единицы владения языком».

Отношения «язык — действительность» в нашем случае описываются при помощи семантического гештальта. Семантический гештальт выстраивается на основе семантической классификации входящих в поле ассоциатов (реакций) и состоит из нескольких семантических зон, которые объединяют типичные для данного языкового сознания признаки предмета или понятия, соответствующего имени поля (=стимулу). Вслед за Ю. Н. Карауловым мы считаем удобным для называния зон использовать местоименные обозначения, которые способны передавать наиболее общие смыслы. Для анализа данных экс-

перимента мы выделяем следующие семантические зоны: 1) кто (лицо, ассоциируемое со словом-стимулом); 2) что (предмет, ассоциируемый со словом-стимулом); 3) какой (включает постоянные (интегральные) признаки, рассматриваемые с позиции стороннего наблюдателя); 4) каков (оценочные характеристики в рамках шкалы «хороший — плохой»); 5) это (квазидефинитивные конструкции, в которых местоимение «это» выполняет роль гипотетической связки); 6) что делать (действие, ассоциируемое со словом-стимулом); 7) где (место, ассоциируемое со словом-стимулом); 8) когда (временной период, ассоциируемый со словом-стимулом) [1].

Таким образом, использование данного подхода при описании результатов позволило нам наиболее полно и объективно отследить представленность интересующих нас стимулов в языковом сознании респондентов.

Подробный анализ всех полученных данных позволил нам говорить об основных сходствах и отличиях в отношении представителей разных поколений к общечеловеческой ценности «безопасность». Итак, если следовать хронологии проведения эксперимента, то первым этапом стал метод экспертной оценки, основным результатом которого стали древа значений основных понятий. Так как в данной статье мы рассматриваем только понятие «безопасность», остановимся на особенностях отражения именно этого понятия в языковом сознании различных поколений. Так, стоит отметить, что в сознании молодого поколения «безопасность» представлена с помощью четырех кластеров, в то время как в сознании двух других поколений описание осуществляется посредством семи кластеров. Общим для всех поколений является кластер *защищенность (защита)*, но если в сознании старшего поколения данный кластер включает 18 реакций, то в сознании молодого и среднего поколения 39 и 31 реакцию соответственно. Интересным является восприятие понятия *достаток*: в сознании молодого поколения *достаток* является обширной ветвью кластера *защищенность*, в сознании среднего поколения *достаток* образует отдельный кластер, в древе значений понятия «безопасность», представленном старшим поколением такой реакции нет вообще. Общим кластером для всех поколений является кластер, обозначающий людей, в основном, близких и друзей. Общим кластером для двух поколений — молодого и среднего — является кластер *спокойствие*. Для двух других поколений — среднего и старшего — общим является кластер *стабильность*. Абсолютно уникальными семантическими зонами являются: для поколения 20-летних — семантическая зона *опыт*, включающая *умения, навыки и мышление*; для поколения 40-летних такой семантической зоной является *уверенность*; а для поколения 60-летних — *дисциплина и экология*.

Следующим большим этапом стал свободный ассоциативный эксперимент. Таблица 1 отражает результаты проведенного анализа на четырех уровнях описания реакций, полученных в трех возрастных группах респондентов.

Таблица 1. Ассоциативное поле «безопасность»

	Поколение 20-летних	Поколение 40-летних	Поколение 60-летних
Ядерные реакции	защита (12) охрана (9) дом (8) спокойствие (6)	дом (10) защита (8) охрана (7) жизнь (6)	жизнь (11) защита (6) опасность (5) дорога (4)
Лексико-синтаксический уровень			
Парадигматические	79,1%	88%	75%
Синтагматические	20%	12%	25%
Синонимы	19%	16%	12%
Антонимы	0,9%	2,9%	6%
Заимствования	0,9%	1,8%	—
Перифразы	—	—	—
Родовые понятия	—	—	—
Видовые понятия	43%	38%	29%
Морфологический уровень			
Словообразовательные отношения	опасность	опасность (3)	опасность (5)
Когнитивный уровень			
Имена собственные	—	—	—
Антропонимы	—	—	—
Праобразы	—	—	—
Фрейм псих. ситуации	—	—	—
Прагматический уровень			
Кто?	3%	10%	6,8%
Что?	59%	65%	59,6%
Где?	16%	16%	11,6%
Когда?	—	—	—
Какой	15%	7%	14,2%
Каков?	2,6%	0,9%	7,8%
Что делать?	4,4%	—	—

При анализе ассоциативного поля данного стимула можно отметить, что одной из ядерных реакций, присутствующих в сознании всех трех поколений, является *защита*, причем именно этот кластер также присутствовал в древах значений, предоставленных экспертами в рамках первого этапа эксперимента. Ядерная реакция *дорога* (4) у представителей старшего поколения тоже не случайна, ведь именно кластер обозначающий дорогу и дорожное движение нашел отражение в кластерном анализе. Наличие антонимичных реакций, особенно пример словообразования противоположного по смыслу слова от слова-стимула подтверждает сформированность языкового навыка. Именно этот стимул занял лидирующие позиции по количеству синонимичных реакций и реакций, отражающих родовидовые отношения во всех группах респондентов, что доказывает высокую актуализацию данного образа в языковом сознании всех поколений, а также то, что представленные характеристики и взаимосвязи предметов и явлений действительности как нельзя лучше позволяют респондентам продемонстрировать свое отношение к данному образу. Завершая анализ стимула «безопасность», мы отметили достаточно высокий процент оце-

ночных реакций со стороны представителей старшего поколения по сравнению с другими. Причем характер оценки тоже имеет свои особенности, так, молодое поколение, отвечая ассоциацией *важна* (3), дает оценку по шкале важный/неважный; поколение 40-летних с помощью реакции *хорошо*, оценивает по принципу хороший/плохой; старшее поколение в свою очередь дает оценку как по этим двум шкалам, так и по шкалам нужный/ненужный, обязательный/необязательный, примерами выступают реакции: *важно* (2); *нужна* (2); *важна*; *здорово*; *обязательно*; *хорошо*. Кроме того, стоит обратить внимание на то, что все оценочные реакции представлены с помощью кратких форм прилагательных, которые обозначают признак как качественное состояние, т. е. такой, который может быть приурочен к определенному времени. Таким образом, можно еще раз убедиться, насколько актуальным и важным является данная ценность («безопасность») для носителей русской культуры.

Подводя итоги сопоставительного анализа результатов, полученных в разных группах респондентов, нужно отметить, что именно в ходе этого этапа были выявлены особенности, которые на первый взгляд, казались незна-

чительными. Так, например, при одинаково высоких показателях парадигматических реакций во всех группах респондентов, только после сопоставления данных стало очевидно, что лидером по количеству парадигматических реакций все-таки является поколение 40-летних россиян.

Обращаясь к следующему морфологическому уровню анализа можно заметить, что данный уровень гораздо лучше сформирован у старшего поколения, при рассмотрении таблицы распределения реакций видно, что в большинстве ассоциативных полей выделяются словообразовательные отношения между стимулом и реакцией.

На когнитивном уровне описания данных вновь выделяется младшее из исследуемых поколений. Причем нам удалось выявить различные виды реакций, принадлежащих к данному уровню, этими реакциями стали: имена

собственные, фреймы типичных психологических ситуаций, этнонимы и, конечно, антропонимы, среди которых во многих случаях встречались личные реакции.

В заключении стоит отметить, что эксперименты в области психолингвистики в наибольшей степени приближены к реальному мышлению и позволяют судить о конвенционально обусловленных и о специфических связях языковой единицы в индивидуальном сознании. Так использование психолингвистических методов позволило нам вскрыть и описать содержание общечеловеческой ценности «безопасность» в современной русской культуре, а также выделить специфические черты в смысловом наполнении данной ценности в зависимости от условий социализации респондентов. Подобные исследования позволяют лучше понять потребности российских граждан и использовать целенаправленную политику.

Литература:

1. Караулов, Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира: М., 2000.
2. Новикова, А. М. «Семантический гештальт» в структуре ассоциативного поля: М., 1998. с. 4–30.
3. Харченко, Е. В. ВУЗ в языковом сознании носителей русской культуры // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика»: Челябинск, 2007. № 15. с. 46–50.

Интерпретация писательских дневников на фоне классификации дискурсов

Дейна Людмила Владимировна, ассистент

Полтавский национальный педагогический университет имени В. Г. Короленко (Украина)

В статье рассмотрена классификация дискурсов на основе социолингвистического подхода. Выяснено позицию, занимаемую дневниковым дискурсом в этой типологии. Проанализирована специфика проявления признаков различных типов дискурса в дневниках украинских писателей А. Довженко, Остапа Вишни, В. Симоненко, В. Стуса, К. Москальца и В. Малика.

Ключевые слова: бытийный дискурс, диарист, дискурс, дневниковый дискурс, интенция.

Interpretation of the writers' diaries on the background of the discourses classification

Liudmila Deina, assistant of the Ukrainian language department

Poltava V. G. Korolenko National Pedagogical University (Ukraine)

This article deals with the classification of discourses on the basis of sociolinguistic approach. The position that's occupied by the diary discourse in this typology is also clarified. Research includes the analysis of the appearance specificity of various types of discourse in the diaries of Ukrainian writers, such as A. Dovzhenko, Ostap Vishnya, V. Simonenko, V. Stus, K. Moskalets and V. Malik.

Key words: existential discourse, diarist, discourse, diary discourse, intention.

В последнее время лингвистическая наука получила немало разноаспектных исследований дискурса, в частности с когнитивной точки зрения (Н. К. Крав-

ченко, В. В. Красных, Е. А. Селиванова, И. С. Шевченко), этнопсихологической (В. И. Карасик, В. В. Красных, З. Д. Попова, И. А. Стернин), культурной (С. Г. Тер-Ми-

насова, А. Вежбицкая), социальной (И.Н. Горелов, К.Ф. Седов), и политической (М.А. Макаров, Е.И. Шейгал). Ученые единодушны в том, что дискурс — это многомерное явление (Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, Ф.С. Бацевич, Г.Г. Почепцов). Однако, как отмечает А.С. Кубрякова, «широкое распространение термина» дискурс «в современной лингвистике совсем не означает, что за ним уже закреплено содержание, которое можно было бы считать общепотребительным» [7, с. 23]. Наиболее существенная характеристика, отличающая дискурс от текста, — дискурсивный контекст. Он представляет собой синтез прагматического, социального, когнитивного и других контекстов, которые образуют диалектическое единство и одновременно наделены изоморфностью и взаимопроницаемостью [1, с. 35–36].

Одним из самых удачных определений понятия «дискурс» считаем то, которое предлагает Н.Н. Миронова: «Дискурс — это речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя все многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. В дискурсе отражается менталитет и культура как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная» [10, с. 13]. В языкознании устоялось мнение, согласно которому понятия «дискурс» и «текст» не взаимозаменяемы. Под связным текстом понимают одно из проявлений дискурса, его промежуточный результат, поскольку конечной целью дискурса является не создание текста как такового, а достижение перлокутивного эффекта. Именно поэтому дискурс трактуют как совокупность речемыслительных действий коммуникантов, связанных с познанием, осмыслением и презентацией мира говорящим и постижением языковой картины мира говорящего адресатом [9, с. 188–190]. Итак, есть основания закреплять за дискурсом, во-первых, динамический процесс языковой деятельности, вписанной в определенный социальный контекст, во-вторых, ее результат в виде текста. По сравнению с текстом, толкование которого связано прежде всего с лингвистическими категориями, «дискурс» — понятие более широкое. Оно глобально коррелирует с категориями логики, психологии, философии и проецируется на человека, его опыт, знания, интеллектуальный уровень, способ презентации знаний об окружающей среде [2, с. 193].

Вопросы типологии дискурсов остаются открытыми, что обусловлено прежде всего разнообразием классификаторов. Считаем, что целесообразно в нашем исследовании опираться на классификацию российского лингвиста В.И. Карасика, основанную на социолингвистических параметрах. Он выделяет две большие группы дискурсов: персональные (лично-ориентированные, в которых говорящий является личностью со всем богатством внутреннего мира) и институциональные (говорящий является представителем определенной социальной группы). По мнению В.И. Карасика, персональный дискурс существует в двух основных разновидностях — бытовой и бы-

тийный [6, с. 6]; институциональный, представляющий собой общение в пределах статусно-ролевых отношений, объединяет следующие типы: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический, массово-информационный и др. Этот перечень можно изменить, сузив или расширив, поскольку общественные институты существенно отличаются друг от друга, они исторически переменные, могут сливаться или функционировать как разновидности в пределах того или иного типа [6, с. 10].

Сфера бытового дискурса ограничена бытовым общением между хорошо знакомыми людьми, которое сведено к поддержанию контакта и решению ежедневных проблем. Особенности этого вида персонального дискурса являются диалогичность, пунктирность протекания, сокращенная дистанция, поэтому участники коммуникативного акта детально не проговаривают того, о чем идет речь, поскольку имплицитно актуализируют очевидное и понятное. Кроме того, бытовому дискурсу присущи спонтанность, ситуативная зависимость, ярко выраженная субъективность, нарушение логики и структурной оформленности высказываний. Его специфика ярко освещена в исследованиях разговорной речи [6, с. 6].

Бытийный дискурс фактически противоположный бытовому, так как в нем говорящий пытается раскрыть богатство своего внутреннего мира. Рассматриваемому типу персонального дискурса свойственны развернутость, предельная смысловая насыщенность, использование всех форм языка. Специфика бытийного общения и в том, что оно в основном монологическое, представлено, как правило, произведениями художественной литературы, философскими и интроспективными текстами [6, с. 7].

Бытийный дискурс может быть прямым и косвенным. В прямом бытийном дискурсе В.И. Карасик выделяет смысловую прорыв и смысловую переход. Композиционно-речевой формой смыслового перехода является рассуждение, то есть вербальное проявление мыслей и чувств, его назначение — идентифицировать неочевидные явления, касающиеся внутреннего или внешнего мира человека. Прямой бытийный дискурс в виде смыслового перехода формируют все виды логических умозаключений. Под смысловым прорывом понимают озарение, инсайт, внезапное постижение сути дела, душевного состояния, положения вещей. Композиционно-речевой формой этого типа прямого бытийного дискурса является текстовый поток образов, своеобразная «магма смыслов», оторванных от своих ближайших ментальных образований. Таким смысловым прорывом может быть координативный перечень разнообразных и несовместимых сущностей или явлений, катахреза как синтез несовместимых признаков, преднамеренный алогизм и тому подобное. Континентальное состояние сознания, как справедливо утверждает В.И. Карасик, перестраивается и структурируется при по-

явлении новых, прогнозируемых определенными образными опорами, ориентиров. Такие тексты требуют многократного повторения, каждое из которых адресат осознает как ценный опыт. Стоит заметить, что удачный смысловой прорыв, в отличие от смыслового перехода, который почти всегда направляет адресата к запланированному автором результату, — явление редкое. Неудачный смысловой прорыв превращается в «белый шум», абсолютно непонятное словесное нагромождение [6, с. 7,8].

Опосредованный бытийный дискурс квалифицируют как аналогическое (переносное) или аллегорическое (символическое) развитие идеи через рассказ и описание. Как известно, рассказ — это последовательное изложение событий, а описание — статическая характеристика очевидных, наблюдаемых явлений. Основой повествовательной и описательной аналогий являются устойчивые социально закрепленные ближайшие семантические связи [6, с. 8].

Место дневникового дискурса, согласно классификации В.И. Карасика, — в плоскости бытийных прямых или опосредованных дискурсов. На фоне анализируемых дневниковых дискурсов смысловой прорыв убедительно эксплицирует диариуш Константина Москальца «Келія чайної троянди», который принадлежит к дневникам-исповедям, дневникам-самоувековечиваниям. Он пресыщен яркими образами, символами, аллегориями, метафорами: *Іде сніг, і час іде. Дочекався таки. Звісно, до ранку він, мабуть, розтане. Але це нічого не мінє. Головне те, що можна написати сторінку до щоденника у той час, коли йде сніг. «Упродовж снігопаду» — як назвав свою книжку Ігор Римарук. Це наш сніг іде. Вони безвладні перед снігом, вони безпомічні перед ним, вони нічого не зможуть зробити, щоб перешкодити снігові. Вони не зможуть заарештувати його, відправити на допит, примусити працювати. Вони не зможуть переконати його, загітувати, обдурити. Він — сніг, всевладний, вічний, чистий, сніг-усобі. Він однаково падає на голови праведних і нечестивих, він приходить і відходить тоді, коли йому цього заманеться. Він — це тиша і сяйво серед ночі, він — це любов* («*Ty jesteś śniegiem, co bieli szczyty kontemplacji i łagodzi żary zmysłowości*». F. de Osuna), *він — посланець Божий, так довго, з такою тугою очікуваний. Він падає на матіївські ліси; він падає у холодні темнозелені води Сейму; він падає на бані батуринської церкви, на колони палацу Розумовського, на мою маленьку хатинку. Тільки сніг порятує мене. Тільки сніг є Спасителем і Лікарем, — тільки його послав Бог сюди, щоб остудити мої пекучі рани, щоб очистити його чистотою мій бруд, щоб надати форму свідомості, як надав Він її кожній окремій сніжинці. Христос — це сніг, який приходить серед ночі. І так пливемо ми в сніговій завірюсі, повертаючись назавжди до небесної своєї батьківщини* (Москалец, 12.10.1992). На первый взгляд, фрагмент диариуша демонстрирует лишь несколько алогичное

накопление образов, поток мыслей, но их интегрирует в целое центральный образ снега. Функционируя в форме смыслового прорыва, он выступает как символ «*тиші, сяйва серед ночі, любові*», как «*всевладне, чисте, вічне*», как «*посланець Божий*». Благодаря последним предложениям проявляется и другая сущность символа: для дневниковеда снег — это аллегория Христа, которого Бог послал ему, «*щоб остудити пекучі рани*». Недаром издавна снег считали «символом божественной чистоты, целомудрия» и «духовного очищения» [16, с. 327]. Символический и иносказательный смысл образа снега, медитативно нанизываясь актуализируют и усиливают яркие метафоры: *Вони не зможуть заарештувати його, відправити на допит, примусити працювати. Вони не зможуть переконати його, загітувати, обдурити; він приходить і відходить тоді, коли йому цього заманеться*; антитетичные сопоставления: *праведних і нечестивих, очистити його чистотою мій бруд*; синтаксический параллелизм: *тільки сніг, він, вони не зможуть*; аллюзия: *сніг-у-собі*; парафразы: *Він — це тиша і сяйво серед ночі, він — це любов <...>, він — посланець Божий* и др.

Постоянное воплощение модели смыслового перехода, а иногда и опосредованного бытийного дискурса находим в других обследованных дневниках, что вызвано их жанровой спецификой. Диариуш Владимира Малика не был предназначен «для печати и для чужих глаз», его заметки «довольно скупые, фрагментарные, попутные» [14, с. 19], о чем свидетельствует и авторский подзаголовок «Записки для себе». Это дает основания квалифицировать «Синю книгу» как дневник-фиксацию, свидетельство, отчасти исповедь, в котором активно функционируют разноаспектные размышления и короткие бытовые записи, реализуя смысловой переход: *Дивно, але факт: Безорудько зовсім слабо ознайомлений (вірніш, зовсім не ознайомлений) з українською класичною літературою. Не читав «Кайдашевої сім'ї», не знає навіть, хто написав. Просто дивно. Заявляє, що історії не знає і знати не хоче (останнє, звичайно, — гірка бравада). «Я історії не знаю. Це мене не цікавить» (Малик, 9.01.1967); *Олень видужав. Я перехворів з 9 по 14 катаром, t° — 38,2* (Малик, 18.02.1965). Часто датированный фрагмент дискурса диариуша образует лаконичное предложение, которое касается творческой мастерской писателя, но по форме приближается к примечаниям на маргиналах: *Задумав поему «Калинова сопілка»* (Малик, 18.08.1964); *Закінчив доробляти «Посла»* [первая часть тетралогии «Таємний посол». — Л. Д.] (Малик, 10.02.1967) *Вирішено: пишу про Кия* (Малик, 17.02.1967).*

Не планировал обнародовать свои «Окрайці думок» и Василий Симоненко, на что сам намекает в эпиграфе: «*Читати без дозволу чужі щоденники — Еверест підлості*» [13, с. 360]. Монологический рассказ мастера слова в форме рассуждений о себе, общечеловеческих и собственных моральных принципов, литера-

туры, гражданской позиции определяет исповедальную сущность дневника, автор «не просто передает наблюдаемые факты, а глядя на себя, выстраивает модель своего восприятия жизни» [5, с. 136]: *Земля вже двадцять восьмий раз несе мене навколо сонця. Мало встиг я зробити за цей час гарного і доброго. Зате навчився я пити горілку, смердіти тютюном, навчився мовчати і бути обережним, коли слід кричати. І найстрашніше — навчився бути нещирим* ⁽¹⁾. *Брехня — мабуть, моя професія. Талант брехуна у мене вроджений. Є три категорії брехунів: одні брешуть, щоб мати з цього моральну чи матеріальну вигоду, другі брешуть, аби брехати, а треті служать брехні, як мистецтву. Вони, власне, вигадують або домислюють логічні кінцівки до правди. Ці брехуни, з моєї брехунівської купини, видаються мені благородними. Вони — художники. Вони — резерв літератури. Без них нудно було б жити, без них і правда стала б кучою та побутовою, нудною і дріб'язковою* ⁽²⁾. *Благородна брехня возвеличує правду. Керуючись цим, я частіше всього вдавався до третьої брехні* ⁽³⁾ (Симоненко, 18.09.1962). С помощью смыслового перехода дневниковед логично и последовательно выстраивает свои размышления, у них достаточно четко можно проследить унаследованную от сложного синтаксического целого структуру: (1) зачин (тема), (2) основная часть (развитие темы, аргументы), (3) концовка (выводы).

Дневниковые записи, объединенные названием «З таборового зошита», Василий Стус создавал в условиях чрезвычайного психологического и физического давления, поэтому не стоит в них «искать хронологической последовательности, пространственных авторских комментариев и реминисценций, последовательности изложения мысли» [12, с. 308]. Однако писатель осознавал, что его заметки увидит широкая публика, поскольку тайно передал их на волю. Такая мотивация и коммуникативная установка автора приближают диариуш Василия Стуса к дневникам-самоувековечиваниям, а благодаря тому, что он как очевидец воспроизводит реальную картину пребывания заключенных в советских политических лагерях, его записи приобретают статус дневника-фиксации, свидетельства. Дискурсивная среда его диариуша специфична тем, что рассказ и описание, свойственные опосредованному бытийному типу дискурса (1), перемежаются размышлениями, умозаключениями, сентенциями, которые являются формой смыслового перехода (2): *Травматизм на рудні — досить високий. То завалилася стеля, придушивши жертву «заколом», то бурильник упав у «дучку», то попав під вагонетку, перебиті руки, ноги, ребра — чи не в кожного другого. Але коли чани — люди міцні. Вони знають, що добробут дається нелегко* ⁽¹⁾. *За нього треба платити — молодістю, здоров'ям, а то й цілим життям. Життя жорстоке — нічого не вдієш* ⁽²⁾ (Стус, запис 1).

С точки зрения жанровой специфики дискурс диариуша Александра Довженко вобрал в себя черты ис-

поведи, свидетельства и творческой лаборатории. Такая разновекторная интенционная природа дневника становится причиной его балансирования между дискурсивными разновидностями: опосредованным бытийным, смысловым переходом, а иногда и смысловым прорывом. Но коммуникативные намерения всех записей подчинены одной определяющей интенции — «Щоденник» должен был стать документом своей эпохи. Модель смыслового прорыва в нем реализуют размышления о внутреннем и внешнем мире: *Сьогодні мені сповнилось п'ятдесят років. Коли б я вірив у Бога, я попросив би, помолвився б Йому, аби послав Він мені ясного розуму на десять літ, щоб зробити щось добре для свого народу, і більш нічого б не просив. Живу в Москві, зневажений убогими властями і друзями при владі України, що загубила у війні половину своїх синів. Велика Вдовиця* (Довженко, 13.09.1944). Примерами опосредованного бытийного разновидности дискурса является в основном военный фактаж и рассказы о собственном физическом и моральном состоянии: *Сталося те, чого найбільше треба було боятися. Німці гонять нас на Сталінград. Уже виїхало туди політичне управління і рухається туди ж таки КП. Ми вже не ПЗФ, а Сталінградський. Доведеться одступити ще 500 кілометрів* (Довженко, 13.07.1942) *Кров'яний тиск піднявся до 200. Точили кров з мене. Неначе стало легше. Дивитися, як кров витікає і заливає білизну і всю праву руку, не боляче, а дуже прикро і трохи скорботно. Вже так прийшлося* (Довженко, 19.11.1952). Не чужды диаристу и приемы смыслового прорыва. Нанизывая, на первый взгляд, ocasionальные метафоры, антитетично противопоставляя их, А. Довженко создает яркий, объемный и убедительный образ, усиливает желаемый иллюкативный эффект: *Ось уже минуло три місяці як немов ангели покинули мою душу. Потопуючи в стражданнях народу, я просив хліба поради. Мені подали камінь осуду. Мені здається, я загину в цьому році* (Довженко, 20.02.1944).

Специфическим воплощением модели смыслового перехода предстает дневник Остапа Вишни «Думи мої, думи мої...». Чрезмерная патетика и экспрессивность дискурса диариуша реализуется во фрагментарности, прерывистости размышлений и умозаключений автора, а также сказывается на средствах их выражения. Интенции исповеди и самоувековечивания, желание оставить следы своего существования повлекли обращение мастера слова к диалогу, в своих рассуждениях он как бы ведет беседу с воображаемым читателем: *Новий народ — нова Полтава! А народ — новий! І слава тому народові! Т.Г. Шевченко! Досить було однієї людини, щоб урятувати цілий народ, цілу націю. Що це — бідність?! Ні, це якраз велике багатство нашого народу, коли одна людина підставляє свої могутні плечі за цілий народ! Який же він могутній — народ наш! Умирав уже, царі його додавлювали, а він узяв та й дав Шев-*

ченка! І ожив народ, і розцвів народ! Бо — він народ! (Вишня, 27.12.1948); ...Так от Гоголь! Ніколай Василювич! Як його зробити так, щоб по всіх селах любили його? Як? Навчіть! (Вишня, 03.12.1951).

Таким образом, рассматриваемые писательские дневники представляют все разновидности дискурса, к которым может принадлежать диариуш: прямой бытийный дискурс, представленный смысловым прорывом и смысловым переходом, и опосредованный бытийный дискурс.

Стоит заметить, что ни один из исследуемых дневников не реализует какую-то одну модель дискурса в чистом виде. Из-за спонтанности и разноаспектности дневниковых записей в зависимости от коммуникативного намерения отдельного фрагмента и всего дневника автор мастерски пользуется ресурсами и прямого, и опосредованного бытийных типов дискурса для достижения желаемого перлюкутивно эффекта относительно потенциального читателя или самого себя.

Литература:

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — с. 136–137.
2. Бехта, І. А. Дискурс наратора в англomовній художній прозі. — К.: Грамота, 2004. — 304 с.
3. Вишня, Остап Думи мої, думи мої... [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ukrlib.com.ua/books/printthebook.php?id=125&bookid=3>.
4. Довженко, О. П. Сторінки щоденника (1941–1956). — К.: Вид-во гуманіт. л-ри, 2004. — 384 с.
5. Дуднік, І. О. Роль щоденникових записів В. Симоненка у формуванні уявлень про образ митця у контексті епохи // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди. Сер.: Літературознавство, 2011. — Вип. 2 (2). — с. 135–139.
6. Карасик, В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. — Волгоград: Перемена, 2000. — с. 5–20.
7. Кубрякова, Е. С. О термине дискурс и стоящей за ним структуре знания // Язык. Личность. Текст. Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. — М.: Языки славянских культур, 2005. — с. 23–33.
8. Малик, В. К. Синя книга: щоденник (записки для себе). 1958–1998/упорядники: О. В. Сиченко, Н. О. Сиченко. — 2-е вид., без змін. — Полтава: ТОВ «АСМІ», 2011. — 308 с.
9. Милевская, Т. В. О понятии «дискурс» в русле коммуникативного подхода // Материалы Международной научно-практической конференции [«Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах «Коммуникация — 2002» («Communication Across Differences»)]. — Пятигорск: ПГЛУ, 2002. — Ч. 1. — с. 188–190.
10. Миронова, Н. Н. Дискурс-анализ оценочной семантики: учеб. пособие. — М.: НВИ — ТЕЗАУРУС, 1997. — 158 с.
11. Москалець, К. Келія чайної троянди [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/file/691637/>.
12. Рарицький, О. А. Щоденникові записки «Із таборового зошита» В. Стуса: історія публікації та літературні аспекти // Наукові записки [Національного університету «Острозька академія»]. Сер.: Філологічна. — 2011. — Вип. 21. — с. 307–316.
13. Симоненко, В. Окрайці думок // Симоненко В. А.: У 2 т. — Т. 1: Поезії. Казки. Байки. З неопублікованого. Проза. Літературні статті. Сторінки щоденника. Листи/упоряд. Г. П. Білоус, О. К. Лищенко. — Черкаси: Брама-Україна, 2004. — с. 360–366.
14. Сорока, П. І. Голос із затіння. Літературні денники // Українська літературна газета. — 2012. — №2 (60). — с. 19.
15. Стус, В. З таборового зошита // Стус, В. Твори [Текст]: у 4 т. 6 кн. Т. 4: Повісті та оповідання; Незакінчені твори; Сценарії; Літературна критика; Заяви, публіцист. листи та звернення; З таборового зошита. — Львів: Просвіта, 1994. — 544 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.madslinger.com/stus/z-taborovoho-zoshyta/>
16. Школяренко, В. І. Символізація явищ природи, відбитих у фразеологізмах давньовірхньонімецького періоду // Актуальні проблеми слов'янської філології. Серія: Лінгвістика і літературознавство: Міжвуз. зб. наук. ст. — 2010. — Вип. XXIII, ч. 4. — с. 324–333.

The usage of metaphor and metonymy in the novel «A farewell to arms» by E. Hemingway

Жумаева Нилуфар Гуломовна, старший преподаватель;
Очилова Дилафруз Бахрамовна, старший преподаватель
Каршинский государственный университет (Узбекистан)

Jumaeva Nilufar Gulomovna, Ochilova Dilafruz Baxramovna, senior teachers
Karshi State University (Uzbekiston)

Stylistics is a branch of general linguistics. It has now been more or less definitely outlined. It deals mainly with interdependent tasks: the investigation of the inventory of special language media which by their ontological features secure the desirable effect of utterance and certain types of texts which due to the pragmatic aspect of the communication [1].

The interrelation between expressive means and stylistic devices can be worded in terms of the theory of information. Expressive means have a greater degree of predictability than stylistic devices. The latter may appear in an environment which may be seen alien and therefore be only slightly or not at all predictable. Expressive means, on the contrary, follow the natural course of thought, intensifying it by means commonly used in language. It follows that SD's carry a greater amount of information and therefore require a certain effort to decode their meaning and purpose. SDs must be regarded as a special code which has to be well known to the reader in order to be deciphered easily [2]. Various objects, phenomena actions, etc, may possess similar features, which fact provides the possibility of transference of meaning on the basis of similarity and association, i. e. metaphor [3]. Metonymy reflects the actually existing relations between two objects and is thus based on their contiguity.

Let us now proceed with a detailed analysis of the ontology, structure and function of these stylistic devices. In this article we would like to analyze some metaphors and metonymies which are given in the novel «A Farewell to Arms» by Ernest Hemingway. As we know Ernest Hemingway, as a master of words, used many expressive means and stylistic devices in his novel. He wrote his works in such way because of expressiveness and impressiveness of novels. Below there are the stylistic devices from his famous work.

1. *In the bed of the river, there were pebbles and boulders, dry and white in the sun, and the water was clear and swiftly moving and blue in the channels.*

In this sentence 'the bed of the river' is a metaphor. Because the word 'a bed' is a piece of furniture and Hemingway used this word for river, meaning 'the bottom of river'.

«The vineyards were thin and bare-branched too and all the country wet and brown and dead with the autumn».

In this sentence there are two metaphors «bare — branched» and «dead». The writer wrote about vineyards

«bare — branched» as he wanted to write «vineyards were without leaves». The second metaphor is «dead». The writer used this word for 'country', but this word is inanimate, because of it I find the word dead metaphorical personification.

At the foot of the bed was my flat trunk, and my winter boots, the leather shiny with oil, were on the trunk.

In this sentence the word «foot» is metaphor. This word is the part of body of animate objects. Here it is used for 'bed'. That's why it is personification.

It took the enamel off your teeth and left it on the roof of your mouth.

In this sentence the word «roof» is used for mouth, but its dictionary meaning is «the higher part house». The writer found the likeness between the higher part of the mouth and the higher part of the house.

«The saint hung down on the outside of my uniform and I undid the throat of my tunic, unbuttoned the shirt and dropped him under the shirt».

The meaning of the «throat» is «the front part of the neck». By the combination «the throat of the tunic» we can understand «the collar of the tunic». That's why it becomes a metaphor.

«We were in the foot-hills on the near side of the river and as the road mounted there were the high mountains off to the north with snow still on the tops.»

In this sentence the word «foot» is used for «hill». The meaning of this word is «part forming the lower end of the leg», contextual meaning is «lower part of the hill».

Beyond the mule train the road was empty and we climbed through the hills and then went over the shoulder of a long hill into the river-valley».

This sentence also has such kind of metaphor but here instead of «foot» used «shoulder». The meaning of this word is «that part of body of a human being or animal where an arm foreleg is joined to the trunk, or where the wing of a bird going its neck», contextual meaning is «the higher part of hills but not the top». The writer found likeness between these two meanings.

«When you come back bring a photograph?»

«Bring good opera disks»

«Don't bring Caruso. He bellows.»

We know that «Caruso» is the name of a person, proper noun. It is a direct meaning. But in contextual meaning it lost its value as a proper noun it became common noun. By con-

text we can understand that the meaning is about opera disks sung by the singer Caruso. The author's used name used for his work. The whole used for the part.

1. «*I had gone to no such place but to the smoke of caf  s and nights*».

In this sentence metonymy is «**smoke of cafes and nights**». «Smoke is used for «cafes», but we know that «caf  s can't make smoke, it is done instead of part. That's why it is metonymy.

2. «*The battery in the next garden woke me the morning and I saw the sun coming through the window and got out of bed*».

The word «**battery**» is used instead of the sounds of bangs which were made by battery guns». The second metonymy in the sentence is «the sun» used instead of the part.

To conclude we can say that metaphors and metanomies give colour to the written text, make the language natural so that reader will enjoy and fully feel the language.

References:

1. Black M. Metaphor., NY, 1984
2. Gibbs R. W. When is Metaphor? The idea of understanding in the theories of metaphor. L. 1992.
3. Анашкина Е. В. Дискурсивный аспект функционирования стилистического приема метонимии (на материале англоязычной художественной прозы). М., 2003.
4. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. М., 1960.
5. Дэвидсон Д. Что означают метафоры. М. 1990.
6. Ernest Hemingway «A Farewell to Arms».

Способы передачи русских деепричастных конструкций в персидском языке

Захраи Сейед Хасан, профессор;
Хеммат-заде Шахрам, аспирант
Тегеранский университет (Иран)

Статья посвящена определению и описанию системы языковых средств, передающих в персидском языке русские деепричастия. В статье анализируются разные средства, с помощью которых персоговорящие могут передать русские деепричастные конструкции на персидский.

Ключевые слова: причастие, деепричастие, придаточное предложение, предложный оборот.

Деепричастие в восточнославянских языках (русский, украинский и белорусский язык) развивалось из нечленных активных причастий [6, с. 43]. Как известно, деепричастие сформировалось на основе именных (кратких, нечленных) действительных причастий праславянского языка. Отдельные разряды деепричастий при этом возводятся к формам именительного падежа разных родов — мужского или женского. Образованиями, связанными с мужским родом, безоговорочно признаются формы с суффиксами *-а* и *-в*, тогда как по поводу форм с суффиксами *-ши*, — *вши* и *-учи* (*-ачи*) высказываются различные мнения. Традиционно они рассматриваются как восходящие к причастным формам им. п. ед. ч. женского рода. В настоящее время кажется более убедительным мнение о связи деепричастных форм на *-и* с бывшей формой им. мн. муж. рода [3, с. 77].

Лекант об этом отмечает: «Современные деепричастия восходят к древнерусским кратким формам именительного падежа единственного числа действительных причастий в формах настоящего и прошедшего времени, согласовавшимся с подлежащим. Неизменяемые деепричастия современного русского языка согласовываться с подлежащим не могут, но семантическую связь с ним сохраняют, поскольку всегда обозначают действие лица, названного подлежащим» [4, с. 292].

Деепричастие в современном русском языке означает такое действие или состояние названного в подлежащем субъекта, которое сопутствует действию или состоянию, названному в сказуемом, либо в том или ином отношении характеризует это действие [2, с. 181].

Деепричастия и конструкции с деепричастиями русского языка в сопоставлении с их передачей на персидский язык, определяется затруднениями при передаче неизменяемых форм русского глагола. Деепричастие, как форма глагола, не обладает морфологически выраженным временным значением. В предложении деепричастие передает то или иное отношение обозначаемого им действия ко времени действия, обозначаемого глаголом сказуемым, т. е. передает относительное время или временную отнесенность.

Некоторые грамматические отличия можно выявить на уровне неизменяемых форм глагола. В русском языке одной из таких форм является деепричастие, выражающее второстепенное действие. В персидском языке для выражения побочного действия, предшествующего главному и выполняемого одним и тем же лицом, особой формы нет, поэтому возможны некоторые трудности при передаче деепричастий и деепричастных конструкций с русского языка на персидский. Проблема функционирования деепричастий в письменной, книжной речи актуальна для нерусскоязычных, которым приходится сталкиваться с трудностями передачи деепричастий и деепричастных конструкций на персидский язык. При исследовании затруднения, возникающие при передаче деепричастий с русского языка на персидский язык, было установлено, что трудности возникают в связи с пониманием действующего лица и им выполняемого действия в структуре предложения; пониманием главного и второстепенного действия; употреблением придаточного предложения; употреблением падежно-именной конструкции.

Зная особенности функционирования русских деепричастных оборотов и учитывая специфику системы подчинения в персидском языке, можно было бы априори установить персидские эквиваленты русских деепричастных оборотов. Такими эквивалентами должны бы быть, прежде всего, обороты, которые образуются персидскими глагольными формами, аналогичными деепричастиям.

Русские деепричастные обороты передаются на персидский язык следующими средствами:

- 1) при помощи персидских причастных оборотов;
- 2) придаточными предложениями обстоятельственными;
- 3) при помощи словосочетания, в состав которого входит отглагольное существительное с предлогом (предложным оборотом).

Употребление персидских причастных оборотов в качестве эквивалентов русских деепричастных оборотов ограничено возможностями системы причастий персидского языка. О причастии в персидском языке Рубинчик в своей книге пишет: «Персидские причастия, несмотря на их большую роль в образовании различных грамматических форм глагола и в пополнении лексического состава персидского языка новыми единицами, остаются еще недостаточно изученными как в плане связи с глаголом (отражение глагольных свойств, семантики глагола), так и в плане функциональном. Недостаточно изучено участие причастий в словообразовательных процессах языка и охватывают по грамматическим свойствам категорию слов. Персидские причастия представляют собой одно из противоречивых и сложных явлений языка и охватывают разнообразную по грамматическим свойствам категорию слов». [5, с.269].

В грамматической литературе по персидскому языку наблюдается неоднозначный подход к выделению разновидностей причастий. Точки зрения Анвари и Рубинчика об этом очень близки друг к другу и поэтому берем описание Рубинчика, которые совпадают с описаниями Анвари.

Рубинчик выделяет в персидском языке три разновидности причастия: причастие прошедшего времени, причастия настоящего времени и причастие долженствования. Он отмечает, что причастие прошедшего времени образуется путем прибавления суффикса —е к основе прошедшего времени, например: گرفته، گفته، رفته، آمده [5, с.269].

По его мнению причастий настоящего времени различают три формы: с суффиксами *نده* анде, *آن* ан и *آ* а. Он пишет: «причастия настоящего и долженствования могут быть образованы не от каждого глагола. В отличие от них причастия прошедшего времени образуются от любого структурного типа и любой лексико-грамматической разновидности персидского глагола». [5, с.269]. Причастия настоящего времени с суффиксом -анде образуются присоединением к основе настоящего времени глагола суффикса —анде: *نویسنده، بخشنده*.

При образовании причастий с суффиксом —ан от сложных глаголов нарушается просодическая структура, характерная для исходного сложного глагола: исчезает фонетическая самостоятельность именной части и компонирующего глагола, изменяется акцентное строение. В форме причастия настоящего времени пропадает пауза между компонентами, ударение переходит на последний слог, в результате чего образуется единое сложное слово: *دعا گویان، تعظیم کنان*. Анализ семантики причастий с суффиксом —ан, образованных от сложных глаголов, показывает, что они обладают главным образом адвербиальным значением. Этим причастные формы сложных глаголов отличаются от причастных форм простых глаголов, которые обладают не только адвербиальным, но и главным образом адъективным значением. Кроме того, причастия с суффиксом —ан редко изменяют свою семантику по сравнению с семантикой исходного сложного глагола.

Причастия с суффиксом —а образуются прибавлением суффикса —а к основе настоящего времени глагола: *کوشا، پذیرا*.

И причастия долженствования образуются путем прибавления к инфинитиву ударного суффикса —и (-ی): *خوردنی، رفتنی*. [5, с.269–289].

Судя по факту, что в собранном нами материале не встречается ни один случай деепричастные конструкции (далее ДК), которая переводится на персидский язык причастием настоящего времени с суффиксами —анде или -а, можно прийти к заключению, что русские ДК такими средствами на персидский язык не передаются. В результате этого мы рассмотрим варианты передачи ДК на персидский язык с помощью персидских причастий прошедшего времени или настоящего времени с суффиксом —ан.

Следует отметить, что Анвари в своей книге утверждает вышеуказанное, но дает им другие названия. Вместо причастия настоящего времени он употребляет термин *صفت فاعلی* (субъектное прилагательное) а для причастия прошедшего времени, термин *صفت مفعولی* (объектное прилагательное). [7, с.110–115]. По поводу вышеуказанных терминов надо сказать, что некоторые лингвисты дают им другие названия. Считая, что в персидском языке существует деепричастие, они вместо указанных терминов, употребляют деепричастие прошедшего и настоящего времени. Например Абдурахманов в своей работе об этом отмечает, что в персидском языке наблюдаются две формы деепричастия (деепричастия настоящего времени и деепричастия прошедшего времени). Деепричастия в этом языке обладают следующими общими чертами: а) выражают действия, которые совершаются одновременно с основным глаголом; б) при повторе приближаются к наречию; в) подобно наречию они не меняют форму. [1, с.150]. Но мы не согласны с мнениями Абдурахманова, так как деепричастие не имеет времени и предпочитаем в дальнейшем с целью облегчения описаний условно выбираем термины, которые употреблял Рубинчик:

Трое людей, разговаривая, шли куда-то легко и бодро. (Горький, Мать)

سه نفر صحبت کنان، شاد و سرحال به جایی می رفتند.

Охваченный возбуждением, он говорил, усмехаясь и мать слушала. (Горький, Мать)

او در حالیکه برانگیخته شده بود، خنده کنان می گفت و مادر به حرف هایش گوش می داد.

— *Что с тобой? Что случилось?* — спросил он [Паша] в тревоге, подбежав к ней навстречу. (Пастернак, Доктор Живаго.)

پاشا به سمت او دویده و با ترس پرسید: چه اتفاقی برایت افتاده است؟

Он снова поднял голову и, окинув широкую фигуру Николая, сказал: -... поднимите... (Горький, Мать)

او مجددا سرش را بلند کرد و بدن چهارشانه نیکلای را برانداز کرده و گفت: بلند شوید!

В персидском языке некоторые формы причастий могут быть заменены соответствующими по значению придаточными предложениями (далее ПП). ПП могут употребляться в препозиции, реже в интерпозиции и постпозиции. Факультативное придаточное предложение является независимым.

Обстоятельственные придаточные предложения выражают различные обстоятельства, при которых совершается действие главного предложения. Они относятся к глаголам или к словам с обстоятельственным значением в главном предложении и уточняют место, время, причину, цель действия и др. Исходя из этого различают разные типы обстоятельственных придаточных предложений:

1. Обстоятельство образа действия:

Плача, он пошел к своей матери.

او درحالی که گریه می کرد، پیش مادرش رفت.

2. Обстоятельство времени:

Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа (Чехов).

من درحالی که به این ایستگاه نزدیک می شدم و از پنجره به طبیعت نگاه می کردم، کلاهم افتاد.

3. Обстоятельство причины:

Не понимая, о чём он говорит, я промолчал (М. Горький. Детство, с.12).

من به دلیل آنکه نمی فهمیدم او درباره چه چیزی صحبت می کند، ساکت بودم.

4. Обстоятельство условия:

— *Хочу записать вот эту последнюю фразу господина Рудина. Не записав, позабудешь...!* (Тургенев, Рудин)

می خواهم این جمله آخر آقای رودین را یادداشت کنم. اگر یادداشت نشود، فراموش خواهد شد...

5. Обстоятельство уступки:

Хоть и зажмурясь, Демидка запустил руку в мешок и выхватил за шейку Марью Елизаровну. (Леонов. Русский лес)

دیمیدکا هر چند که چشم هایش را بسته بود، دستش را به داخل گونی برد و ماریا الیزاویتا را از گردنش بیرون کشید.

И последний способ передачи русских деепричастных оборотов является предложным оборотом, т. е. при помощи словосочетания, в состав которого входит отглагольное существительное с предлогом. Употребление в качестве эквивалента деепричастного оборота словосочетания с отглагольным существительным неограничено синтаксической функцией деепричастного оборота. Деепричастный оборот в любой синтаксической роли может переводиться отглагольным существительным с предлогом, так как предлоги могут выражать любое обстоятельственное значение.

Предложный оборот в персидском языке является способом выражения обстоятельства. Предложные обороты не имеют строго закрепленной позиции и могут употребляться в постпозиции, интерпозиции и препозиции по отношению к основной части предложения. Предложный оборот выражает второстепенную предикацию:

И она [бабушка] смеется сердечным смешком..., а глаза, светясь, ласкают меня. (Горький, Детство)

او (مادربزرگ) از ته دل می خندد و چشمهایش ضمن درخشش، مرا نوازش می کنند.

— *Позвольте!* — говорил он, отстраняя рабочих с своей дороги. (Горький, Мать)

او(مدیر) ضمن کنارزدن کارگران از سر راه خود، می گفت: اجازه دهید!

Избегая встреч с отцом, он мало бывал дома последнее время. (Горький, Мать)

به دليل احتراز از ملاقات با پدر، او اين اواخر کمتر در خانه بود.

[Никита], прищурившись, глядел на расписанные морозом стекла. (А. Н. Толстой, Детство Никиты)

نيکيتا به دليل نگاه به نقش هايي که توسط سرما روی شيشه شکل گرفته بودند، تعجب کرده بود.

Держась на расстоянии, благороднейшим образом предлагал свою помощь. (Пастернак, Доктор Живаго.)

با وجود حفظ فاصله، بصورت موديبانه اي کمکش را پيشنهاده کرد.

А ты... должен знать, что, увидев такого человека, ты должен, немедля ни секунды, начинать свистеть. (Булгаков, Мастер и Маргарита.)

و تو... بايد بدانی که با مشاهده اين فرد، بايد به سرعت شروع به سوت زدن بکنی.

При рассмотрении вопроса о персидских эквивалентах русских деепричастных оборотов необходимо также учитывать возможность наличия известной нечеткости границ между некоторыми видами деепричастных оборотов. Такие деепричастные обороты с «диффузным» значением могут иметь несколько вариантов перевода, качественно более или менее равных. Ср. следующий пример:

Ольга бегая, смотрела на свои часы.

الگا ضمن دویدن به ساعتش نگاه می کرد.

Это предложение можно перевести и иначе:

الگا دوان به ساعتش نگاه می کرد. // الگا درحالی که می دوید، به ساعتش نگاه می کرد.

Литература:

1. Абдурахманов У. Неспрягаемые глагольные формы в современном таджикском и персидском языках. Душанбе, 1988. С. 150.
2. Грамматика-80, Т. II, С. 181.
3. Кудрявский Д. Н. К истории русских деепричастий. М., 1916. С. 74–79.
4. Лекант П. А. Современный русский язык. М., 2004. С. 292.
5. Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского языка. М, 2001. С. 269.
6. Сасинович Э. С. Деепричастие и его функции в украинском языке. автореф. дис....канд. наук. диерат кандидатской диссертации. Киев, 1961.
7. انوری. دستور زبان فارسی 1. تهران. 1383. ص. 110-115.

Некоторые аспекты психологии восприятия текстов

Игейсинова Гульбаршин Марксовна, учитель английского языка;

Кошенкова Наталья Владимировна, учитель русского языка и литературы

МБОУ «СОШ №24» (г. Астрахань)

В настоящее время уделяется большое внимание подготовке молодого поколения к творческой деятельности во всех сферах жизни общества. В связи с этим повышается роль школы в воспитании инициативных, творчески мыслящих и духовно богатых граждан страны. Языки — важнейший фактор развития умственных способностей учащихся, их речи, нравственных качеств и в целом личности ребенка. Многие прогрессивные общественные деятели, лингвисты, методисты XIX века (Ф.И. Буслаев, В.Г. Белинский, Л.И. Поливанов, Д.И. Тихомиров и др.) в своих трудах писали об огромном развивающем значении языка как школьного учебного предмета.

Основной составной частью основ методики обучения языку являются психология, ее концепции, которые принципиально важны для эффективной организации обучения школьников языку. При этом значимыми являются

основные положения общей психологии (например, психологии памяти, восприятия, воображения и т.п.). Остановимся на психологии восприятия.

Восприятие — это процесс отражения в сознании человека внешних признаков и явлений, совершающийся при помощи органов чувств и завершающийся созданием образа воспринимаемого предмета и оперированием с этим образом. Восприятие отличается от ощущения тем, что ощущение есть отражение в психике каких-то изолированных стимулов, или раздражителей (или отдельных свойств раздражителей), не соотносимых нами с реальным предметом. От мышления восприятия отличается тем, что в процессе мышления мы, опираясь на воспринимаемые нами признаки предметов и явлений, как бы «уходим» от реальности восприятия и, комбинируя и анализируя эти признаки, получаем нечто, чего непосредственно воспринять не можем. Впрочем,

как мы увидим далее, мышление участвует и в самом процессе восприятия.

Восприятие — это не пассивное «впитывание» человеком информации, не «восприятие» в буквальном смысле этого слова. Человек — не экран, на которой проецируются какие-то образы: чтобы воспринять что — либо, он должен произвести специфическую деятельность, осуществить активные действия по восприятию действительности. Восприятие у человека характеризуется целостностью, структурностью, константностью, осмысленностью и предметностью. Первые три из этих характеристик были хорошо изучены еще в начале XX века психологами, принадлежавшими к школе так называемой гештальт-психологии (от него. Gestalt — образ)

Целостность — это способность восприятия оперировать не с отдельными свойствами или признаками предмета, а с образом этого предмета как целого, хотя, конечно мы «строим» такой образ из отдельных ощущений, иногда даже различных модальностей иногда даже различных модальностей (т. е. и зрительных, и слуховых, и осязательных, и других).

Структурность восприятия — это способность его складывать целостный образ из отдельных кусочков, воспринимаемых (ощущаемых) не обязательно строго одновременно. Мы воспринимаем картинку, последовательно «скользя» ней взглядом; воспринимаем слово, воспринимая отдельные звуки, из которых оно состоит, и т. п.

Константность — это способность восприятия удерживать, «останавливать» все время изменяющиеся свойства реального предмета: хотя постоянно меняется его видимый размер, освещенность, цветовые оттенки и т. д., мы продолжаем воспринимать образ этого предмета как нечто постоянное, инвариантное.

Осмысленность восприятия — стремление воспринять что-то имеющее реальное значение и содержание, осмыслить и назвать видимое или слышимое.

Здесь-то в восприятие и включаются мыслительные процессы: если предмет нам незнаком, мы стремимся сознательно проанализировать признаки этого предмета и отнести его к определенной категории, а затем по возможности привесить к нему словесный «ярлычок», назвать его. Все перечисленные характеристики восприятия обеспечивают для человека возможность уверенно ориентироваться в изменяющемся и обновляющемся мире. Если бы у восприятия не было константности, структурности, целостности, человек вынужден был бы все время перерабатывать заново воспринимаемые им свойства раздражителей, все время по-новому их комбинировать, все время производить работу по анализу, синтезу и интерпретации ощущений.

Таким образом, восприятие есть своего рода деятельность или вернее, система действий, включенных в ту или иную деятельность. Такие действия называются перцептивными действиями (лат. *percipio* — воспринимаю). Строго говоря, в понятие восприятия входят разные виды перцептивных действий. Представим

себе, что человек впервые столкнулся с каким-то предметом или явлением. Тогда он должен произвести довольно сложную работу для того, чтобы у него сформировался образ данного предмета. Ему нужно выделить информативные признаки объекта, значимые для его восприятия: согласно общим закономерностям формирования деятельности, это сначала будут отдельные перцептивные операции. В психологии принято говорить, что оперативными единицами восприятия в этом случае будут отдельные признаки объекта. Затем эти операции автоматизируются, и оперативной единицей восприятия становится образ в целом: нам уже не нужно перебирать отдельные признаки предмета и «складывать» их вместе, мы воспринимаем их все сразу, как целостную систему. Только если при целостном восприятии возникает какое-то затруднение, мы возвращаемся к перебору отдельных признаков. Это можно продемонстрировать на примере звуковой системы иностранного языка. Сначала при восприятии звуков иноязычной речи оперативными единицами являются дифференциальные признаки звуков речи: мы сознательно и целенаправленно стараемся, чтобы учащийся «услышал» альвеолярный характер английского [t] или [d] или палатальность немецкого [ç]. Но потом учащийся начинает оперировать уже с целостным образом иноязычного звука. А затем происходит еще большее укрупнение оперативных единиц: мы становимся не отдельные звуки, а фонетические слова или даже цепочки этих слов.

Вторая распространенная ситуация восприятия, когда человек сталкивается с данным предметом не впервые и перед ним стоит задача не сформировать перцептивный образ, а отождествить его. На практике процесс отождествления перцептивного образа происходит так. Сначала мы обнаруживаем наличие раздражителя. Затем мы выделяем некоторые признаки воспринимаемого предмета, необходимые и достаточные для отождествления его образа. Какие это признаки и откуда мы о них знаем? Мы сталкиваемся с воспринимаемыми предметами не в безвоздушном пространстве, а в совершенно определенной ситуации и в определенном контексте. Скажем, воспринимая напечатанное в книге слово, мы уже знаем, что это слово, и значит, для отождествления его перцептивного образа нам нужно искать какие-то его графические отличия от других слов. Далее мы уже прочли предшествующий текст, и поэтому число возможных слов резко сократилось: мы произвели так называемое вероятностное прогнозирование и с определенной вероятностью ожидаем, что в данном месте текста будет определенное слово. И процесс отождествления сводится фактически к тому, что мы убеждаемся: данное слово, воспринимаемое нами, тождественно ожидаемому нами (тождественно эталону) или, в крайнем случае, является одним из нескольких возможных (т. е. производим перебор нескольких эталонов).

Таким образом, восприятие связано с другими аспектами психической деятельности человека: с его прошлым

опытом, с особенностями его эмоционального состояния и т.д.

Формирование образа невозможно без активного «ощупывания» предмета рукой или глазом. Это «ощупывание» складывается из движений разного уровня: а) поисковых и б) гностических, участвующих в построении образа. В связи со сказанным необходимо вкратце остановиться на некоторых аспектах проблемы наглядности. Как известно, что наглядность в обучении языку, да и вообще в любом обучении языку, предполагает обязательное умение учащегося вычленить в картинке информативные признаки. Легко так же понять, что эти информативные признаки должны соответствовать той конкретной задаче, для решения которой мы используем наглядные средства. Например, вводя путем наглядной семантизации новое иноязычное слово, необходимое уже в самой картинке подчеркнуть значение этого иноязычного слова по сравнению с соответствующим русским: так, вводя английское *foot* или немецкое *fuß*, целесообразно дать его вместе с *leg* (или *Bein*) и иллюстрировать двумя картинками — для английского (немецкого) и русского языка. Каковы же эти конкретные задачи или функции наглядности? Их можно выделить четыре: а) наглядная семантизация, б) изображение предметной ситуации, в) зрительная стимуляция высказывания г) страноведческая функция. В свою очередь функция (б) может быть разделена на несколько: основа описания по картинке; наглядный комментарий к тексту; наглядная мотивация событий, описанных в тексте; прямая иллюстрация к тексту; описанных в тексте, наконец, зрительная «подсказка» для высказывания. В каждом из этих случаев картинка или другое средство наглядности предполагает совершенно определенные требования к ней. К сожалению, в большинстве существующих учебников эти требования совершенно не дифференцируются: авторы учебников, если и используют наглядность, то как правило, очень упрощенно представляют себе ее психологическую «нагрузку» в процессе усвоения языка. В частности, крайне недостаточно используется схематическая наглядность, особенно для усвоения грамматической стороны языка. Между тем в большинстве случаев она психологически гораздо более эффективна, чем иллюстративная.

В психологии существуют несколько теорий восприятия речи, но далеко не все они соответствуют современным представлениям о восприятии. Например, совершенно неправдоподобна теория, согласно которой последовательно воспринимаются и отождествляются отдельные звуки (фонемы). Маловероятна и концепция, согласно которой при слушании мы как бы проговариваем про себя воспринимаемую нами чужую речь. Изложим наиболее распространенное ныне и, с нашей точки зрения, наиболее правильное понимание процессов восприятия речи. Начнем с того, что в процессах формирования перцептивных образов звучащих слов так же происходит своего рода «ощупывание», только осуществляют его ор-

ганы артикуляции. Чтобы в дальнейшем правильно слышать, сначала нужно проговорить звук или фонетическое слово. Поэтому иноязычная речь, говорение является существенной предпосылкой аудирования. Это имеет смысл только тогда, когда у учащегося уже сформированы достаточно крупные оперативные единицы восприятия, соотносимые с системой языковых значений, т.е. когда у него сложились образы фонетических слов. Восприятие слова предполагает те же характеристики, что и восприятие любого другого объекта. Когда мы слышим слово и ищем его эталон, мы пользуемся одновременно и его звуковыми признаками, и «ключами», связанными с его значением. Найдя нужный эталон, мы соотносим с ним слово по каким-то его звуковым признакам и убеждаемся, что это именно нужное слово. Таким образом, слово выступает в нашей психике как бы в двух «лицах»: как система признаков, используемых при поиске эталона, и как сам эталон. Для поиска мы пользуемся как фонетическими (входящими в состав перцептивного образа), так, как и семантическими (вернее, семантико-грамматическими) признаками, учитывая их вероятность в языке вообще и в данном контексте в частности; что же касается эталона, то это образ звучащего слова, звуковое слово-тип. Но восприятие происходит не только на уровне отдельных слов, оно параллельно происходит и на более высоких уровнях — сочетаний слов и целых высказываний. По-видимому, существуют образы-эталоны, имеющие более обобщенный характер, например, эталон грамматической конструкции, используемый при отождествлении синтаксической структуры высказывания. В процессе восприятия связной речи мы двигаемся одновременно по нескольким путям и учитываем на одном уровне результаты восприятия на другом: «наверху» — результаты восприятия отдельных слов, а при восприятии отдельных слов — результаты семантико-грамматического анализа.

То же самое в принципе происходит при чтении текста. Как и любое восприятие, чтение текста предполагает последовательные фиксации глаза на строчках этого текста и опознание «куска» текста. Размер такого «куска» может меняться. Изменение задачи восприятия текста приводят к тому, что оперативные единицы восприятия при чтении укрупняются, и человек начинает схватывать глазом не одно-два слова, а несколько строк, иногда даже 2–3 абзаца. Именно в этом заключается основное различие между так называемым быстрым и обычным, «медленным» чтением: человек потому читает быстро, что за каждую фиксацию он успевает переработать гораздо больше информации. Кстати, каждый из нас умеет читать быстро без всякого обучения: иногда это называется чтением «по диагонали». Владеть скорочтением — значит уметь читать каждый текст с той скоростью, которая оптимальна: учебник или книгу «Война и мир» никогда, и никто не будет читать «по диагонали», но совершенно не обязательно вчитываться в каждое слово, когда мы просматриваем вечернюю газету.

Таким образом, чтобы сделать восприятие речи максимально быстрым и в то же время эффективным, необходимо, во-первых, сформировать у учащегося перцептивные образы слов и их сочетаний; во-вторых, приучить школьника в каждом случае свободно выбирать

способ (стратегию) восприятия. А это умение в свою очередь связано с возможностью для учащегося свободно варьировать оперативные единицы восприятия как устной, так и письменной речи.

Литература:

1. Абрамова, Г. С. Возрастная психология: Учебник для вузов. М: Академический проект, 2006.
2. Выготский, Л. С. Педагогическая психология. М.: Астрель, 2005.
3. Гомоюнов, К. К., Анисина Н. В. Гуманитарный минимум для авторов учебных текстов: Методологические рекомендации/Под общей ред. К. К. Гомоюнова. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2005. 50 с.
4. Микк, Я. А. Оптимизация сложности учебного текста. М.: Просвещение, 1981.
5. Мучник, Б. С. Культура письменной речи. Формирование стилистического мышления. М.: Аспект Пресс, 1996. 175 с.
6. Фрумкина, Р. М. Психоллингвистика: Учебник. М.: Издательский дом «Академия», 2004. 320 с.

Передача духа языка в переводе

Инамова Дилфуза Эргашевна, старший преподаватель
Узбекский государственный университет мировых языков (г. Ташкент)

Важная роль грамматики при переводе помимо этого специфическая система данного языка.

The important role of the grammar in translation along with the specific system of the very language.

«Грамматика это скелет языка»

Хотя грамматика является скелетом языка, для овладения иностранным языком недостаточно изучать грамматику и словарь данного языка. Нужно еще постичь «дух» языка, то есть его специфику. Сейчас это общепризнанная истина. К более глубокому осмысленному изучению языка призывают и теоретики и практики языка: ученые-лингвисты, преподаватели и переводчики.

Переводчик должен изучать и освоить жесты и мимику народа данного языка. Если переводчик знает, когда и как какой-то жест или мимика употребляется, ему легче будет работать с партнером. Переводчик должен быть наблюдательным, потому что каждая нация имеет характерные жесты или мимику. Например: японцы показывают нос большим пальцем, чтобы сказать «я», когда узбеки ставят руку к груди. Индус (коренной житель индии) качает головой, чтобы выразить положительные эмоции «да», «пожалуйста», «мне нравится», «благодарю», когда узбеки выражают несогласие или неудовольствие и отрицание и. т. д.

Помимо этого переводчик должен учитывать идеалы, религии, лексическую сочетаемость, синонимику, игру слов, звукопись, неологизмы, подтекст, общее впечатление, гладкость текста, меру понимания читателя, стиль эпохи, в котором написан оригинал, особенности переводимого автора и еще многое другое. Робкая фи-

гура переводчика теряется за всеми этими требованиями.

«On translators. No friends, no defenders translators have. When they hit, no one remembers. When they miss, no one forgets»

Трудности изучения иностранных языков для человека любой нации связаны, помимо прочего, с необходимостью приспособления мышления к строю нового языка. Определение языка как матери мысли, которое было дано классиками, показывает, насколько глубоким и далеко не формальным должен быть этот процесс приспособления сознания человека к новому языку. Вопрос этот по сути дела является ключевым в преподавании иностранных языков, а между тем именно он, по общему признанию специалистов, является наименее разработанным.

В этой связи можно отметить, что в языкознании сейчас наметилась тенденция к изучению системы языка. Но эта тенденция находится в противоречии с господствующей, уже сложившейся практикой изучения языка, обучения языку с таким обучением грамматике, при котором отдельные явления языка рассматриваются сами по себе, без указания на их зависимость от строя мышления. Как отмечает А. А. Леонтьев, «усвоение иностранного языка требует на каком-то этапе осознания; в частности, усвоение грамматической системы требует осознания этой

грамматической системы. Если учащийся просто получит серию моделей для усвоения и не получит при этом понятия о грамматической системе, то такое усвоение выльется в чисто механический процесс».

Знание системы языка означает знание средств выражения мыслей на данном языке. По определению Л. С. Бархударова, «Язык — это очень сложная и специфическая система, причем каждый язык представляет собой особую, неповторимую, не совпадающую ни с каким другим языком систему, по-своему отражающую и закрепляющую в себе наше восприятие окружающего мира».

Следовательно, при определении системы языка мы устанавливаем, в каком отношении находится отвлеченная логика мысли, логика мышления, общая для всех людей, с конкретной, исторически сложившейся логикой данного языка, т. е. специфическим для каждого языка способом оформления и выражения общечеловеческих логических категорий.

Но если именно в этом состоит сущность понятия системы языка, то исходным моментом при изучении ее, очевидно, должен быть вопрос о типах этих систем. Эти типы давно уже определены в языкознании. Мы говорим о языках синтетического и аналитического строя. Однако деление языков на синтетические и аналитические пока еще недостаточно применяется к проблеме изучения системы языка, не делается исходным пунктом этого изучения. Между тем вопрос о синтетизме и анализме — это тот «мостик», то звено, без которого невозможно подойти к проблеме системы языка. Наши языковеды нередко обращаются к этому вопросу, отмечая его значение для анализа соотношения речевых конструкций различных языков. Но проблеме этой пока не придается принципиальное, всеобщее значение. Однако, как нам представляется, она является ключом, который позволяет дать полное и общее соотношение структур различных языков. Конечно, такое положение может быть доказано лишь фундаментальными исследованиями, и мы хотели бы только привлечь к нему внимание языковедов и проиллюстрировать.

Литература:

1. М. А. Аппалова. Л. С. Бархударов Двенадцать названий и двенадцать вещей. №4. М. 1969. стр. 79
2. Т. Левицкая. А. Фитерман. Почему нужны грамматические трансформации при переводе. «Тетради переводчика» №8 М. 1971. стр. 12

Грамматика в абсолюте является логикой языка. То, что первые грамматики строились как логические грамматики, только доказывает это. Но грамматика — это не чистая логика понятий, а логика, закрепленная в материальных формах языка. В ходе исторического развития грамматические формы теряют непосредственный параллелизм с логикой мыслительной. Получается так, что логика мысли воплощается в языковых формах различными способами. Следовательно, по-своему оправданной является мысль, высказанная Джоном Вилкинсом, о том, что «должны существовать два рода грамматик: первая, которую он называет естественной грамматикой, или иначе грамматикой философской рациональной и универсальной, к которой относятся все те правила и положения, какие можно наблюдать в языке в целом; грамматика другого типа, называемая им предписывающей или частной, излагает правила, присущие каждому отдельному языку».

Как язык выражает мысль, позволяет ей осуществляться, отражает ее оттенки — вот вопрос о логике данного языка, о его характере.

Нормативная грамматика дает для понимания этой логики языка только конкретный материал, только указания на внешние формы языка, только формулы для построения речи. Но в живом сознании человека эти формулы никогда не живут отдельно друг от друга. Они находятся как в частных взаимоотношениях друг с другом, так и во всеобщей взаимосвязи. Человек, знающий язык с детства, знает именно эти взаимосвязи, и, как ни странно, он чувствует их порой даже более ясно, чем конкретные грамматические формы. Часто иностранцы осваивают формулировку грамматических правил языка легче, чем его носители. Зато иностранец не может оперировать языковыми формами творчески, ибо он не чувствует общей логики данного языка. Англичанин и узбекскую речь пытается строить по-английски. Цель же состоит в том, чтобы и узбек и англичанин говорили в соответствии с характером изучаемого языка, и для того чтобы достигнуть этого, им необходимо осознать взаимоотношения форм этого языка.

Основные вопросы немецкой научно-технической терминологии

Каргина Елена Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент
Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

В статье анализируются основные вопросы немецкой научно-технической терминологии. Выделяются два источника создания терминов: общеупотребительные слова языка и заимствования из других языков (иностранные и международные слова). Изучение разнообразных способов образования терминов помогает установить характер связей, существующих между терминами и общеупотребительными или заимствованными словами, что способствует правильному пониманию и запоминанию терминов.

Ключевые слова: научно-техническая терминология, немецкий язык, методика обучения, общеупотребительные слова, заимствования, технический вуз.

Одним из основных принципов методики обучения иностранным языкам является принцип сравнения изучаемого языка с родным, причем это сравнение должно исходить из содержания языковых явлений. Большое значение при этом получает перевод не только как способ раскрытия содержания, но и как важнейшее средство для сравнения строя родного языка со строем иностранного языка.

Для неязыковых вузов перевод не только является методом обучения, но и входит в целевую установку программы вуза, являясь практической задачей обучения. Обучающийся должен понять содержание прочитанного и уметь изложить его на родном языке в соответствии со стилем русской технической литературы. Следовательно, обучающийся должен получить ясное представление о том, какими средствами выражаются на обоих языках те или иные понятия.

Для того, чтобы правильно руководить переводом технической литературы, преподаватели должны иметь представление об особенностях не только строя, но и стилей обоих языков. Глубокое сравнительное изучение стилей родного языка и изучаемых иностранных языков может оказать большую помощь в правильной научной организации преподавания иностранных языков. Такое исследование дает научное обоснование для отбора из всей массы языковых явлений как грамматических, так и лексических, того основного материала, с которым чаще всего приходится встречаться в научно-технической литературе.

Вопросы преподавания немецкого языка в высшем техническом учебном заведении можно условно разделить на:

1) вопросы преподавания, которые являются общими для преподавания языка обучающимся любого направления подготовки, и

2) специальные вопросы, относящиеся к переводу и применению терминологии в определенной области науки и техники, в которой специализируются обучающиеся [1].

Общие вопросы преподавания немецкого языка в вузах разработаны достаточно подробно. Что же касается специальных вопросов, то они освещены недостаточно.

Рассмотрим основные вопросы немецкой технической терминологии, которые могут представлять интерес для студентов, изучающих немецкий язык в технических вузах.

Основными источниками возникновения технических терминов являются:

1. Технические термины в немецком языке представляют собой отдельные слова или сочетания слов, выражающие технические понятия. Полная определенность значения и устойчивость употребления являются обязательными требованиями к термину. Совокупность терминов и терминологических сочетаний, употребляемых в соответствующей отрасли науки и техники, образует терминологическую систему, соответствующую определенной системе понятий этой отрасли науки и техники [2].

Образование новых технических терминов свидетельствует о том, что язык непосредственно связан с производственной деятельностью людей и что словарный состав языка изменяется путем пополнения существующего словаря новыми словами. Это пополнение происходит постоянно. Технические термины, выражающие новые понятия, возникшие с развитием науки и промышленности, закрепляются в языке, как и другие новые слова, и обогащают его.

2. Среди терминов имеются слова, существующие только как термины в пределах одной терминологии, например: *Ametrie* — недостаточная симметрия (математика), *Bakette* — сточная (с крыши) труба с украшением (строительное дело). Имеются, однако, и такие слова-термины, которые входят в терминологию различных областей науки (или техники), например: *Assimilation* — ассимиляция (общественные науки, языковедение, ботаника).

Когда слово является термином, то его значение ограничено и специализировано. Процесс специализации значения происходит в пределах той терминологии, в которую попадает данное слово. При этом устанавливаются и различные сочетания данного слова с окружающими словами. Так, «ассимиляция» в политической терминологии может быть «насильственная» или «естественная»; в фонетике «ассимиляция» бывает «регрессивная» и «прогрессивная» [3, с. 81].

3. Словарный состав немецкого языка (общеупотребительные слова) представляет собой один из основных источников, откуда черпается материал для создания технических немецких терминов [4].

Общеупотребительное слово в функции термина не всегда понятно каждому говорящему на немецком языке, поскольку оно приобретает иное, переносное значение [3, с. 80]. Значение слова, применяемого в качестве термина, трудно установить исходя из его основного, прямого значения. Например, имя существительное *Scheitel* означает темя, макушка, а как термин в математике оно означает вершину угла. Имя существительное *Katze* — кошка, как термин означает в горнозаводском деле таган, употребляемый при огненной работе, в строительном деле — блок, в машиностроении — тележку подъемного крана, вследствие чего имеется термин *Katzen* — перемещение тележки подъемного крана.

Другим процессом, свидетельствующим о взаимовлиянии и взаимодействии общеупотребительных слов и терминов, является вхождение терминов в общий язык. Например, глаголы *baluern*, *hetzen* и *wittern* — слова охотничьей терминологии — употребляются в общем языке в переносных значениях: *Er hat jeden meiner Schritte belauert. Man fühlt sich wie ein gehetztes Wild. Man wittert eine Gefahr, einen Verrat.*

Глагол *landen* из морской терминологии (позже этот термин вошел в употребление и в авиации) применяется и в переносном значении в общем языке: *Wir sind am erwünschten Ziel gelandet.*

Термины могут входить в идиоматические выражения, например, имя существительное *Deck* — «палуба» (морск.), «несущая поверхность» (авиаци.) входит в идиоматические выражения *nicht auf Deck sein* («чувствовать себя неважно»), *wieder auf Deck sein* («выздороветь»).

4. Другим источником образования технических терминов в немецком языке является «внешний» источник, источник заимствованных терминов.

Заимствованные термины — иностранные и международные слова — так же, как и термины, созданные из общеупотребительных слов, оформляются в предложении соответственно правилам немецкой грамматики, а в процессе создания производных или сложных слов также действуют общие законы немецкого словообразования [5].

Среди большого числа заимствованных технических терминов в немецком языке имеются слова из современных, живых иностранных языков, например: *Combine*, *Combineführer*, *Dees* (дуанты циклотрона), *Probecharge* (пробный заряд), *Target* (мишень, антикатод) и др.

Начиная с эпохи Возрождения, используется античное наследство, то есть слова, словообразовательные модели и элементы греческого и латинского языков. Античное наследство особенно широко используется при создании технических терминов, так как слова мертвых языков теперь лишены эмоциональной окраски, что важно для выражения технических понятий. Это использование осуществляется путем приспособления греческих и ла-

тинских слов к законам немецкой грамматики и фонетики. Так, например, прилагательные *karazitiv* (лат.), *negativ* (лат.), *positiv* (лат.) и др. применяются с существительными различного рода в единственном и множественном числе и соответственно изменяют свои окончания по правилам склонения немецких прилагательных. Многие прилагательные с корнями греческого или латинского происхождения образованы с помощью распространенных в языке немецких суффиксов: *dimensionslos* (лат.), *magisch* (лат.), *magnetisch* (лат.) и др., они также приобретают окончания, характерные для склонения немецких прилагательных.

Существительные латинского или греческого происхождения, сохранившие свои суффиксы, употребляются в немецком языке с артиклем, соответственно обозначающим их род, число, падеж, например: *der Azimut* (лат.), *das Dielektrikum* (лат.), *das Differential* (лат.) и др.

При создании производных и сложных терминов из заимствованных корней также имеют решающее значение действующие в немецком языке законы словообразования. Так, встречаются производные термины-существительные с немецкими префиксами: *Umformter* (лат.); сложные термины-существительные из двух или более заимствованных корней, например: *Apparatengruppe* (лат., франц.); сложные термины-существительные из заимствованных и немецких корней, например: *Anodenflüssigkeit* (греч., нем.); *Nadel-Vibrations-Galvanometer* (нем., лат., итал., греч.) и др. Подавляющее большинство заимствованных слов являются международными словами. Несмотря на то, что многие международные термины прочно вошли в немецкий язык, наблюдается замена международных терминов национальными. Так, слово *Telephon* заменяется термином *Fernsprecher*, *Aerodrom* — термином *Flugplatz* и т. п.

Как и в других языках, технические термины в немецком языке независимо от источника их происхождения обладают определенным характерным своеобразием. Основное отличие терминов от всех остальных слов немецкого языка заключается в том, что термины, как правило, однозначны и лишены эмоциональной выразительности, в то время как эмоциональность свойственна большинству слов словарного состава немецкого языка, конкретные значения которых вследствие этого уточняются в предложении чаще всего лишь в зависимости от контекста.

Таким образом, проанализировав основные характеристики научно-технических терминов в немецком языке, можно сделать следующие выводы:

1. Создание немецких научно-технических терминов осуществляется за счет двух основных источников: во-первых, за счет общеупотребительных слов языка и, во-вторых, за счет заимствований из других языков, то есть за счет иностранных и международных слов.

2. Общеупотребительные слова языка — общенациональные слова, с одной стороны, и термины — с другой, не изолированы друг от друга, а, напротив, находятся в атмосфере постоянного взаимовлияния.

3. Заимствованные термины — иностранные и международные слова — так же, как и термины, созданные из общеупотребительных слов, оформляются в предложении соответственно правилам немецкой грамматики, а термины — производные и сложные слова подчиняются законам словообразования немецкого языка.

4. Изучение разнообразных способов образования терминов помогает установить характер связей, существующих между терминами и общеупотребительными или заимствованными словами, что способствует правильному пониманию и запоминанию терминов [6].

Литература:

1. Каргина, Е. М. Актуальность обучения практическому использованию иностранного языка в сфере профессионального общения // Современные научные исследования и инновации. — 2014. — №6–3 (38). — с. 12.
2. Каргина, Е. М. Метод систематизации лексики по смысловым группам при исследовании профессиональных иноязычных терминов // Современные научные исследования и инновации. — 2014. — №11–3 (43). — с. 137–140.
3. Реформаторский, А. А. Введение в языкознание. — М., 1955.
4. Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений слов // Вопросы языкознания. — 1953. — №5.
5. Каргина, Е. М. Заимствования — как внешний путь обогащения словарного состава немецкого языка // Гуманитарные научные исследования. — 2014. — №9 (37). — с. 64–66.
6. Каргина, Е. М. Формирование у обучающихся навыков рационального способа поисковой и исследовательской деятельности в процессе изучения иностранного языка // Современная педагогика. — 2014. — №9 (22). — с. 52–54.

Взаимосвязь обучения различным видам иноязычной речевой деятельности

Каргина Елена Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент
Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

В статье рассматривается взаимосвязь обучения различным видам иноязычной речевой деятельности. Анализируется влияние характеристик учебных материалов и организации учебной деятельности на успешность формирования речевых умений. Подчеркивается необходимость дифференциации объема речевых умений для различных ступеней обучения.

Ключевые слова: взаимосвязь обучения, вид речевой деятельности, иностранный язык, характеристика учебных материалов, организация учебной деятельности, чтение, устная коммуникация.

Учебной целью неязыкового вуза является формирование умений двух видов — умения понимать литературу по направлению подготовки и умения вести беседу на общие темы и темы ведущего направления подготовки. Практическая возможность реализации этой цели определяется структурой курса обучения в целом и его соответствием цели на каждой учебной ступени.

На успешность формирования речевых умений решающее влияние оказывают характеристики учебных материалов (их тематика и объем) и организация учебной деятельности по формированию речевых умений. При рассмотрении данных вопросов определяющей является установка на формирование умения читать как ведущую цель обучения. Соответственно, на обучение чтению рекомендуется отводить не менее 50 % от общего количества учебного времени [1].

Для всего курса иностранного языка в целом такой объем признан целесообразным; для разных же ступеней обучения соотношение объема речевых умений не-

одинаков. Оно определяется тем, какой вид является ведущим для данной ступени.

Говорению целесообразно отвести ведущее место на первой, а чтению — на второй и последующих ступенях обучения. Соответственно, в структуре курса деятельность по формированию умений говорения занимает до 60 % от общего количества учебного времени на первой ступени.

Высокий удельный вес деятельности этого вида связан, прежде всего, с трудоемкостью обучения. Для осуществления устной коммуникации языковой минимум должен быть усвоен на высоком уровне памяти, уровне свободного воспроизведения в речи, что в условиях неязыкового вуза требует относительно больших затрат времени. Кроме того, обучение говорению должно вестись в разных по тематике (общем и научно-техническом) и, соответственно, разных по лексическому составу направлениях.

Различия лексического состава литературы разных стилей рассматриваются в целом ряде работ. К их числу от-

носится исследование В. И. Перебейнос, использовавшее семантические критерии. Автором выяснено, что если, в поэзии наиболее употребительны обозначения явлений природы, чувств и состояний человека, то в общественной литературе — обозначения сообществ людей, количеств, явлений производственной деятельности..., в научно-технической же литературе — обозначения размеров, пространственных отношений, тождеств и различий, причинности... Лексика различается и по морфемному составу: если в художественной литературе одноморфемных слов насчитывается более 42%, то в научно-технической их только 19% [2].

В многочисленных исследованиях показана также специфичность языкового состава разных подъязыков (Г. А. Костерин, Н. М. Лучкина, Е. Бжозонь, Л. С. Смирнова и др.), убедительно доказана не только лексическая, но и грамматическая специфичность различных подъязыков. Эти различия языкового состава разных по тематике областей подтверждают необходимость построения для каждой области своего, достаточного автономного курса. Курс по общей тематике и курс, ориентированный на научно-техническую тематику, имеют каждый свою специфику в области лексического состава и грамматики. Учебная деятельность, связанная с каждым курсом, требует своих затрат учебного времени. Следует учесть и тот факт, что для достижения поставленных целей, в вузе необходимо использовать материалы, отличающиеся от школьных как по содержанию, так и по языковому уровню [3]. Изменение, в сравнении со школьным, содержания устных тем имеет и психологический эффект. Если школьника иностранный язык может заинтересовать как своеобразный предмет, то студентом в организации его познавательной деятельности движут иные мотивы: он стремится расширить свой кругозор и обогатить содержание своей жизни [4].

Важным условием является логичность структуры курса и его соответствие внутренней логике и системному характеру научной дисциплины и ее языка. Отраслевой язык строится из элементов, связанных смысловыми связями. При построении учебного курса эта взаимосвязанность элементов отраслевого языка используется как логическая основа, что позволяет строить иерархию терминов — от элементарных для начальной ступени — к более специальным и узким для старших ступеней.

Чтобы обеспечить планомерное усвоение лексики, весь учебный материал разбивается на порции, объем которых определен психологическими закономерностями. Каждая единица, подлежащая усвоению, включается в последовательность тренировочных заданий. В связи с необходимостью усвоить весь минимум на уровне устного воспроизведения, предпочтение отдается заданиям, стимулирующим эту деятельность. Усвоение всех единиц лексического минимума на высшем уровне памяти создает основу не только для устной коммуникации, но и для дальнейшего потенциального расширения словаря при чтении.

Логическое построение курса, ориентированного на направление подготовки, и тесная взаимосвязь всех его компонентов коррелируют с системным характером мышления аудитории вуза и относительно высоким уровнем развития у ее членов аналитических способностей. Это лежит в основе жизнеспособности курса, построенного с учетом перечисленных критериев. В общем виде эти критерии применимы к курсу по любому направлению подготовки; конкретное же их воплощение всегда индивидуально и определяется особенностями смысловой структуры отрасли и ее микроязыка.

Обозначенный курс предназначен для первой ступени и, соответственно, его целью является формирование умения говорения. Весь курс разбивается на темы-уроки. Такое деление, помогая группировать лексику по смысловому признаку, способствует ее запоминанию. Темы уроки должны иметь аналогичную структуру: перечень новых слов, тренировочные упражнения, текст, послетекстовые упражнения.

Работу над каждой темой целесообразно начинать с краткого изложения ее содержания, что помогает создать смысловое предвосхищение и активизировать внимание. В тренировочных упражнениях лексика повторяется в условиях возрастающего контекста, в последовательности — слово, словосочетание, предложение, текст. В тексте все новые элементы объединены единым смысловым стержнем. При определении характеристик текста необходимо учитывать, что он предназначен для использования в устном общении: «... объединение таких функций текста, как быть образцом устной речи и одновременно служить для обучения чтению несовместимо...» [4].

Послетекстовые упражнения целесообразно строить на усвоенном материале, что дает возможность направлять внимание при их выполнении на содержание высказывания. Необходимо обеспечивать им коммуникативный характер и связывать их содержание с жизненным опытом обучающихся. Это должно быть по составу не совокупность отдельных предложений, а «... сумма предложений, связанных единой речевой ситуацией» (И. А. Зимняя, М. П. Базина, Л. П. Зайцева и др.). Выполняются данные упражнения в форме одного из видов устного общения: диалогического или монологического.

Обучение говорению не может строиться изолировано от обучения чтению уже на первой ступени. Неэффективность раздельного обучения разным видам речевой деятельности доказана в исследованиях Р. Ладо, Л. Хокинза. Необходима взаимосвязь и преемственность разных видов речевой деятельности. Отсутствие регулярного подкрепления одного вида речевой деятельности другим приводит к потере приобретенных навыков [5].

Языковую основу взаимосвязи обучения чтению и говорению составляет использование единого источника учебных материалов — образцов оригинальных отраслевых изданий [6]. Из этой литературы черпаются речевые ситуации, языковые средства, тексты для чтения. Использование этого единого источника обеспечивает отбор язы-

ковых средств, дающих возможность осуществить речевую деятельность любого вида.

В соответствии с современными установками чтение рассматривается как процесс извлечения информации. Проблемный характер мышления должен реализоваться в учебном процессе для обеспечения его эффективности. В курсах точных и естественных наук эта установка легко реализуется в силу присущей им проблемности, при изучении же иностранных языков, основанном, главным образом, на запоминании и формировании навыков, интеллектуальная активность не возникает сама собой, а требует соблюдения ряда условий [7]. К числу решающих относится условие содержательной ценности текстов и их соответствие уровню интеллектуальных запросов обучающихся. Для этого требуется наличие такого запаса языковых средств и умений, которые дали бы возможность вести процесс чтения целенаправленно для извлечения нужных сведений.

Реализация этого условия требует строгой дифференциации в отборе учебных материалов и их соответствия по всем параметрам целям обучения [8; 9]. Последнее не всегда соблюдается: в практике широко распростра-

нено использование текстов, не отвечающих критерию целенаправленного отбора: адаптированных, общетехнических, научно-популярных, общественных, и, наконец, оригинальных по направлению подготовки. При этом чтение осуществляется на текстах, язык которых «... не характерен для книг, газет, журналов и других печатных материалов» [4].

Чтение этих разнохарактерных текстов лишь создает впечатление абстрактного изучения языка, в действительности же ни одно из затронутых направлений не может быть доведено до уровня коммуникативной готовности из-за дефицита учебного времени. Отнесенность лексических слоев к разным тематическим областям препятствует созданию языковой преемственности по ступеням обучения и не обеспечивает учебную деятельность, основанную на логическом начале. Длительное использование облегченных по содержанию и уровню текстов оставляет пассивной мыслительную деятельность обучающихся. С другой стороны, выделение единой тематики как ведущего направления (тематики направления подготовки) снимает эти трудности, так как обеспечивает планомерную и поступательную учебную деятельность в едином направлении.

Литература:

1. Мотина, Т. Н., Влияние формирования механизма гибкого чтения на развитие навыков слушания // Т. Н. Мотина, Е. В. Синявская, В. Д. Тункель // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза: Вопросы обучения основным видам речевой деятельности в неязыковом вузе. Вып. 121. — М., 1977.
2. Перебейнос, В. И. Некоторые особенности функционирования лексических групп в различных стилях // Сборник: Актуальные проблемы лексикологии. Вып. 1. — Новосибирск, 1967.
3. Смирнова, Н. В. К проблеме создания учебников по иностранному языку на основе научного отбора лексики по специальности // Сборник: Методические записки по вопросам преподавания иностранных языков в вузе. Вып. 7. — М., 1971.
4. Фоломкина, С. К. Методика обучения чтению на английском языке в средней школе. — М., 1974.
5. Каргина, Е. М. Использование принципа преемственности в профильном профессионально-ориентированном обучении иностранному языку // Гуманитарные научные исследования. — 2014. — № 2 (30). — с. 21.
6. Каргина, Е. М. Работа над профильными иноязычными текстами как основа развития устной речи студентов // Гуманитарные научные исследования. — 2014. — № 11 (39). — с. 108–111.
7. Луговая, А. Л. О специфике обучения говорению и чтению как видам речевой деятельности в курсе иностранного языка // Иностранные языки в высшей школе. — 1980. — № 15. — с. 87–95.
8. Каргина, Е. М. Профильный отбор лексико-грамматического материала в профессионально-ориентированном курсе иностранного языка в техническом вузе // Современная педагогика. — 2014. — № 9 (22). — с. 48–51.
9. Каргина, Е. М. Особенности отбора и организации языкового материала для профильного курса иностранного языка // Гуманитарные научные исследования. — 2014. — № 11 (39). — с. 80–83.

Калькирование как метод образования неологизмов современного немецкого языка

Мальцева Дарья Игоревна, студент

Московский педагогический государственный университет

В статье рассматривается метод калькирования как один из основных методов образования неологизмов в современном немецком языке.

Ключевые слова: неологизм, калькирование, калька.

Язык представляет собой постоянно развивающуюся систему, одной из основных функций которой является обеспечение коммуникационной стороны общения. Из этого следует, что язык, как социальный феномен, на всех этапах своего существования, неразрывно связан с обществом. Эта связь имеет двусторонний характер: язык не существует вне общества, но и общество не может существовать без языка.

За последние десятилетия, начиная с конца XX века, в связи с новыми явлениями общественной жизни людей, словарный состав немецкого языка значительно расширился, пополнился новыми значениями, являющихся актуальными для данного периода жизни общества, которые, в свою очередь, заменили уже устаревшие явления. Одним из способов пополнения словарного состава языка является создание неологизмов.

Неологизм — новое слово, которое в настоящий момент времени находится в состоянии постоянного употребления в языке и укореняется в нем, или же это приобретенные старыми, уже укоренившимися и зафиксированными словами, новые значения.

Современный немецкий язык располагает многими способами образования новых слов, к одному из которых и относится метод калькирования, которому и посвящена данная работа.

Калькирование называют «экологически чистым» способом заимствования, поскольку он позволяет, не разрушая целостности восприятия лексической системы языка, расширять ее возможности.

Кальками (фр. *calque* — «копия, подражание») являются слова, которые образуются по иноязычной модели.

Кальки изучены менее в силу некоторых причин:

- калек сравнительно меньше, чем заимствований;
- кальки трудно выделить, так как не ясны критерии, по которым то или иное слово или сочетание следует признать результатом калькирования. [http://studopedia.ru/1_129495_osvoenie-inoyazichnih-slov-v-russkom-yazike.html].

Традиционно лингвистами выделяется несколько типов калек:

- словообразовательные кальки,
- словообразовательные полукальки,
- семантические кальки

Словообразовательная калька создается путем перевода каждой морфемы иноязычного слова.

Словообразовательное калькирование слова возможно только в том случае, если структура калькируемого объекта многоморфемна, т.е. помимо корневой она должна включать «как минимум одну аффиксальную морфему» [1, с. 17]. Исследуемые кальки образованы преимущественно путем покомпонентного перевода слова из языка-реципиента и сохраняют внутреннюю форму и семантическую связь компонентов по образцу заимствованного слова.

Все анализируемые в данной работе словообразовательные кальки являются структурными и в основном переводными, например: *herunterladen* «скачивать» — калька с английского глагола *download*; слово *Suchmaschine* «поисковая система» образовано по аналогии с *Search Engine*.

Например: *das Bezahlfernsehen* (*pay TV*) — платное телевидение, *Flachbildschirm* (*flatscreen*) — плоский экран, *goldener Handschlag* (*golden handshake*) — увольнение с работы с выплатой большой денежной компенсации, *das Handtelefon* (*mobile phone*) — мобильный телефон, *das Hörbuch* (*audiobook*) — аудиокнига, *der Mauszeiger* (*mouse pointer*) — курсор мыши, *das Tagfahrlicht* (*daytime running light*) — дневной свет, *die Zweitmeinung* (*second opinion*) — мнение другого человека.

На основе анализа было выявлено, что вышеперечисленная группа слов включает в себя 25% от корпуса неологизмов, рассматриваемого в рамках данного метода. Следует также отметить, что группа словообразовательных калек уступает по количеству слов двум другим группам (словообразовательные полукальки и семантические кальки).

Исследуя морфологическую сторону данных неологизмов, следует упомянуть, что большинство слов является именами существительными — 80% слов, из которых 99% являются композитами, за ними следует группа устойчивых словосочетаний, процент которых составляет — 15%, и всего 5% проанализированных неологизмов-словообразовательных калек выражено глаголами.

Словообразовательная полукалька представляет собой тип словообразовательного калькирования, при условии переноса только части слова из другого языка.

Словарь www.owid.de, который послужил источником данного исследования, содержит словообразовательные полукальки с пометкой «*Teillehnübersetzung*».

Например: *das Ärzthopping* (*doctor hopping*) — частая смена врачей, *die Baggyhose* (*baggy pants*) — мешко-

ватые штаны, die Bikinizone (bikini area) — зона бикини, die Couchkartoffel (couch potato) — человек, который любит проводить время лежа на диване, die Einkaufsmall (shopping mall) — большой торговый центр, das Kochshow (cooking show) — кулинарное шоу, das Konsolenspiel (console game) — игра на приставке, das Mobilnetz (mobile network) — мобильная сеть, der Push-up-BH (push-up bra) — бюстгалтер, приподнимающий грудь, die Soundkarte (soundcard) — звуковая карта, die To-do-Liste (to-do-list) — список дел, virtualisieren (to virtualize) — создавать виртуальную среду.

Вышеприведенные словообразовательные полукальки являются вторым по численности типом в рамках данного метода образования неологизмов — калькирования, и составляют 36% слов.

Из всех проанализированных слов только 13% неологизмов выражено глаголами, оставшиеся 87% представлены именами существительными.

Семантическая калька — слово с новым переносным значением, возникшим под влиянием семантики иноязычного слова.

Новое значение по отношению к основному может быть метафорическим или метонимическим переносом, результатом расширения или сужения значения, а также семантическим сдвигом [5].

Все слова-семантические кальки отмечены в словаре (www.owid.de) как «Lehnbedeutungen».

Например: brennen (burn) — записывать диск с данными, der Brenner — устройство для записи информации на диск, herunterfahren (engl. to shut down) — выключать компьютер, der Hotspot (engl. hotspot) — событие особой важности, der Klick (click) — щелчок мыши, online (online) — подключенный к сети, skaten (to skate) — кататься на роликах, surfen (to surf) — искать в интернете, das Tag

(eng. tag) — граффити, der Tiger (eng. tiger) — быстроразвивающаяся страна, torpen (eng. to top) — превосходить).

Говоря о морфологической характеристике слов, следует упомянуть, что, как и в двух предыдущих типах, преобладающей частью речи является имя существительное — 68% слов, на втором месте находится глагол — 30% и всего 2% приходится на имя прилагательное.

В настоящее время ставится вопрос о преобладающем методе калькирования. Лингвисты отмечают, что в разные периоды развития языковой системы преобладали разные виды. На основе данного анализа можно выделить вид семантических калек в качестве преобладающего метода калькирования. Неологизмы вышеупомянутой группы составляют 38% от корпуса слов, отведенного на данный метод.

Представляется необходимым добавить, что языками-донорами в процессе калькирования послужили латинский (8%) и французский (4%) языки, в большей же степени английский язык (88%).

Посредством использования калек, как показало исследование, пополняется, в большинстве случаев, лексика из сферы интернета и информационных технологий — 26% слов. На втором месте располагается сфера телекоммуникационных технологий — 21% слов. Достаточно большой процент неологизмов входит в тематические группы, такие как: досуг и технические средства (инструменты), которые также появляются в немецком языке в результате калькирования — 13% новой лексики на каждую из групп, тогда как в сфере моды и одежды этот показатель составляет 8%. В области политики всего 2% слов являются неологизмами, образованными с помощью методов калькирования. По 1% приходится на сферы экономики и работы и специальностей. Следует также упомянуть, что всего 15% слов не были отнесены к какой-либо сфере ввиду универсальности их употребления.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что в большинстве случаев в качестве языка-реципиента при калькировании, как методе образования новой лексики

в современном немецком языке, выступает английский язык, а преобладающей сферой употребления новых слов является область интернета и информационных технологий.

Литература:

1. Арапова, Н. С. — Калька — большой энциклопедический словарь — Большая Российская Энциклопедия, Москва, 1998;
2. Вахницкая, Н. И. — О роли калькирования при создании неологизмов в современном немецком языке. Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — Выпуск №3, том 1. — 2012.
3. Ившин, В. Д., Титов Л. В. // Исследования по лексике и грамматике германских языков. — Тарту, 1990;
4. Иванова, М. В. // Мир лингвистики и коммуникации. — Тверь, 2008. — №2 (11);
5. Курасова, Е. В. Семантические неологизмы общественно-политической сферы в русском языке новейшего периода — Воронеж, 2006;
6. www.owid.de

О классификации переводов фразеологизмов в текстах СМИ

Махмудов Умиджан Реимбаевич, магистрант
Ургенчский государственный университет (Узбекистан)

Среди многочисленных сложных проблем, которые изучает современное языкознание, важное место занимает изучение лингвистических аспектов межъязыковой речевой деятельности, которую называют «переводом» или «переводческой деятельностью».

Ш. Балли писал: «Если ученый или инженер изменяют язык для того, чтобы «обезличить» его и сделать более логичным, рассудочным, то писатель преобразует его, чтобы сделать пригодным для выражения сугубо индивидуальной мысли, т.е. эффективного и эстетического содержания» [2, с. 280].

Перевод — это, несомненно, очень древний вид человеческой деятельности. Как только в истории человечества образовались группы людей, языки которых отличались друг от друга, появились и «билингвы», помогавшие общению между «разноязычными» коллективами. С возникновением письменности к таким устным переводчикам — «толмачам» — присоединились и переводчики письменные, переводившие различные тексты официального, религиозного и делового характера. С самого начала перевод выполнял важнейшую социальную функцию, делая возможным межъязыковое общение людей. Распространение письменных переводов открыло людям широкий доступ к культурным достижениям других народов, сделало возможным взаимодействие и взаимообогащение литератур и культур. Знание иностранных языков позволяет читать в подлиннике книги на этих языках, но изучить даже один иностранный язык удается далеко не каждому, и, ни один человек не может читать книги на всех или хотя бы на большинстве литературных языков. Только переводы сделали доступными для всего человечества гениальные творения Гомера и Шекспира, Данте и Гёте, Толстого и Достоевского.

Актуальность данной статьи обосновывается тем, что перевод фразеологических единиц вызывает серьезные трудности. Проблема является достаточно острой, о чем свидетельствует тот факт, что переводчики допускают значительное количество ошибок при передаче фразеологизмов. Переводу фразеологических единиц уделяется немало внимания в лингвистических исследованиях, где по-прежнему отсутствует единообразный, стандартный подход. Лингвистами рекомендуются различные стратегии, приемы и методы перевода, детерминированные ситуацией коммуникативного общения.

Главная цель перевода — достижение адекватности. Основная задача переводчика при достижении адекватности — умело произвести различные переводческие трансформации для того, чтобы текст перевода как можно более точно передавал всю информацию, заключенную в тексте оригинала при соблюдении соответствующих норм переводящего языка.

Если в недавнем прошлом полигоном и законодателем в создании норм словоупотребления была художественная литература, то в последние годы эта роль по праву принадлежит публицистическому жанру как наиболее приближенному к разговорной речи.

Несомненно, особой жизнью живут фразеологизмы в текстах средств массовой информации, особенно в газетах. Не случайно профессор Г.О. Винокур полагал, что газетный язык по сути дела насквозь «фразеологизирован», поскольку стандартность, «клишированность» многих типично газетных выражений является неотъемлемым свойством этого языка.

Публицистический стиль служит для воздействия на людей через средства массовой информации (газеты,

радио, Интернет, журналы, телевидение, афиши, буклеты). Функциональные нагрузки публицистического стиля предопределяют эмоционально-оценочную насыщенность дискурса, где наряду с другими языковыми средствами фразеологическим единицам отводится приоритетная роль создания необходимой степени эмотивности.

Специфика газетной речи проявляется в том, что в газете есть особые речевые образования — заголовки, подзаголовки, рубрики. В качестве заголовка может быть использовано одно слово, сочетание слов, предложение, несколько предложений и, конечно, фразеологизмы. Заголовочное место в газете, как считают многие исследователи, — это сильная, акцентированная позиция, потому что именно на заголовки в первую очередь обращает внимание читатель. При этом не только традиционные, или узуальные (от лат. *usus* — обычай, привычка) фразеологизмы способны исполнять роль броских заголовков, но и остроумные, родившиеся «на ходу» изречения (квазифразеологизмы), которые впоследствии могут превратиться в устойчивые речевые образования. В языке современных СМИ фразеологизмы (как узуальные, так и квазифразеологизмы) в целях усиления выразительности и эмоционального воздействия могут подвергаться разного рода трансформациям.

В условиях информационного рынка, жесткой конкуренции, борьбы за читателя СМИ стремятся как можно привлекательнее «упаковать» свою продукцию, т.е. преподнести информацию в наиболее яркой, характерной, запоминающейся форме. Упаковка содержания информации — это так называемая языковая игра, интеллектуальная разминка, привлекающая внимание читателей, для чего при составлении текстов (а особенно, заголовков) необходимо подбирать яркие, броские, остроумные выражения. Это влечет за собой широкое использование фразеологического материала.

Перевод ФЕ в заголовках текстов периодической печати часто представляет серьёзные трудности. Для адекватной передачи содержащихся в заголовках ФЕ необходимо внимательно изучить содержание данных статей, а также учесть тот факт, что глагольные заголовки, широко используемые в прессе, не являются характерной особенностью русскоязычной периодики, и их следует по возможности заменить назывными конструкциями.

В теории перевода центральное место в описании фразеологических соответствий занимает проблема верности, полноценности воспроизведения значений ФЕ (А.Д. Швейцер, А.В. Фёдоров, В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, Р.К. Миньяр-Белоручев, В.В. Алимов, В.Н. Крупнов и др.). Задача переводчика заключается в том, чтобы обеспечить такой тип межъязыковой коммуникации, при котором создаваемый текст на переводящем языке (в дальнейшем именуемым ПЯ) мог бы выступать в качестве полноценной коммуникативной замены оригинала на исходном языке (в дальнейшем именуемым ИЯ) и отождествляться с оригиналом в функциональном, структурном и содержательном отношении.

Чтобы в теоретическом плане говорить о приемах перевода ФЕ, нужно всю фразеологию данного языка классифицировать по какому-то обоснованному критерию на группы, в границах которых наблюдался бы как преобладающий тот или иной прием, тот или иной подход к передаче ФЕ. Многие авторы в качестве исходной точки берут лингвистические классификации, построенные в основном на критерии неразложимости фразеологизма, слитности его компонентов, в зависимости от которой определяется место ФЕ в одном из следующих трех (четырёх) разделов: фразеологические сращения (идиомы), фразеологические единства (метафорические единицы), фразеологические сочетания и фразеологические выражения (Ш. Балли, В.В. Виноградов, Б.А. Ларин, Н.М. Шанский). Показательной в отношении творческого использования такой классификации в теории и практике перевода можно считать работу А.В. Федорова. Разобрав основные для того времени (1968) лингвистические схемы, он останавливается на предложенной В.В. Виноградовым и осмысливает ее с точки зрения переводоведения. Например, он отмечает отсутствие четких границ между отдельными рубриками, «разную степень мотивированности, прозрачности внутренней формы и национальной специфичности» единств, которая может потребовать от переводчика «приблизительно такого же подхода, как идиомы» [3, с. 416]. Та же классификация «весьма удобна для теории и практики перевода» и по мнению Я.И. Рецкера, который, однако, берет из нее только единства и сращения, считая, что по отношению к этим двум группам ФЕ следует применять неодинаковые приемы перевода: «перевод фразеологического единства должен, по возможности, быть образным», а перевод фразеологического сращения «осуществляется преимущественно приемом целостного преобразования».

Такой подход к классификации приемов перевода ФЕ нельзя считать неправильным, так как от степени слитности компонентов, несомненно, зависит в некоторой мере и возможность полноценного перевода, выбор наиболее удачных приемов. Однако, как было отмечено, ведущие теоретики перевода, опираясь на лингвистические схемы, насыщают их своим содержанием, делают ряд модификаций и оговорок, вводят дополнительно деление на образные и необразные единицы, на фразеологизмы пословичного и непословичного типа и т.д.

Возможности достижения полноценного словарного перевода ФЕ зависят в основном от соотношений между единицами ИЯ и ПЯ:

- 1) ФЕ имеет в ПЯ точное, не зависящее от контекста полноценное соответствие (смысловое значение+коннотации);
- 2) ФЕ можно передать на ПЯ тем или иным соответствием, обычно с некоторыми отступлениями от полноценного перевода, переводится вариантом (аналогом);
- 3) ФЕ не имеет в ПЯ ни эквивалентов, ни аналогов, непереводаема в словарном порядке.

Несколько упрощая схему, можно сказать, что ФЕ переводят либо фразеологизмом (первые два пункта) —

фразеологический перевод, либо иными средствами (за отсутствием фразеологических эквивалентов и аналогов) — нефразеологический перевод.

Это, разумеется, полярные положения. Между ними имеется множество промежуточных, средних решений, с которыми связано дальнейшее развитие нашей схемы: приемы перевода в других разрезах — в зависимости от некоторых характерных признаков и видов ФЕ (образная — необразная фразеология, ФЕ пословичного — непословичного типа), перевод с учетом стиля, колорита, языка, авторства отдельных единиц и т.д. Эти дополнительные аспекты полнее представят проблему перевода ФЕ, расширяют и облегчат выбор наиболее подходящего приема.

Фразеологический перевод предполагает использование в тексте перевода устойчивых единиц различной степени близости между единицей ИЯ и соответствующей единицей ПЯ — от полного и абсолютного эквивалента до приблизительного фразеологического соответствия.

Фразеологический эквивалент — это фразеологизм на ПЯ, по всем показателям равноценный переводимой единице. Как правило, вне зависимости от контекста он должен обладать теми же денотативным и коннотативным значениями, т.е. между соотносительными ФЕ не должно быть различий в отношении смыслового содержания, стилистической отнесенности, метафоричности и эмоционально-экспрессивной окраски, они должны иметь приблизительно одинаковый компонентный состав, обладать рядом одинаковых лексико-грамматических показателей: сочетаемостью (например, в отношении требования одушевленности/неодушевленности), принадлежностью к одной грамматической категории, употребительностью, связью с контекстными словами — спутниками и т.д.; и еще одним — отсутствием национального колорита. Речь идет по существу о полной и абсолютной эквивалентности, указывающей на чрезвычайно высокие требования, которые предъявляются к фразеологическим эквивалентам. Если придерживаться точки зрения В.Н. Комиссарова, «это — уже существующие сравнительно немногочисленные единицы, работа с которыми сводится к их обнаружению в ПЯ; решающая роль в этой работе большей частью принадлежит отличному владению ПЯ и словарям» [1, с. 253].

Неполным (частичным) фразеологическим эквивалентом называют такую единицу ПЯ, которая является эквивалентом, полным и абсолютным, соотносительной многозначной единицы в ИЯ, но не во всех ее значениях. Например, the massacre of the innocents, известный библеизм, полностью соответствует рус. «избиение младенцев», но эта русская единица является лишь частичным эквивалентом, так как англ. ФЕ имеет еще одно значение — жарг. «нерассмотрение законопроектов ввиду недостатка времени (в конце парламентской сессии)».

Частичных эквивалентов сравнительно немного, так как вообще явление многозначности менее характерно для фразеологии. Гораздо чаще наблюдаются случаи относительной фразеологической эквивалентности.

Относительный фразеологический эквивалент уступает абсолютному лишь в том, что отличается от исходной ФЕ по какому-либо из показателей: другие, часто синонимические компоненты, небольшие изменения формы, изменение синтаксического построения, иные морфологическая отнесенность, сочетаемость и т.п. В остальном он является полноценным соответствием переводимой ФЕ, «относительность» которого скрадывается контекстом. Различие может быть, например, в сочетаемости. Если сравнить нем. Da lachen (ja) die Hühner! с его русским аналогом курам на смех, то нетрудно заметить, что при переводе придется русский эквивалент либо «подгонять» под соответствующую немецкую единицу и превратить ее в самостоятельную экспрессивную фразу: «да это же курам на смех!», либо, если этого сделать нельзя, искать других соответствий.

Частым отличием можно считать неодинаковое лексико-семантическое содержание отдельных компонентов. В приведенном выше примере показать спину в ФЕ некоторых языков появляется с компонентом не «показать», а «повернуть» англ. turn one's back, болг. обръщам гръб.

В других случаях эквивалент может отличаться от исходной ФЕ по компонентному составу; например, один и тот же образ может быть выражен экономнее или пространнее.

Образы могут быть очень близкими, соприкасающимися, например, «молния» — «гром» (ср. нем. Blitz aus heiterem Himmel и рус. гром среди ясного неба); они могут быть весьма далекими, но логически сопоставимыми: например, «похожесть» русские, узбеки видят в «двух каплях воды», а у немца и чеха это «два яйца», у англичанина — «две горошины».

Но образы двух аналогов (на ИЯ и ПЯ) могут не иметь между собой ничего общего как образы, что не мешает эквивалентам исполнять исправно свою функцию в переводе.

К фразеологическим можно условно отнести и «индивидуальные» эквиваленты. Не находя в ПЯ полного соответствия, переводчик иногда вынужден прибегать к словотворчеству, оформляя в духе переводимой единицы новый, свой фразеологизм, максимально напоминающий «естественный». Если такую «подделку» читатель примет, значит, удалось передать содержание и стиль переводимой единицы в достаточно «фразеологической» форме.

Нефразеологический перевод, как показывает само название, передает данную ФЕ при помощи лексических, а не фразеологических средств ПЯ. К нему прибегают обычно, лишь убедившись, что ни одним из фразеологических эквивалентов или аналогов воспользоваться нельзя. Такой перевод, учитывая даже компенсационные возможности контекста, трудно назвать полноценным: всегда есть некоторые потери (образность, экспрессивность, коннотации, афористичность, оттенки значений), что и заставляет переводчиков обращаться к нему только в случае крайней необходимости.

Итак, мы рассмотрели основные способы и приёмы перевода фразеологизмов и увидели, что связанные с этим проблемы рассматриваются разными лингвистами по-разному, рекомендуются различные методы перевода, встречаются несовпадающие мнения. В различных ситуациях могут потребоваться разные подходы. Но основная роль здесь принадлежит личности самого переводчика. Он должен ощутить себя частью той культуры, на языке пред-

ставителей которой написан тот или иной текст, должен вжиться в него, сделать единственно возможным и в то же время неповторимый вариант перевода. Для этого ему необходимо интегрировать в своё мышление всю громадную совокупность реалий чужой культуры, и изложить чужие мысли так же ясно и свежо, как они были высказаны, используя при этом всё могущество и богатство языка, на котором говорит он сам.

Литература:

1. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). — М., 1990.
2. Балли, Ш. Французская стилистика. — М., 1961.
3. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностранных языков. — М., 2002.
4. Латышев, Л. К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения. — М.: 2003.

Переводы произведений Чехова на иностранные языки

Мирзабаева Айгуль Мадинабаевна, магистрант
Казахский национальный педагогический университет имени Абая (г. Алматы)

В данной статье мы рассмотрели переводы произведений А. П. Чехова на иностранные языки, и хочу добавить, вопросы перевода его работ до сих пор остаются актуальными. Многие его рассказы требуют новых переводческих решений для достижения если не полной, то частичной эквивалентности. Произведения Чехова — исключительно сложный объект анализа и интерпретации, это объясняет факт постоянных переизданий чеховских сборников на иностранных языках. Невозможно сохранить при переводе все элементы оригинала, содержащие историческую и национальную специфику, но, безусловно, следует вызвать у читателя впечатление, иллюзию исторической и национальной среды. В переводе имеет смысл сохранять лишь те элементы специфики, которые читатель перевода может ощутить как характерные для чужеземной среды, т. е. только те, которые могут быть восприняты как «носители национальной и исторической специфики». Если невозможно передать оригинал точно, необходимо, по крайней мере, избежать явного расхождения с ним.

Ключевые слова: переводы, произведение, издание, сборник, анализ, публикации

«Переведен на все языки за исключением иностранных. Впрочем, давно уже переведен немцами. Чехи и сербы также одобряют. И французы не чужды взаимности. Весьма утешительно, что меня перевели на датский язык. Теперь я спокоен за Данию. Меня переводят по Франции гораздо чаще Толстого».

А. П. Чехов

На сегодняшний день Чехов переведен более чем на 92 языка — английский, немецкий, греческий, иврит, казахский, болгарский, испанский, сербско-хорватский, французский, датский, чешский, японский, румынский, китайский, корейский, польский, португальский, венгерский, турецкий, хинди, арабский. Переводы его рассказов начали появляться уже при жизни самого автора. Многие рассказы переводились по несколько раз разными переводчиками. Однако отношение Чехова к переводам его произведений на различные языки было неоднозначным.

Известно, что Чехов очень не хотел, чтобы его пьесы переводились и ставились за пределами России. Он считал, что иноязычная публика не сможет постичь всех «специфически национальных» кодов, зашифрованных в его драматургии. Возможно, он был и прав, потому что, например, на английский его произведения переводились исключительно сквозь призму английской культуры. Творчество Чехова нередко рассматривалось сквозь призму западных литературных течений, что искажало его смысл.

Первые переводы рассказов Чехова впервые появились во Франции в 1893 году. С этого времени известность писателя начинает расти во всей Западной Европе. В целом французы отдают предпочтение пьесам Чехова. Чехов несколько позже, чем в Англии, становится для французов классиком.

Перевод прижизненного собрания сочинений Чехова, составлено им самим, был выполнен Дени Рошем — единственный авторизованный перевод (начал свою деятельность переводчика Чехова еще при его жизни и с его одобрения). Всего это первое французское собрание сочинений Чехова заняло 18 томов. Другое собрание сочинений Чехова вышло в свет в 1952—1971 гг. под редакцией Жана Перюса. Переводы чеховской прозы печатались также в отдельных книгах и журналах [1, с. 639].

Особенно холоден А. П. Чехов был к переводам на английский язык. Его переводчицей была О. Р. Васильева. Она переводила рассказы Антона Павловича на английский и французский язык. На вопрос Васильевой о том, в какой английский журнал послать переводы его рассказов, Чехов писал: «И мне кажется, для английской публики я представляю так мало интереса, что решительно все равно, буду ли я напечатан в английском журнале или нет».

Переводы Чехова в Англии появились позже, чем во Франции и Германии. Имя Чехова впервые появилось в англоязычной печати в 1889 году, затем изредка появлялись переводы отдельных рассказов на страницах периодических изданий. Чехов был представлен англичанам как «приятный автор небольших психологических этюдов и неудачливый драматург. До начала 20 века «английская чеховиана» пополнилась всего несколькими публикациями: в 1897 году были напечатаны переводы рассказов «Пересолил», «Тоска» и «Тиф». В основном же редакторы и издатели упорно отвергали присылаемые им переводы [1].

Первым истолкователем Чехова в Англии стал английский журналист и литератор Р. Э. К. Лонг, неоднократно посещавший Россию начиная с 1898 года в качестве специального корреспондента различных английских и американских газет. Ему принадлежит составление и перевод первых сборников рассказов Чехова, вышедших в Англии в 1903 и 1908 году. Перевод рассказов Чехова выполнен Лонгом в основном без смысловых искажений, хотя почти в каждом рассказе есть одна-две прямых словарных ошибки или неточности. К недостаткам следует добавить также обилие амплификаций, упрощений и даже пропусков трудных по своей стилистике или по передаче реалий мест. В результате переводы Лонга давали в целом верное представление о сюжете и героях чеховских рассказов, но весьма приблизительное об их стилистическом своеобразии и языковой структуре [1,].

В течение первого десятилетия 20 века появилось также несколько английских переводов из Чехова в американской, английской и канадской периодической печати. При этом предпочтение отдавалось рассказам более

или менее «фабульным». Так, дважды переводился рассказ «Страшная ночь», был опубликован новый английский вариант рассказа «Спать хочется».

Еще одним переводчиком Чехова на английский был С. С. Котелянский. Котелянский был выходцем из России, он прибыл в Англию в 1911 году. Переводы из Чехова для первой книги в 1915 году были выполнены Котелянским в соавторстве с Дж. М. Марри. Чехов интересовал их главным образом как автор психологической новеллы, поэтому сделанный ими выбор падал на те рассказы, в которых первостепенную роль играет свойственный Чехову тончайший анализ «подробностей чувств», а основой сюжета являются движения души — происходящие в ней колебания, изменения, переходы и сдвиги, — скрытые за обыденным течением повседневной жизни. В отличие от Лонга и Фелл, они предпочитали рассказы с наименьшим числом деталей национального быта, без густого местного колорита, отвлекавшего внимание от общечеловеческих психологических и общепсихологических проблем. Характерно, что реалии в переводе Котелянского несколько затушеваны: характерные русские названия заменены близкими по значению общеевропейскими. Тем не менее, его переводы отличает большая тщательность в прочтении оригинала [1].

Собрание «Рассказы Чехова» в переводах Констанс Гарнетт включало 201 прозаическое произведение — 188 из 240, отобранных Чеховым для прижизненного издания и 13 — из появившихся в нем посмертно. Более 100 рассказов, в том числе «Новая дача», увидели свет на английском языке впервые. С этого издания началось то увлечение и восхищение Чеховым в странах английского языка, которое не ослабевает и по сегодняшний день. Чеховские переводы Гарнетт вызвали множество похвал у современников и последующего поколения. Практически на протяжении полувека — вплоть до середины 50-х годов — в странах английского языка читатели составляли свои суждения о чеховской прозе в основном по ее переводам [1].

Вплоть до конца 40-х годов новые переводы повестей и рассказов Чехова создавались относительно редко. Основные усилия переводчиков были направлены на расширение «чеховского репертуара»: читателя знакомили с тем, что не вошло в собрание К. Гарнетт.

Юбилейные чеховские годы — 1954 и 1960 — были отмечены чрезвычайным интересом к Чехову в странах английского языка, особенно в Великобритании и США. Увеличилось число чеховских спектаклей, переизданий переводов его прозы и драматургии.

В отличие от критиков 20-х годов, судивших о Чехове в основном без знания его родного языка, английские чеховеды 50—60-х годов изучали его творчество по русским источникам. И оказалось, что принятые переводы, в том числе и переводы К. Гарнетт, стилистически неадекватны подлинникам и не могут служить должной иллюстрацией в серьезном исследовании. Р. Хинли, например, отказался пользоваться имевшимися вариантами, за-

менив их своими. Остальные автора подвергали приво-димые ими переводы значительной обработке и редактуре. Вывод о необходимости пересмотра английских текстов Чехова напрашивался сам собой. В 50-е годы на неполноценность гарнетовских переводов стали указывать все более настойчиво.

В 60-е годы, на протяжении 5 лет, английские и аме-риканские издатели опубликовали 8 сборников, в которых предлагались новые английские варианты уже неодно-кратно переведившихся рассказов Чехова. Все это были попытки воссоздать чеховскую прозу в ее стилистической неповторимости, во всем богатстве ее интонаций, с лек-сическим разнообразием и синтаксисом, характерным для современного психологического письма, одним из пи-онеров которого был Чехов. Только воссоздав чеховскую прозу в ее подлинном стилистическом ключе, можно было полностью разрушить годами бытовавшую легенду о Че-хове — певце «хмурых людей» и о Чехове — печальнике о никчемности интеллигенции с ее тонкой, но не приспособленной к жизни душой.

Англицизация Чехова, многие переводчики просто-на-просто отрицали факт наличия Чехова в русской культуре, и в переводе на английский Чехов звучал как истинный англичанин. Майкл Фрайн в дебатах по поводу театраль-ного перевода в 1989 году заявил, что Чехов универсален: «У Чехова есть несомненный плюс — вы можете не знать ни слова по-русски и при этом переводить его пьесы, по-тому что все знают, о чем пишет Чехов, каждый догадыва-ется, что он хотел этим сказать» [2, с. 92].

В предисловии к своему переводу «Вишневого сада» в 1978 году Тревор Гриффитс объясняет, как трансфор-мируются чеховские тексты при переводе: «Чеховская жесткая, яркая сложность превратилась в приторную, удобоваримую сентиментальность. Перевод следовал за переводом, «те» идиомы заменялись «нашими», «тот» класс — «нашим» классом, до тех пор, пока историче-ская и социологическая идея пьесы не была затуплена настолько, что она потеряла всякий смысл» [2, с. 92]. Гриффитс хотел этим сказать, что практика перевода Че-хова на английский язык установила условный метод про-чтения его произведений. Это привело к значительным потерям авторского замысла. Процесс аккультурации «одомашнил» русского писателя и сместил фокус с ис-тинно культурологических аспектов. И в итоге есть не рус-ский Чехов, а английский, или, точнее, английский Чехов, выходец из среднего класса [2, с. 92]. И можно ли говорить о какой-либо сравнимости, если учитывать такие большие культурные различия?

Характерно, что многие юмористические рассказы Че-хова не были переведены на английский язык. Перевести эти рассказы трудно — очень силен в его шутках местный колорит. Господствующей нотой во всех рассказах была издевка над слабостями и глупостями человеческого рода; даже критик с особо острым зрением не смог бы разгля-деть в них человеческого сочувствия и тонкого юмора. Большинство этих рассказов Чехов никогда не переиз-

давал, и только несколько из них удостоились английского перевода.

Известный современный переводчик Чехова Харви Питчер (Harvey Pitcher), пытаясь ответить на вопрос, по-чему юмористические рассказы Чехова так плохо из-вестны англоязычному читателю, называет две причины — неадекватность существующих переводов и нежелание многих издателей разрушать сложившийся на Западе образ Чехова как сугубо «серьезного» писателя [3, с. 217].

Что касается неадекватности переводов, Питчер объ-ясняет ее, прежде всего, тем, что короткие рассказы во-обще трудно поддаются переводу. Чеховские юмористиче-ские рассказы к тому же насыщены диалогом, в котором в основном участвуют не слишком образованные персо-нажи, чья речь далека от литературной нормы и своео-бразна [3]. Адекватная передача такого диалога — неверо-ятная трудная для переводчика задача.

В США знакомство с творчеством Чехова началось в 90-е годы 19-го века, однако широкая популярность пришла к нему лишь в 20-е годы 20-го столетия, когда в США массовыми тиражами стали издаваться его рас-сказы и пьесы, когда впервые вышло собрание его сочи-нений в переводе К. Гарнетт. В США долгое время бы-товала легенда о Чехове-бытописателе и пессимисте. Понадобилось не одно десятилетие, чтобы преодолеть этот миф. Согласно Виннеру, знакомству американского чита-теля с Чеховым препятствовали недоброкачественные пе-реводы, которые представляли его произведения чита-телю.

Несмотря на огромное количество изданий и поста-новок чеховских произведений в США, несмотря на мно-гочисленные исследования о творчестве писателя, Чехов, по словам профессора Томаса Виннера, представляет «за-гадку для американской критики и значительно более сложную, нежели Толстой, Тургенев и Достоевский, с ко-торыми американская читающая публика была гораздо лучше знакома» [4].

В 1983 году в США было уже 22 доступных издания сборников чеховских рассказов. Некоторые из них — факсимильные переиздания уже публиковавшихся пе-реводов, стиль которых, по мнению американского читателя, давно устарел; другие взяты из британских изданий. Не-смотря на то что многие из них включают старые переводы К. Гарнетт (в которых британский вариант английского языка начала века совершенно не подходит для амери-канского читателя), появились новые переводы, более близкие по тону и стилю чеховскому тексту.

Сборник под редакцией известного литературоведа Эд-мунда Уилсона (Edmund Wilson) «Мужики» и другие рас-сказы» впервые увидел свет в 1956 году и оставался об-разцом более десятилетия. В 1960 году Энн Данниген (Ann Dunnigan) выпустила сборник «Антон Чехов. Из-бранные рассказы», в который вошло двадцать рассказов, в том числе 12 ранних, не публиковавшихся прежде на ан-глийском языке. Сборник Данниген дал возможность аме-риканскому читателю, уже привыкшему относиться к Че-

хову как к пессимистическому летописцу старой России, обнаружить в нем иронию и юмор [1].

Один из наиболее представительных сборников рассказов Чехова «Образ Чехова», составленный и переведенный Робертом Пейном (Robert Payne), был впервые издан в 1963 году и с конца 70-х годов переиздавался семь раз. В 1963 году вышло в свет и издание «Антон Чехов. Семь повестей» в переводе Барбары Макановицкой. В сборник входят семь довольно объемных произведений Чехова: «Дуэль», «Палата №6», «Мужики» и др.

В 1965 году Энн Данниген выпустила еще один сборник произведений Чехова. В дополнение к предыдущему изданию в него были включены значительные по размеру зрелые вещи Чехова, в том числе «Палата №6»

Освоение художественного наследия Чехова в Испании происходило в несколько периодов. Переводы русского писателя появились только в начале 20 века, сначала в периодической печати, затем в отдельных сборниках. Следующая волна интереса к творчеству Чехова, наиболее интенсивная, приходится на 20-е годы. И уже совсем по-новому воспринимается Чехов в послевоенной Испании [1].

Первое зафиксированное в библиографических источниках упоминание в испанской прессе о Чехове к 1894 году, когда в одном из журналов цитируется по журналу «Русская мысль» один из очерков, вошедших позднее в книгу «Остров Сахалин». Первые переводы Чехова на испанский язык появились еще при жизни писателя. С января по апрель 1903 года журнал «La Espana moderna» публикует повесть Чехова «Дуэль». С нее и начинается знакомство испанского читателя с произведениями Антона Павловича. В декабре того же года журнал печатает рассказ «Княгиня», а далее публикации рассказов Чехова следуют одна за другой. В 1904 году в Испании выходят сразу две книги писателя — повесть «Дуэль» и сборник рассказов, куда наряду с его ранними рассказами («На чужбине», «Ванька», «Неприятность», «Тоска») вошла «Палата №6».

Как в 19210 году установил испанский критик Э. Диэс Канедо, «Чехов появился на полках библиотек испанцев вскоре после выхода его книг на французском языке» [1]. В 20-е годы выходит сразу несколько сборников рассказов Чехова, повышается и художественный уровень переводов. Если для первых чеховских публикаций в Испании брался французский текст, то теперь их выполняют люди, хорошо знающие русский язык, а для некоторых из них он является родным. Особенно известными переводчиками русской литературы в этот период были Н. Тасин и Г. Портнов. Знание реалий также благотворно отразилось на качестве их переводов. Поэтому в последующих изданиях Чехова в 40-е, 50-е и 60-е годы используются переводы и сохраняется подборка рассказов, предложенные Тасиным и Портновым.

В 1920 году в серии «Мировая литература» выходит еще один сборник, составленный Тасиным (рассказы «Гусев», «Хирургия», «Беззащитное существо», «Унтер

Пришибеев», «Тссс!» и др.). Далее сборники рассказов Чехова следуют один за другим, причем состав их каждый раз меняется [1].

В 30-е годы рассказы Чехова переводятся не только на испанский, но и на каталанский язык. Первый перевод Чехова на каталанский датируется 1909 годом — тогда был переведен рассказ «Знакомый мужчина». В 1931 году выходит первый сборник рассказов Чехова на каталанском, включивший рассказы «Черный монах», «Агафья», «Ведьма», «Дама с собачкой» и др.

В 2000 году Р. Сан Висенте для барселонского издательства переводит рассказы «Попрыгунья», «Крыжовник», «Душечка».

Если в первой половине 20 века испанцы представляли себе Чехова в основном как новеллиста, то начиная с 50-х годов растет интерес к его драматургии, постепенно меняется отношение к ней. В современной Испании Чехов едва ли не самый популярный зарубежный драматург [1].

Рассказы Чехова стали известны в Германии относительно рано. Уже в 1890-м году вышел сборник под названием «Русские люди». В следующем году тот же переводчик Чехова Йоханнес Трейман выпустил другой сборник, «В сумерках». Сюда вошли рассказы из двух чеховских сборников — «Пестрые рассказы» и «В сумерках». Переводчик выбирал не столько ранние юморески, сколько рассказы трагического звучания. Сами переводы довольно тяжело-весны и неуклюжи. Возможно, поэтому резонанс от появления произведений Чехова на немецком книжном рынке был незначителен. Только примерно с 1897 года писатель начинает завоевывать немецкого читателя. В 1897 году появились еще два издания Чехова: сборник с названием «Русский флирт», куда вошли рассказы «Ариадна», «Попрыгунья», «Припадок», «Володя большой и Володя маленький» и перевод рассказа «Моя жизнь» под странным названием «Путь к безумию». Это было начало истории многочисленных переводов Чехова, которая не прерывалась до 1905 года. В начале двадцатого века издания Чехова идут бурным потоком. Если в 1900 году вышел только один перевод, то в 1901 году таких изданий было уже 9, причем два из них — многотомники. В 1902 году насчитывалось 14 переводов Чехова, причем большинство из них приходится на пьесы, которые переводят сразу несколько переводчиков. Наибольшим успехом в это время пользовалась в это время повесть «Дуэль».

Немецкие читатели 1920-х годов обязаны венгерскому переводчику и критику Рихарду Гофману многими новыми переводами публикациями важнейших рассказов Чехова. В 1950-х годах Гофман переработал свои старые переводы, которые давно уже исчезли из продажи, дополнил их не переводившимися ранее рассказами, составил сборник и предложил его издательству «Курт Деш», переиздававшему тогда классиков мировой литературы. Это издание Чехова так и не дошло до серьезных читателей.

Следующий этап «немецкой истории» Чехова (1949—1963) целиком посвящен его прозе. Главной особенностью его творчества считают «русскую душу», каждый

волен понимать под этим, что хочет. Эта тенденция сохраняется до середины 1960-х годов. В 1960-м уже наметились кое-какие предпосылки для перелома в отношении к творчеству Чехова. К этому времени было подготовлено самое полное издание Чехова на немецком языке.

Как отмечает Клаус Беднарц: «В действительности дела с переводами обстояли плохо». Беднарцу удалось сделать основательный филологический анализ всех переводов Чехова на немецкий язык, сделанных до 1966 года, который привел его к выводу, что «еще не готова к восприятию Чехова не только немецкая публика», но что сами переводчики Чехова еще никак не соответствовали своему предмету.

Рассмотрим это на одном примере. В 1902 году в Германии «Палата №6» выходит под названием «Eine gottgefällige Anstalt», то есть «Богоугодное заведение». Судя по всему, переводчик прибег к такой трансформации для более точной передачи смысла. Тем не менее, такой вариант не прижился, и в 1904 году повесть появляется в переводе на немецкий уже под другим заголовком — «Krankensaal nr. 6» («Больничная палата №6»). В том же году «Палата №6» появилась в другом издании уже с названием Ein Krankenhaus — «Больница». Переводы Чехова на немецкий язык отличаются зачастую трудно объяснимыми переводческими трансформациями, и эта тема заслуживает более тщательного анализа. Не удивительно, что именно с переводами на немецкий у Чехова связан такой скепсис: «На немецкий язык меня переводили и переводят, и что переведено уже, а что не переведено — мне не известно. ... Кстати сказать, переводчиков очень много, особенно на немецкий язык, я много получал писем с просьбой о разрешении перевести, на многие отвечал, некоторые оставлял без ответа; видел я много переводов с русского — и в конце концов пришел к убеждению, что переводить с русского не следует».

На примере пьес Чехова Беднарц составляет каталог трудностей, встречающихся при переводе с русского, исследуя области, лексикологии, грамматики, а также морфологии и синтаксиса. Сюда он включает и проблему специфических русских «termini technici»: следует ли переводить, например, понятия «земство» или «няня» или их лучше выводить в немецкий текст как заимствования, как это было принято до 1914 года? Мы же привыкли к английскому «butler» и французскому «concierge», почему же в случае с няней мы должны употреблять соответствующие немецкие понятия, которые внесут в текст дополнительную ноту отчуждения и все равно будут восприниматься большинством читателей как «типично русские»? [1]

Сюда относятся, к примеру, многочисленные уменьшительные формы, ласкательные формы имен, которые в русском языке имеют другое значение, чем в немецком. Поэтому при переводе они так или иначе распознаются как умильтельные формы «типично русского покроя». Или своеобразная манера русских, обращающихся друг к другу на «Вы», называть друга друга по имени-отчеству: немецким зрителям было настолько сложно различать ак-

теров на сцене, что некоторые режиссеры решили заменить обращение «Любовь Андреевна» на обращение «фрау Раневская». Но правомерно ли подобное для переводчика?

Не последнее место среди общих проблем перевода занимает вопрос о сжатости русских выражений и о более длинных предложениях в немецком языке, что объясняется наличием артикля, различным употреблением личных местоимений или инфинитивных, причастных и деепричастных оборотов, которые встречаются в русском языке намного чаще, чем в немецком. Немецкому предложению требуется значительно больше слов: по издательским правилам переводы с русского на 15–20% длиннее текста оригинала. К тому же, часто случается так, что переводчики без видимых на то причин «раздувают» предложения, дополнительно «разбавляют» их субстанцию [1].

В переводческой практике Запада концепция «эlegantности» перевода никогда не была доминирующей, перевод здесь не рассчитан на то, чтобы полностью заменить собой оригинал. Иными словами, перевод никогда не существует в статусе полноценного художественного произведения, кроме редких исключений, и переводчик всегда как бы оглядывается на оригинал. Это объясняет, почему на Западе так часто переводятся и заново переводятся тексты, до тех пор, пока их не начнут воспринимать как достойные оригинала [5, с 236].

В настоящее время в Германии готовится к изданию полное собрание сочинений Чехова. За перевод взялся немецкий писатель и переводчик Петер Урбан. В интервью журналу «Дойтчланд» Петер Урбан сказал, что никогда не создает иллюзию, будто Чехов писал по-немецки. Для него самое главное — сохранить литературную форму и порядок слов в предложении. «Перевод в любом случае — только приближение к тексту, он никогда не будет тождественен оригиналу», считает переводчик. К заслугам Петера Урбана относят то, что Чехова по-немецки сегодня можно читать так, как он писал — точно и коротко.

На другие языки Чехов также активно переводился при жизни. Существуют переводы рассказов Чехова но при всем многообразии переводов его произведений, к концу жизни В.П. Чехов был всё-таки разочарован любой практикой перевода его произведений. В своем письме С.И. Шаховскому от 10 октября 1902 года Чехов писал: «...переводчиков очень много, особенно на немецкий язык, я много получал писем (с просьбой о разрешении перевести), на многие отвечал, некоторые оставлял без ответа; видел я много переводов с русского — и в конце концов пришел к убеждению, что переводить с русского не следует...»

Таким образом, история переводов Чехова на иностранные языки продолжается. До сих пор русский писатель остается одним из самых сложных для интерпретации. Именно поэтому многочисленные переводчики Чехова до сих пор ведут споры по поводу адекватности уже существующих переводов и признают тот факт, что переиздания писателя необходимы.

Литература:

1. Чехов и мировая литература// Литературное наследство. — М.: Наука, 1997. — Т. 100. — кн. 1. — 639 с.
2. Basnett, Susan. Constructing cultures: Essays on literary translation/Susan Basnett and Andre Lefevere. Topics in translation: 11. — Cromwell Press, 1998. — 143 p.
3. Pitcher, Harvey. Chekhov. The comic stories. — London, 1998. — 217 p.
4. Venuti, Lawrence. Rethinking translation: discourse, subjectivity, ideology. — Cornwall, 1992. — 236 p.
5. Remnick, David. The translation wars//The New Yorker. — Nov. 7, 2005. http://www.newyorker.com/archive/2005/11/07/051107fa_fact_remnick?currentPage=all

Phoneme and stress alternations. morphonology

Олимова Хуршида Вайдуллаевна, преподаватель;
Набиева Азиза Шерали кизи, студент
Каршинский государственный университет (Узбекистан)

In English there are many cases when a phoneme or phonemes within the morpheme may be replaced by another phoneme or other phonemes. These substitutions of phonemes may or may not be determined by a certain position of stress. The position of stress may also vary in different word derivatives formed from one base morpheme. The substitution of phonemes by one another and the change of the position of stress within morphemes are called phoneme and stress alternations. Theory of phoneme alternations suggested by L.A. Bedouin de Courtenay was very important in further development of linguistics. It has contributed to the formation of a new branch of linguistics — «morphonology» (or «morphophonology», «morphophonemics») which is defined differently by various linguists. In the formation of morphonology much credit goes to N.S. Trubetzkoy who defined it as (1) a part of word phonology which studies the phonological structure of morphemes, as (2) a division of grammar, as (3) a linking branch between morphology and phonology. Among these definitions the first and the third can be accepted. Morphonology has not got its own unit, though some linguists introduced the term «morphoneme» which does not exist at all. Morphonology uses the terms phoneme and morpheme borrowed from other linguistic levels and studies phoneme and stress alternations, performing morphonological functions. The other aspects of morphonology, which study the phonological structure of morphemes and combinatory sound changes occurring in some morphemes, are not studied in morphonology. In recent theories not all the alternations taking place within morphemes are included in morphonology, though some linguists, especially American scholars, regard it as being so. Morphonology does not include the description of suppletion or portmanteau morphemes (e. g. good — better — best), internal inflexion, i. e. the changes in the base of a word or base morphemes distinguishing grammatical forms (e. g. **write** — **wrote**, **ox** — **oxen**, **foot** — **feet**, **beet** — **bet**), alternations in the affixes which occur under the certain phonetic conditions [2].

Phonetic alternations include changes under assimilation, e. g. the Present Tense third person singular suffix (-s, — iz, — z) variation which depend on the position: **cats**/kaets/, **boxes**/boksiz/, **bags**/baegz/.

Historical alternations take place in words etymologically related, e. g. in the verbs: **sing** — **sang** — **sung**, **bend** — **bent**, **begin** — **began**, **build** — **built**, **choose** — **chose**, **lose** — **lost**; in the nouns formed by internal inflexion: **goose** — **geese**, **foot** — **feet**, **mouse** — **mice**, **woman** — **women** and in other words as **hot** — **heat**, **breathe** — **breath**, **gold** — **gild**, **child** — **children**¹. In the latter example there are alternations both in base and affix.

Alternations performing morphological (grammatical) functions, which serve to distinguish different grammatical forms of words, are called morphonological alternations. They are frequently used in the Slavic languages. The morphonological alternations used in different languages have not been studied thoroughly, but they are of great theoretical value for modern linguistics. Morphonology may clarify the relationship between base and affixal morpheme and their different variations in word formation. Morphonological structure of a language shows how phonology works to transform morphological units¹.

The unity of morphemes, the identity of different variants of the morpheme (or «allomorphs») to be more precise, is determined of their phonological identification which is their formal but not functional-semantic side.

Explaining phoneme and stress alternations, we have defined their morphonological aspect. It must be emphasized that the morphonological aspect of phoneme and stress alternations may be studied independently as a «bridge» linguistic level between phonology and morphology.

Variations of the formal structure of English morphemes may take place, owing to phonemic and accentual distinctions. As the morpheme is a meaningful unit of a language, it may be used as a word, if it is a monomorphemic word, or as a part of a word, if it is a composite word. Usually mor-

phonological alternations occur in composite words, between their morpheme boundaries or within a morpheme, e. g. **Neptune**/'neptju: n/ — **Neptunian**/nep'tjumian/, **placid**/'plasid/, **placidity**/pla'siditi/, **fruit**/fru: t/ — **fruitarian**/fru: teanan/, **plastic**/'plastik/ — **plasticity**/plas'tisiti/, **plural**/plural/ — **plurality**/plu'raeliti/, **anile**/'enail/ — **anility**/a 'niliti/in the latter case there are two phonemic alternations and one stress alternation, Some linguists include morphonological alternations into lexicology or morphology due to their active part in word-building or changing the grammatical | forms of morphemes.

Like other linguistic levels, morphonology is determined para-digmatically, i. e. the members of alternation may be distinguished as phonologically distinctive units — phonemes, and syntagmatically, i. e. the alternations take place in certain position which do not depend on the context or other factors.

Besides, the suffix **-ion** influences in such a way as to change different vowel and consonant phonemes within a word. Such different alternations, causing changes of phonemes in the phonetic structure of a word, may be observed in the variations of other suffixes'.

English is regarded a language in which monosyllabism is typical. There is a small number of productive suffixes in English, some of which consist of a single consonant or con-

sonant clusters. The variations of morphemes performing morphological functions and formal structure of morphemes, being the object of morphonology, should be studied in close relationship with affixation in word-building.

Russ i is rich in morphonological alternations: да ка — ручной, сухой — сушить, орех — орешник, доска — дощечка, заяц — зайцы.

Some morphonological alternations occur in Uzbek **too**: past «low» — pasaymoq «to be low» sust «weak», susaymoq «to weaken», ulug' «great» — ulg'aymoq «to be great», son «number» — sanoq «counting», o'qi «read», o'quv «reading».

A kind of prefxation in reduplication of an initial syllable with one of the consonants, frequently with/p, s, r, m/, occur in Turkish² and Uzbek, probably, in other Turkic language as well, e. g. in Turkish **sap-sari**, in Uzbek **sap-sariq** (extra-yellow), ' in Turkish **dos-dogru**, in Uzbek **to'p-to'g'ri** or **to'ppa-to'g'ri** (Very correct), in Turkish **bem-beyar**, in Uzbek **oppoq** (extra-white). In compounding, some alternations occur at the junctural border of morphemes, e. g. no one/n n/, Uzbek: bu kun — bugun «to-day».

An adequate morphonological description of alternations may contribute to establishing some internal phenomenon of a language, which has theoretical and practical value in general linguistics

References:

1. В. С. Трубецкой. Некоторые соображения относительно морфонологии. «Пражский лингвистический кружок», М., 1967, с. 115–118
2. А. А. Реформатский. Еще раз о статусе морфонологии, её границах и задачах. В его «фонологические этюды», М., 1975. с 98–118.
3. О. I. Dickushina. English Phonetics. A Theoretical Course. Moscow — Leningrad, 1965, pp. 104–111.
4. О. С. Ахманова. Фонология. Морфонология. Морфология. М. 1966, с. 58.
5. Э. А. Макаев, Е. С. Кубрякова. о статусе морфологии и единицах ее описания. В кн. «Единица разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М. 1969, с 103.
6. Л. А. Телегин. Морфонологическое использование английского словесного ударения. Самарканд, 1976, с. 56–59.
7. H. Sehnbekein. Turkish-English Contrasts Analysis. Turkish Morphology and Corresponding English Structures. Mouton, 1971. pp. 20, 28.
8. Л. А. Телеген. Морфологическая структура суффиксальных производных на современном английском языка. Автореферат канд. Дисс. М» 1970
9. Р. З. Зятковская. Суффиксальная система современного английского языка. М. 1971.
10. B. Trka On Foreign Phonolog. cal Features in Present — Day English, «In Honour of Daniel Jones, London, 1964. pp. 188–190.

Some main problems and their solutions are being faced among the language learners

Очилова Дилафруз Бахрамовна, старший преподаватель;

Жумаева Нилуфар Гуломовна, старший преподаватель

Каршинский государственный университет (Узбекистан)

Learning language is not an event, it is a long way, it is a hard process and it demands effort and patience.

Although learners have enough vocabulary or grammar base, there are some barriers which are difficult to overcome. As we are teacher trainers, we sometimes face such problems even with the teachers of distant regions.

Having been thinking over this we have identified the following problems which detract learners from speaking, simply saying from expressing their thoughts or flashing their English out:

Firstly, **shyness or lack of self confidence**. As we know learning to speak a new language involves errors and some uncomfortable situations. Learners do not want to appear foolish in public, especially in communicative classes where errors like mispronounce, misuse a word or fail to understand something that somebody said are inevitable. Here, teachers' role is to create warm and friendly atmosphere, explain the learners that it is natural to make errors in learning process and nothing to be ashamed of. It is not secret that sometimes teacher themselves make mistakes as we mentioned above. By smilingly admitting their error (and thanking the person who pointed it out) teachers may create the climate that encourage students to use English.

Another problem is **reluctance or lack of motivation**. In teaching a foreign language it is necessary to think over the motives which make learners speak. They should have a necessity to speak and not only a desire to receive a good mark, ensure conditions in which a learner will have a desire to say something in the foreign language, to express their thoughts, their feelings, and not to reproduce someone else's as is often the case when they learn the text by heart.

Teachers should try to catch the learners attention equally, the chosen material should be comprehensible, and appropriate to the level. We should organize the teaching process in a way which allows your pupils to speak to someone, to their classmates in particular, i. e., when speaking a learner should address the class, and not the teacher. When he retells a text which is no longer new to the class, nobody listens to him as the classmates are already familiar with it. The speaker will hold his audience when he says something new, something personal. Teachers should try to supply pupils with assignments which require individual approach on their part.

Different level of knowledge is also may be one of the reasons. In this case one of the effective ways is a project work

where learner can show himself as an individual. But teacher should be careful in grouping the students, weak students should not all the time rely on strong students or vice versa strong ones should not dominate other learners.

Whether we like or not, classes of learners are not simply collections of learners who happen to be studying the same learning in the same room. They are individuals, with the different behavior and abilities. It is really important to make connection between learners, encourage their confidence and willingness to study. Here we have to point that Hadfield presents an extensive collection of classroom activities for encouraging classes to develop and maintained a positive group feeling [1].

Moreover, if teacher lacks of professionalisms because of appearance, manner of speaking or level of preparedness for the lesson could cause another problem, not friendly atmosphere between teacher and learner. For classroom teaching to be effective, it is essential that the students know the behavioral expectations of their teacher: which behavior will be condoned and which will not. Teacher should be open and never should play a role in front of the learners. Proficient teacher is aware of the need to gain the confidence of the students by demonstrating high levels of professionalism, never have favoritisms, and always answer the questions of students.

Even if a teacher cannot answer a tricky question, all is not lost: they can simply say they will check and provide the answer for the following lesson (and, of course, remember to do so).

Another problem is **learners' attitude to each other or grouping**. As it was above mentioned, we, teachers should not forget that the most important in teaching is to establish warm and friendly atmosphere in the class because it is the most important tool. Encourage students to behave in generous — minded ways toward their group mates, helping and supporting them and never behaving in offensively. It is our, teachers role to make our learners respect each other at all times, laughing *with* but never *at* fellow students and never whispering with friends which make others feel excluded.

Concluding we want to say, teaching is a really hard and long way, that demands effort and patience, never stop and always try to bring warmth, lightness into your classroom and provide optimal environments for language learning.

References:

1. Hadfield, J «Classroom Dynamics» OUP 1992.
2. Tuckman, BW and Jensen, MA «Stages of group development».

3. Senior, R 'The good language class: teacher perceptions' Edith Cowan University.
4. Senior, R The Experience of language teaching CUP 2006.

Метафора в немецком языке на примере номинаций женщин и мужчин

Петрушкина Анастасия Викторовна, студент
Московский педагогический государственный университет

В данной статье описывается использование метафоры в номинации мужчин и женщин.

Ключевые слова: метафора, номинация, гендерная лингвистика.

Цель данной статьи — дать определение метафоры и номинации, как разновидности метафорического переноса. Для этого были проанализированы работы лингвистов, занимающихся данным вопросом.

Метафора — в широком смысле, оборот речи, при котором слова и словосочетания имеют не прямой, а переносный смысл, основанный на сходстве или сравнении с чем-либо.

Значение слова не может оставаться чем-то постоянным, константным на протяжении всего времени. Семантика слова может изменяться, и это чаще всего связано с изменением его денотата (вещь, явление, которое описывает слово) (Du bist mein Ritter! — Ты мой рыцарь! Рыцарей сейчас не существует, но люди помнят качества, которые были присущи данным лицам, поэтому возможно назвать так кого-то, если у человека имеются такие характеристики).

Часто мы применяем метафоры в обыденной жизни, не задумываясь об этом. Они — важный элемент не только в сказках и стихах, но и в наших разговорах. Достаточно вспомнить фразы: «А он опять весь день груши околачивал», «да эта песня уже из каждого утюга слышна».

Задача метафор заключается в том, что они помогают описать человека, жизненную ситуацию, явления природы, переживания и т.д. Хорошая метафора экономит слова, выражая всю суть высказывания. При этом важна ее образность.

Наш мир развивается очень быстро, и неудивительно, что языку нужно что-то новое, так как то, что уже было, не способно описать новые явления. И метафора наряду с другими приемами языка способна этому помочь. Используя ограниченные ресурсы языка, она создает неограниченное количество ситуаций для их употребления. Таким образом, метафора является немаловажной частью креативного процесса, а так же играет большую роль для постижения мира человеком.

Г. Буссман [1] определял метафоры как языковые изображения явлений, основанные на схожести, при которых одно или несколько значений в переносном смысле заменяют друг друга.

Достаточно часто метафору рассматривают как одну из попыток точного отражения действительности с точки

зрения художественности. Но И.Р. Гальперин (отвергает эту идею в связи с тем, что сама «Точность» как понятие весьма относительна. «Именно метафора, создающая конкретный образ абстрактного понятия, даёт возможность разного толкования реальных сообщений» [2].

Важно упомянуть, что метафоры не однозначны. Если мы применяем слова, входящие в состав той или иной метафоры, в их привычном значении, то поняты они будут неверно. Говоря о ножке стула, мы не предполагаем, что у стула так же есть пальцы, и, если у проблемы есть корень, то это не значит, что она обладает и листьями или бутонами.

Метафора является базовой особенностью мышления, и реализуется в первую очередь в языке. Она помогает унифицировать наши представления о чем-либо, и в этом заключается ее основная функция.

Помимо этого, как уже было сказано выше, физический и культурный опыт каждого человека дает возможность создания новых метафор. Выбор тех или иных метафор и выделение среди них главных различны не только у отдельно взятых людей, но и у целых культур. Несмотря на то, что выбор определенных оснований метафоры среди большого количества имеющихся должен совпадать с общим фоном каждой отдельной культуры, часто конкретные люди или даже целые социальные группы (нельзя забывать и о различных подгруппах, субкультурах и т.д.) имеют свои системы приоритетов и способы, которыми они осмысливают то, что хорошо или важно именно для них.

Метафорическая номинация представляет большой интерес для лингвистов разных стран со времен античности. По своему основному определению номинация — это название, получающееся из соединения обобщенного мыслительного образа со звуковым комплексом (словом). Таким образом, метафорическую номинацию можно охарактеризовать как создание наименования на основе какого-либо сходства обозначаемого объекта с уже поименованным по какому-то признаку — цвету или форме и т.д.

Говоря о номинации лиц в языке, мы в первую очередь затрагиваем антропонимы, то есть любое собственное имя, которое может иметь человек (группа людей), в том

числе личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, криптоним, кличка, андроним и т. д.

Антропонимы, в том числе аспекты описания личных имен и фамилий, все чаще изучаются лингвистами. Но информации об образованиях неофициальных имен (прозвища, клички и т. п.) все еще не достаточно.

Мы можем рассматривать функции неофициальных наименований лиц, не только с точки зрения их номинативных свойств (характеризующих знаков), но учитывать их логико-коммуникативную направленность, мотивированность говорящего, социальное воздействие, и прагматический (изучающий условия использования говорящими языковых знаков) уклон.

Прозвища в немецкоязычном ареале, так же как в любом другом, представляют важную часть микро-социума и обладает ярко выраженной социальной направленностью каждой из них, которая проявляется в особом наборе характеристик для каждой группы.

Прозвища, как и многие наименования лица, часто не содержат в своей структуре имя денотата (предмета или явления окружающей нас действительности, с которыми соотносится данная языковая единица). Типична и несколько большая отдаленность имени от его носителя. Однако они обладают характеризующей функцией и имеют такое выражение в языке в связи с метафорическим переносом.

Одним из способов образования номинации является развитие значения уже имеющихся в языке слов, то есть деривация. Семантическая деривация является диахроническим явлением. Она выполняет функцию пополнения словарного состава за счёт развития образного или переносного значений у слова. Некоторые исследователи (В. Г. Гак, Д. Н. Шмелев) отмечают, что метафора основывается на переносе значения общеизвестной семы (имея свое первичное значение, а потом и сама метафора, получает вторичное значение, что позволяет говорить об образовании конатативной семы).

Различие номинаций женщин и мужчин представляет большой интерес при изучении данной группы метафор.

Существует большое количество работ, посвящённых гендерному рассмотрению языка. Но вне научного внимания остаётся корреляция мужчина — метафора, женщина — метафора, что, однако, представляет большую актуальность и лингвистический интерес при анализе и интерпретации художественных произведений.

Гендерные отношения фиксируются в языке в виде культурно-обусловленных стереотипов, накладывая отпечаток на поведение, в том числе и речевое, на личность и на процессы ее языковой социализации.

Основываясь на том, что мужчины и женщины обладают определёнными особенностями, свойственными лишь их полу, употребление феминных характеристик по отношению к мужчинам и наоборот нередко вызывает комичность или непонимание. Например, в номинации *die Blonde*, которая характеризуется тем, что цвет волос, выступающий составной частью слова с точки зрения сло-

вообразования, подразумевает под собой красоту и одновременно глупость носителя. Мы видим в данном случае невозможность ее употребления в том же значении по отношению к мужчинам, так как *der Blonde* — это мужчина со светлыми волосами, без дополнительных коннотаций.

Для изучения особенностей номинаций женщин и мужчин были рассмотрены работы российских лингвистов, посвященные этот аспект.

Наиболее подробно вопросами гендерной лингвистики занимается А. С. Янкубаева.

Ключевым вопросом ее работы «Гендерный фактор в функционировании метафоры (на материале немецкого языка)» является то, что на всех языковых уровнях (грамматическом, фонетическом и лексическом) наблюдается гендерная дихотомия, то есть разделение. Автор начинает с того, что в лексической системе любого языка фиксируются номинативные обозначения мужчины или женщины, составляющие ядро или ближнюю периферию концептов МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА. Что касается метафорической лексики, то она актуальна в пределах дальней периферии, где на первый план выступает ценностная/оценочная составляющая. А. С. Янкубаева объясняет важность последней тем, что гендерные отличия на метафорическом уровне имеют положительное и отрицательное значение.

Анализ метафорической лексики немецкого языка свидетельствует о существовании в языке феминных/женских и маскулинных/мужских обозначений, образно характеризующих только мужчину или женщину.

В примере «*Oh. Nein. Ich weiss genau, was am Hofe vorgeht. Ich bekomme ungeschminkte Berichte (Danell, 349)*». метафорическое словосочетание *ungeschminkte Berichte* является гендерно-маркированным, поскольку в традиционном представлении именно женщинам свойственно наводить красоту: краситься, накладывать макияж и, поэтому данное образное выражение является феминным.

В человеческом обществе всегда существовало архетипическое разделение социума на две группы — мужчин и женщин, поскольку такая дифференциация по критерию биологического пола является наиболее очевидной. Таким образом, за каждым индивидом в социуме закреплена гендерная роль мужчины или женщины. На их основе позднее сформировались некие обобщенные представления об особенностях поведения мужчин и женщин, об ожидаемых от них реакциях и действиях, о приемлемых только для мужчин или только для женщин видах деятельности — иными словами, в общественном сознании сформировались гендерные стереотипы. «Эта стереотипизация касается многих сфер жизнедеятельности субъекта: социальной дифференциации, культурного фона, образованности и уровня научного знаний, языковой стратификации и других».

Сопоставление словарных дефиниций лексических единиц «*Mensch*» и «*Mann*», проведенное Э. Н. Болтенко, приводит к выводу о том, что немецкие словари в значительно большей степени дефинируют мужчину, как лицо

активное, и подчеркивают его производящую функцию (das zeugende befruchtende Geschlecht).

В немецком языке женщина представлена не так ярко, особенно по сравнению с мужчиной. Из слов der Mann и die Frau наибольшей сочетаемостью пользуется der Mann, причем это слово характеризуется положительно. Слово die Frau пользуется очень низкой сочетаемостью и очень слабо характеризуется.

Проблема изучения номинации лица двойственна. Важна не только ее гендерная сторона, но и лингвистическая. Она может рассматриваться как совокупность внутриязыковых характеристик и особенностей языка, которые оказывают влияние на количественную и качественную представленность в языке группы наименований лица.

Автор утверждает, что гендерная сторона проблемы связана с теми основанными на биологическом показателе социокультурными факторами, которые оказывают влияние на появление и употребление номинации лица в речи. Кроме того, гендерный аспект изучения номинаций лица представляется важным с позиций обучения межкультурной коммуникации.

Литература:

1. http://de.wikipedia.org/wiki/Hadumod_Bußmann
2. И. Р. Гальперин Очерки по стилистике английского языка. М.: 1958.
3. А. С. Янкубаева Гендерный фактор в функционировании метафоры (на материале немецкого языка // Вестник молодых ученых. № 1. — 2008.
4. Болтенко, Э.Н. Стереотип как основание гендерных исследований в лингвистике Электронный ресурс./Э.Н. Болтенко. Режим доступа: <http://www.urii-altai.ru/Journal/vestnik/ARHIW/N42002/lsezk/bolteriko.pdf>, свободный.

Изучив вышепредставленную работу, мы приходим к выводу, что в последние годы наблюдается повышенное внимание к изучению гендерного аспекта языка и коммуникации. Нельзя не согласиться, что изучение гендера очень важно для коммуникации и изучения языка. Из общей теории гендера данные исследования перешли к более глубоким и обширным. Однако применение данного подхода также основывается на ряде методологических принципов, важнейший из которых — понимание пола как социально и культурно конструируемого феномена.

Номинацию можно отнести к тем слоям лексики, с которыми напрямую связаны внешние факторы, а именно: социально-культурные изменения, политико-идеологические воздействия, развитие производственных отношений и научно-технический прогресс.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что номинация, как подвид метафоры очень важна и распространена в языке. Она играет большую роль в коммуникации, и ее изучение очень важно для освоения всех тонкостей языка.

Эпитеты со значением цвета в поэзии М. Цветаевой

Раджабова Наргиза Артикбаевна, магистрант
Ургенчский государственный университет (Узбекистан)

Велика роль эпитетов среди других стилистических средств литературного языка. Удачный, свежий эпитет усиливает выразительность и образность нашей речи, обогащает содержание высказывания, подчеркивает индивидуальный признак определяемого предмета или явления. Недаром эпитеты наряду с синонимами и фразеологическими выражениями нередко относят к золотому фонду русского языка. Общеизвестно и то, что русский литературный язык необыкновенно богат эпитетами. Высказывания об этом можно встретить и у писателей, и у исследователей художественной речи.

Об эпитетах писали много и многие. Рассуждения о роли, назначении эпитетов, об источниках их возникновения встречаются еще в сочинениях античных мыслителей (Аристотеля, Квинтилиана, Деметрия и др.). Выяснение природы эпитетов занимало умы многих вы-

дающихся филологов XIX — начала XX веков: Ф.И. Буслая, А.Н. Веселовского, А.А. Потебни и других исследователей. Существует немало специальных работ, в которых рассматривается употребление эпитетов классиками русской литературы — Гоголем, Лермонтовым, Тургеневым, Тютчевым, Есениным, Блоком. Эпитет как традиционный приём стилистики издавна занял прочное место в различных исследованиях художественной речи.

Большое количество слов образует в русском языке, как и в других языках мира, комплекс эпитетов. Результатом семантического развития цветных слов явилось сосуществование в языке их прямых, переносных и символических значений на разных этапах его развития. Цветообозначения активно используются в различных видах и жанрах словесного художественного творчества —

в фольклоре, традиционно-книжной и средневековой литературе, в современной прозе и поэзии.

Индивидуально-авторские коннотации цветообозначений у разных писателей почти всегда основаны на объективных свойствах элементов лексической системы на реализованных в языке или потенциальных свойствах слов со значением цвета. Так, преобладание слов белый, черный и красный у Н.В. Гоголя, А. Белого, А. Блока, по сравнению с другими цветообозначениями, соответствует показаниям древнерусских памятников письменности.

Вместе с тем, каждый писатель, поэт, используя общезыковые значения и отношения слов, создавая собственную картину мира, переосмысляет их, и тем самым способствует дальнейшему развитию как внутрисистемных отношений между членами данной лексико-семантической группы, так и взаимодействию этих элементов с другими лексико-семантическими группами.

На противоречия между авторским самосознанием и результатом творчества поэта впервые обратил внимание Ю.В. Пухначев и убедительно показал, что зрительный образ в произведениях М. Цветаевой динамичен по своей природе и в этом плане сходен с кинематографическим образом.

Большинство примеров нейтрализации системных языковых противопоставлений и превращения антонимов в синонимы у М. Цветаевой связано именно с употреблением слов *черный* и *белый*: поэт постоянно стремится показать общее в противоположном, а также относительность философских и нравственных категорий. В трагедии «Ариадна» М. Цветаева последовательно и скрупулезно доказывает, что *черное есть белое*, соединяя элементы антитезы через метафорическую синонимизацию членов перечислительного ряда, основанную на языковую цветовую символику. В интерпретации античного сюжета М. Цветаева использует средства русской фольклорной поэтики, в частности, цветовой алогизм. По сюжету трагедии, Тезей, победивший Минотавра, но огорченный потерей Ариадны, возвращается на корабле не под белым парусом — условным знаком победы, а под черным, что вызывает гибель его отца. События комментирует хор юношей:

В час осыпавшихся весен,
Ран, неведомых врачам,
Черный, черный лишь преносен
Цвет — горюющим очам.
В час раздавшихся расселин —
Ах! — и сдавшихся надежд! —
Черный, черный оку — зелен,
Черный, черный оку — свеж.
В час, как все уже утратил,
В час, как все похоронил,
Черный, черный оку — красен,
Черный, черный оку — мил.

В противопоставлении черного и белого у М. Цветаевой выделяется аспект, касающийся изображения пространства. Когда пространство связано с белым цветом, оно бедно и плоско:

Далече
Плыть! Сквозь сны
Дней, вдоль пены кормовой
Проволакивая мой
Лик и след
Белый беден
Свет!...
В сердце, где белая даль,
Гладь — равноденствие — ближний,
Смертолюбивую сталь
Переворачивать трижды...

Трансформация фразеологизма *белый свет*, благодаря отнесению его компонентов в разные стихотворные строки, привело к его разделению словом *беден*. Следствием такого разделения является восстановление цветового значения у слова *белый*. По позиции в стихотворной строке слово *беден* относится больше к слову *белый*, чем к слову *свет*. Во втором контексте плоскостное значение белого пространства достаточно четко выражено словом *гладь*.

Характерно, что слово *белая* является постоянным авторским эпитетом к слову *дорога*:

Я поднимаюсь по **белой дороге**,
Пыльной, звенящей, крутой
Увозят милых корабли,
Уводит их **дорога белая**...
И пылила бы дороженька — бела, бела, —
Кабы нас с тобой — да судьба свела!
Вся наша **белая дорога**
У них, мальчонок, в горсти.
Девчонке самой легконогой
Все ж дальше сердца не уйти!

Традиционная народнопоэтическая синонимия *белого* и *красного* является в поэзии М. Цветаевой отправной точкой для построения совершенно определенных парадигматических отношений в цветообозначении, имеющих свою семантику в соответствии с мировоззрением поэта. Наиболее полно цветаевская семантика *белого* и *красного* отражена в стихотворном цикле «Георгий», в поэме «На красном коне», в поэме-сказке «Молодец».

Центральные цветовые эпитеты цикла «Георгий» — красный плащ Георгия Победоносца и его белый конь — цветовые доминанты известной иконы «Чудо Георгия о змие». Семантическое наполнение эпитета *красный* и слов, обозначающих оттенки красного, на протяжении семи стихотворений цикла постоянно меняется. В начале первого стихотворения дано четкое обозначение красного как цвета героя и белого как цвета коня. При этом *красное* и *белое* одновременно противопоставляются и взаимно дополняют друг друга: «И плащ его был — красен, И конь его — был — бел».

Таким образом, эпитеты в цветообозначении выводит за пределы материального мира.

В цикле «Деревья» при описании осеннего леса, изобилующего красками, М. Цветаева, отказываясь от «живописи», категорически утверждает превосходство света над цветом:

Не краской, не кистью!
Свет — царство его, ибо сед.
Ложь — красные листья:
Здесь свет, попирающий цвет.
Струенье... Сквоженье...
Сквозь трепетов мелкую вязь —
Свет, смерти блаженнее,
И — обрывается связь.

Представляется, что такое отношение цвета к свету в поэтике М. Цветаевой принципиально важно для понимания ее произведений, так как на уровне философии ее творчества «по признаку «света» предел эволюции и идеальное состояние мира и Я — стать (отождествиться) свечением» [5, с. 364]. И если категория цвета как явление психологическое занимает пограничное положение между категориями физического и духовного [3, с. 92], то М. Цветаева и показывает это положение, создавая в своих произведениях такие ситуации, в которых цвет проявляет свою принадлежность к категории духовного. Именно поэтому вслед за группой *черного, белого и красного* у Цветаевой следует по частотности *лазурный* (лазоревый) цвет, в котором категория духовного проявляется максимально.

До XVIII века слово *небо* сочеталось с эпитетами, обозначающими не цвет, а свет: *чистое, ясное, светлое, златосветлое, светозарное*. Цветообозначения *синее, голубое, лазурное* в функции эпитетов неба были впервые употреблены М.В. Ломоносовым [4, с. 134] и затем уже активно освоены русской литературой. М. Цветаева, разработав содержание этих цвето-

обозначений, особенно лазурного, наполнила их такими смыслами, которые позволяют включить в семантический объем слова *лазурь* и семантику прежних эпитетов, обозначающих свет, и самые разнообразные характеристики пространства как абсолюта (ср. контаминированное слово *глубизна*, в котором пространственное значение слито с цветовым: *глубина + голубизна*).

Положение слова *лазурь* и его производных в системе цветообозначений *белое — черное — красное — лазурное* позволяет установить у М. Цветаевой такую иерархию цветоименований в их символических значениях, в которой слово *лазурь* занимает главную позицию идеала: *белое* — изначальная пустота как готовность к началу жизни, *красное* — жизнь в динамике, приводящей к прекращению жизни, *черное* — опустошенность как результат динамического процесса и как готовность к слиянию с абсолютом, *лазурное* — слияние с абсолютом, бессмертие, бытие духа.

Содержанием эпитета «*красное*» определяется множественность средств выражения этого значения и множественность метафорических, символических интерпретаций цветообозначения.

Анализируя цветообозначения эпитетов в поэзии М. Цветаевой можно убедиться в том, что у нее отсутствует чисто эстетическое отношение к цвету. По-видимому, именно этим общим свойством цветаевской образительной системы объясняются такие частности, как отсутствие уменьшительных форм и суффиксов неполноты качества при цветообозначении.

Литература:

1. Зубова, Л. В. Поэзия М. Цветаевой. Лингвистический аспект. — Ленинград, 1989.
2. Пухначев, Ю. В. Пространство Цветаевой. — М., 1981.
3. Рабинович, В. Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. — М., 1979.
4. Снежков, Ю. А. Цветовые эпитеты в поэзии классицизма // Вопросы литературы. — Львов, 1980. Вып. 1.
5. Фарыно, Е. Мифологизм и теологизм Цветаевой // Wiener Slawistischer Almanach. — Вена, 1985.

Особенности исследования политического дискурса через анализ концептов

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент;

Муратова Елена Николаевна, преподаватель;

Онищенко Ангелина Константиновна, студент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ключевые слова: анализ дискурса, политическая лингвистика, семиотическая система, концепт-анализ, моделирование концептов.

Одним из основных понятий в современной политической лингвистике является политический дискурс. Ряд ученых понимают его в широком смысле, например «политический дискурс — это совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях,

а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [1, с. 6]; «сумма речевых произведений в определенном паралингвистическом контексте — контексте политической деятельности, политических взглядов и убеждений, включая негативные ее

проявления (уклонение от политической деятельности, отсутствие политических убеждений» [6, с. 22]; «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относятся к сфере политики» [16, с. 23]. Подобный подход предполагает исследование политического дискурса через анализ всех соответствующих семиотических систем.

В своей работе «Семиотика политического дискурса» Е. И. Шейгал говорит о том, что политический дискурс имеет реальное и виртуальное измерения. В реальном измерении политический дискурс — «это поле коммуникативных практик как совокупность дискурсных событий, это текущая речевая деятельность в определенном социальном пространстве, обладающая признаком процессности и связанная с реальной жизнью и реальным временем, а также возникающие в результате этой деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов» [16, с. 21–22]. А виртуальное измерение политического дискурса является собой семиотическое пространство, в которое включены знаки (как вербальные, так и невербальные), ориентированные на коммуникативную сферу политики. В это же измерение включен набор речевых жанров и действий, специфических для коммуникации в данной сфере и тезаурус высказываний [16, с. 22].

В узком смысле политический дискурс — это дискурс политиков, образованный партийными программами, дебатами в парламенте, правительственными обсуждениями и речами политиков. Он не выходит за пределы сферы политики [5, с. 128]. Политический дискурс формируется в контексте функционирования определенных политических институтов, т. е. можно сказать, что «дискурс является политическим, когда он сопровождает политический акт в соответствующей институциональной обстановке» [18].

В данной работе мы принимаем широкое понимание политического дискурса и включим в него процесс и результат порождения и восприятия политических текстов [14, с. 83], а также «экстралингвистические факторы, влияющие на их порождение и восприятие» [9, с. 46].

При сравнении политического дискурса с общеязыковым дискурсом «он оказывается одновременно и уже и шире последнего, что объясняется его политической природой. С одной стороны, политический дискурс оказывается сужен до дискурса целедостижения, с другой — может быть расширен за пределы дискурса коммуникативно-речевой деятельности за счет включения экстралингвистических фактов (например, осуществление ритуалов власти, «безмолвные демонстрации и т. д.»)» [7, с. 11]. Кроме того, политический дискурс выделяет присущая ему функция убеждения. По мнению П. Б. Паршина «всякий текст оказывает воздействие на сознание адресата с семиотической точки зрения. Но для политического текста речевое воздействие является основной целью коммуникации, на достижение которой ориентируется выбор лингвисти-

ческих средств» [10, с. 403]. Австрийская исследовательница Р. Водак подчеркивает, что политический дискурс «находится как бы между двумя полюсами — функционально-обусловленным специальным языком и жаргоном определенной группы со свойственной ей идеологией» [3, с. 24]. Кроме того, он определяется как «вторичная языковая подсистема, обладающая определенными функциями, своеобразным тезаурусом и коммуникативным воздействием» [4, с. 126].

Сама структура политического дискурса предопределяет тот факт, что «его исследование связано с анализом формы, задач и содержания дискурса, употребляемого в определенных («политических») ситуациях и лежит оно на пересечении разных дисциплин» [17, с. 46].

В работе «Современная политическая лингвистика» Э. В. Будаева и А. П. Чудинова высказывается мысль о том, что «речевая деятельность личности или коллективного субъекта политики (например, политической партии) воспринимается как отражение существующей в сознании людей языковой картины политического мира. Подобная деятельность может служить материалом для изучения индивидуальной, социумной и национальной ментальности» [2]. Данные положения соответствуют «когнитивному подходу к исследованию современного политического дискурса, который мы принимаем в данном исследовании за основной» [14, с. 85].

В основе когнитивного метода «лежит предположение о том, что человеческие когнитивные структуры (восприятие, язык, мышление, память, действие) неразрывно связаны между собой в рамках одной общей задачи — объяснения процессов усвоения, переработки и трансформации знания, которые, соответственно, и определяют сущность человеческого разума» [11, с. 42].

Следует отметить, что «методы когнитивного анализа политического дискурса позволяют реконструировать представления человека или группы лиц об окружающем мире, определить его ценностные воззрения [14, с. 84]. Кроме того, данные методы помогают составить «представление и о политической ситуации, т. к. внутренние модели мира есть часть объективной политической картины» [5, с. 129].

Одним из наиболее актуальных направлений политического дискурс-анализа в рамках когнитивного метода является анализ политических концептов (концепт-анализ). Зарубежное научное направление, делающее акцент на изучении политических концептов (Г. Лассуэлл, А. Каплан и др.) сформировалось под влиянием школы аналитической философии (Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Б. С. Грязнов). Именно в рамках «этого направления исследователи впервые попытались посмотреть на мир через призму языка как одного из важнейших социальных конструкций» [12, с. 131].

М. В. Гаврилова отмечает два основных направления концепт-анализа в отечественной политической науке. Первое направление — историко-этимологическое. В его рамках рассматриваются формы употре-

бления в политических текстах ключевых понятий социально-политической теории (свобода, мир, нация, революция, и т. д.), их эволюция, контексты их применения, что предполагает детальное изучение исторической среды и соответствующих семантических полей. Второе направление «фокусируется на восстановлении иерархических структур смысла, содержащихся в языке политики» [5, с. 130]. В рамках данного направления исследователи проводят анализ семантической структуры концептов, строят их когнитивные схемы. Представителями данного направления являются А. А. Казанцев, В. М. и К. В. Сергеевы.

Рассмотрим подробнее термин «концепт». Данный термин в отечественной науке появился в 1928 году, когда С. А. Аскольдов опубликовал статью «Концепт и слово».

Соединяя различные трактовки понимания концепта, можно заключить, что концепт представляет собой «весь потенциал значения слова, включающий в себя, помимо основного смысла, комплекс ассоциативных приращений, реализующихся в речи при определенном наборе слов в контексте. Именно при таком понимании концепт является структурным элементом языковой картины мира, формирующимся в результате когнитивной деятельности» [14, с. 89].

Как единица когнитивной лингвистики термин «концепт» имеет следующие признаки: это «минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении, которая вербализуется с помощью слова; это основная единица когнитивных процессов; границы концепта подвижны, т. к. в области когнитивистики невозможно четкое разграничение понятий; ассоциативное поле концепта неразрывно связано с социальными событиями; это основная ячейка культуры» [15].

Мы солидаризуемся с позицией Ю. С. Степанова о том, что «концепт — явление того же порядка, что и понятие» [15]. Однако по сравнению с понятием, «концепт обладает сложной структурой. С одной стороны, в него входит то, что является содержанием понятия, с другой — то, что делает концепт явлением культуры: этимология, ассоциативный ряд, оценки и коннотации («добавочные семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на основное значения слова и служат для выражения эмоционально-экспрессивной окраски» [13].

В. А. Маслова отмечает, что «концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [9, с. 202]. Для моделирования концептов используются «четко структурированные единицы когнитивистики: фреймы, сценарии, скрипты, слоты и другие модели представления знаний. Фрейм — структура данных для представления стереотипной ситуации, особенно при организации больших объемов памяти» [9, с. 203]. Фрейм представляет собой «знание об определенном фрагменте человеческого опыта, организованном вокруг какого-либо смыслового ядра (например, вокруг смыслового ядра «День Победы» организуется фрейм, описывающий стандартное празднование этого дня в понимании языковой личности). Фрейм обычно предполагает перечисление деталей, из которых складывается ситуация. Слот — это элемент фрейма. Сценарий — описание процесса, действия с его важнейшими этапами. Схема — описание предмета через его внешнюю форму, очертания» [9, с. 203]. Следовательно, концепты могут воплощаться в самых разных когнитивных структурах (от элементарных до самых сложных).

Для политической науки наиболее интересны концепты, которые «отражают важнейшие элементы политического сознания нации. Современные исследователи политических концептов выделяют ряд базовых концептов, характерных для политического дискурса: «политика», «политик», «власть», «благо», «целесодействие», «народ», «государство», «интерес» [5]. Отметим, что «центральные концепты, образующие основу общественных институтов, обладают большой генеративной силой в том плане, что вокруг них концентрируется обширная смысловая область, для описания которой необходимо составлять достаточно объемный словарь» [8, с. 6].

Таким образом, политический концепт является одной из основных единиц, образующих языковую картину политического мира того или иного народа. А концепт-анализ политического дискурса может служить материалом для изучения как индивидуальной, социумной, так и национальной ментальности.

Литература:

1. Баранов, А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. — М.: Знание, 1991. — 64 с.
2. Будаев, Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. — Екатеринбург, 2006. [Электронный ресурс]/URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm> (дата обращения 26.12.2014).
3. Водак, Р. Специальный язык и жаргон: о типе текста «партийная программа». — Язык. Дискурс. Политика. — Волгоград, 1998. — 200 с.
4. Воробьева, О. А. Современное состояние политического дискурса // Теоретическая и прикладная семантика, парадигматика и синтагматика языковых единиц: сб. науч. тр. — Краснодар, 2000. — с. 125–128.
5. Гаврилова, М. В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа // Полис. №3, 2004. с. 127–139.
6. Герасименко, Н. А. Информация и фасцинация в политическом дискурсе // Политический дискурс в России. Вып. 2. — М.: Диалог-МГУ, 1998. — с. 20–23.

7. Ильин, М. В. Политический дискурс как предмет анализа // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования/Сб. науч. тр./Отв. ред. и сост. В. И. Герасимов, М. В. Ильин. — М.: РАН. ИНИОН, Ин-т сравн. политологии, Рос. ассоц. полит. науки. №3, 2002. — с. 7–19.
8. Карасик, В. И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. — Волгоград: Перемена, 1999. — с. 5–19.
9. Маслова, В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. — Вып. 1 (24). — Екатеринбург, 2008. — с. 43–48.
10. Паршин, П. Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции // Системные исследования. Ежегодник 1986. — М., 1987.
11. Петров, В. В. Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы // Вопросы языкознания. №2, 1988. С. 39–48.
12. Петров, К. Е. Структура концепта «терроризм» // Полис. №4, 2003. с. 130–141.
13. Розенталь, Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — М.: Издательство Астрель, Издательство АСТ, 2001. — 624 с.
14. Сенцов, А. Э. Концепт будущего в программах политических партий современной России // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. — 2012. — №3 (19). — с. 82–92.
15. Степанов, Ю. С. Теория языка. Концепт [Электронный ресурс]/URL: <http://genhis.philol.msu.ru/120.shtml> (дата обращения 12.01.2015).
16. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса. — М., Волгоград: Перемена, 2000. — 367 с.
17. Bell, V. Negotiation in the workplace: The view from a political linguist // A. Firth ed. The discourse of negotiation: Studies of language in the workplace. — Oxford etc.: Pergamon, 1995. P. 41–58.
18. Dijk, T. A. van. What is Political Discourse Analysis? — Blommaert J., Bulcaen C. (eds.) Political Linguistics. Amsterdam, 1998.

К проблеме исследования концептуальной метафоры

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент;

Онищенко Ангелина Константиновна, студент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ключевые слова: анализ дискурса, концептуальная метафора, теория метафоры, когнитивный подход, метафорическая модель.

В настоящее время крайне важным направлением анализа дискурса является концепт-анализ. Одним из важнейших понятий для анализа дискурса в целом и политического концепт-анализа в частности является когнитивная/концептуальная метафора.

Следует отметить, что «анализ встроенной в политический концепт метафоры есть путь к постижению социально-политического смысла концепта» [5, с. 151]. Метафору в современной когнитивной лингвистике принято определять как «ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [2, с. 18].

Когнитивный подход к метафоре переосмыслил ее роль не только в обыденной речи, но и в научном познании. Изучение метафор в языке научного описания стало возможным именно благодаря разработке проблематики концептуальной метафоры в когнитивной лингвистике. В современной когнитивистике одним из самых перспективных направлений является описание метафорических моделей, развивается теория концептуальной мета-

форы [6, с. 57]. В данном направлении исследования ведут такие ученые, как М. Джонсон, Дж. Лакофф, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, А. П. Чудинов и др. (довольно часто исследования проводятся на материале политического дискурса).

Основное положение когнитивной теории метафоры, разработанной американскими учеными Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в монографии «Метафоры, которыми мы живем», заключается в следующем: «...В основе процессов метафоризации лежат процедуры обработки структур знаний — фреймов и сценариев. Знания, реализующиеся во фреймах и сценариях, представляют собой обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром — как с миром объектов, так и социумом» [3, с. 157].

Отечественные исследователи подчеркивают, что «именно в монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона была разработана теория, которая привнесла системность в описание метафоры как когнитивного механизма» [2, с. 24]. В настоящее время когнитивному подходу к ис-

следованию метафоры принадлежит центральное место в современной метафорологии, а предложенная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном теория в наши дни широко признана в мировой науке. Она применяется в практических исследованиях самого широкого спектра.

Согласно американским исследователям, «наша быденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична. Метафоры заложены уже в самой понятийной системе мышления человека, тем не менее, понятийная система нами не осознается. Выполняя многие повседневные дела, мы думаем машинально и действуем по определенным схемам» [2, с. 25]. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «метафоры пронизывают всю нашу жизнь не только в языке, но и в мышлении, и в действии» [2, с. 56].

Благодаря такому подходу, метафора оказывается за рамками языковой системы. Она рассматривается как явление взаимодействия культуры, языка и мышления. В монографии «The contemporary theory of metaphor» Дж. Лакофф и М. Джонсон строго дифференцируют понятия «концептуальная метафора» и «метафорическое выражение», особо обращая внимание, что «локус метафоры — в мысли, а не в языке» [7].

Исследователи на материале английского языка выделяют системы метафор, которые базируются на точках зрения по отношению к определенным объектам обозначения, принятых в обществе. Подобные метафоры они называют концептуальными. По словам Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «термин «концептуальная метафора» позволяет дифференцировать языковые средства выражения и лежащий в их основе когнитивный процесс, то есть понимание одного явления в терминах другого» [3, с. 262].

Таким образом, концептуальные метафоры представляют собой «устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, зафиксированные в языковой и культурной традиции общества» [1, с. 37]. Дж. Лакофф говорит о том, что «согласно теории концептуальной метафоры в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия двух структур знаний (фреймами и сценариями) двух концептуальных доменов — сферы-источника (source domain) и сферы-мишени (target domain).

В результате метафорической проекции (metaphorical mapping) из сферы-источника в сферу-мишень, сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром, элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры. Базовым источником знаний, составляющих концептуальные домены, является опыт непосредственного воздействия человека с окружающим миром. Метафорическая проекция осуществляется не только между отдельными элементами двух структур знаний, но и между целыми структурами концептуальных доменов. Предположение о том, что при метафорической проекции в сфере-мишени частично сохраняется структура сферы-источ-

ника, получило название гипотезы инвариантности (Invariance Hypothesis)» [8, с. 54–71].

Э.В. Будаев отмечает, что «когнитивная топология сферы-источника в некоторой степени определяет способ осмысления сферы-мишени и может служить основой для принятия решений и действия» [2, с. 21]. По мнению Дж. Лакоффа «концептуальные метафоры являются неотъемлемой частью культурной парадигмы носителей языка. Находясь в сознании людей, они настолько привычны, что зачастую не осознаются как метафоры» [7, с. 210].

Все вышеизложенное дает основания заключить, что термин «концептуальная метафора» в понимании Дж. Лакоффа и М. Джонсона дает возможность отделить когнитивный процесс, который лежит в основе языковых средств выражения, от самих этих средств.

В связи с этим, американские исследователи выделяют некоторое количество когнитивных метафор, действующих в сознании человека. С помощью когнитивной метафоры становится возможным осмысление одних концептов через другие, которые служат эталоном, являются базовыми.

Так, политический концепт будущего в программных текстах политических партий осмысливается с опорой на базовые концепты «Родина», «государство», «благо», «народ» и др. По словам М. Минского, «анalogии, основанные на когнитивной метафоре, дают нам возможность увидеть какой-либо предмет или идею как бы в свете другого предмета или идеи, что позволяет применить знание и опыт, приобретенный в одной области, для решения проблемы в другой области» [4, с. 52].

На основе примеров из повседневного языка Дж. Лакофф и М. Джонсон приходят к выводу о том, что метафора представляет собой важнейший концептуальный механизм, который помогает нам понять абстрактные понятия, рассуждать о них. Подобный механизм присущ сознанию любого человека, говорящего на том или ином языке. Метафоры существуют в концептуальной системе человека.

Именно поэтому становятся возможными метафоры как языковые выражения. Дж. Лакофф отмечает, что «когнитивные метафоры задают ассоциации между сложившимися концептуальными категориями, порождая более частые языковые метафоры. Вместе с тем, система общепринятых концептуальных метафор главным образом автоматична и воспринимается как самоочевидное описание мыслительных процессов» [3, с. 26].

Итак, вывод, сделанный американскими исследователями, сводится к тому, что «метафора принадлежит не только языку, т.е. не только словам. Мы утверждаем, что процессы человеческого мышления во многом метафоричны. Это то, что имеется в виду, когда мы говорим, что концептуальная система структурирована и определена с помощью метафоры» [3, с. 27].

К настоящему времени в отечественной когнитивистике также наметились несколько подходов к исследованию

когнитивной метафоры. Исследователи А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов разработали совместно дескрипторную теорию метафоры. Категории данной теории опираются не на когнитивную теорию метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона.

В дескрипторной теории метафоры трактовка метафорической модели отлична от понимания в рамках когнитивной теории метафоры. В последней «метафорическая модель интерпретируется как пара сущностей — соответствие между элементами источника и элементами цели» [3, с. 12]. В рамках дескрипторной теории «метафорической моделью (М-моделью) называется совокупность семантических понятий, относящихся к одной и той же области человеческого знания. Метафорическая проекция представляет собой функцию отображения элементов области источника в элементы области цели. Тем самым, источник оказывается областью отправления функции отображения, а цель — областью прибытия, в резуль-

тате чего формируется соответствие между источником и целью» [1, с. 33–34].

Таким образом, в теории А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова метафорическая модель понимается отлично от позиций когнитивной теории метафоры, поскольку «словоупотребление, принятое в дескрипторной теории метафоры, отражает именно языковой аспект функционирования метафоры» [3, с. 12].

Вместе с тем, метафорической моделью становятся области источника, характеризующиеся однородностью с позиции человеческого опыта. В этом смысле, по мнению отечественных исследователей, «М-модель в дескрипторной теории метафоры — это языковая метафорическая модель» [1, с. 37].

Таким образом, метафора крайне важна для анализа политического дискурса. Метафорические модели выражения политических концептов помогают описывать и анализировать соответствующие концепты.

Литература:

1. Баранов, А. Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Изв. Рос. АН. Сер. лит. и яз. — 2004. — Т. 63, №1. — с. 33–43.
2. Будаев, Э.В. Становление когнитивной метафоры // Лингвокультурология. — Екатеринбург, 2007. — Вып. 1. — с. 16–32.
3. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ./Дж. Лакофф, М. Джонсон; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. — М.: УРСС, 2004. — 256 с.
4. Минский, М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1988. — Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. — с. 41–67.
5. Петров, К.Е. Концепт «Европа» в современном политическом дискурсе // Полис. Политические исследования. — 2004. — №2. — с. 140–153.
6. Сенцов, А.Э. Концепт будущего в программах политических партий (на материале программ партий «Единая Россия» и «Патриоты России») // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. — 2010. — №3 (11). — с. 55–60.
7. Lakoff, G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought/ed. by A. Ortony. — Cambridge, 1993. — P. 202–251.
8. Lakoff, G. The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image — Schemas? // Cognitive Linguistics. — Cambridge, 1990. — Vol. 1. — P. 54–71.

Символика пурпурного цвета в произведении Сэй-Сёнагон «Записки у изголовья»

Челядинова Вероника Александровна, специалист
Челябинский государственный университет

Сэй-Сёнагон (966–1017 гг.) — японская писательница эпохи Хэйан (9–12 вв.). Была фрейлиной императрицы Тэйси, и в единственном дошедшем до нас произведении «Записки у изголовья» передала быт и нравы аристократии того времени. «Записки у изголовья» положили начало жанру японской прозы дзуйхицу — досл. «вслед за кистью», когда автор не придерживается чёткого сюжета, а записывает всё, что ему приходит в голову, не заду-мываясь о литературной «ценности» своего творения.

Япония — страна, где благодаря удивительным природным пейзажам, традиционным способам окрашивания тканей и изготовления керамики, самобытным школам живописи и театрального искусства сформировался богатый пласт лексики, обозначающей цвета и не имеющей эквивалентов в других языках мира.

В «Записках у изголовья» автор использует огромное количество так называемой «цветовой» лексики. Отчасти это связано не столько с любовью Сэй-Сёнагон к цвето-

писи, сколько с духом и литературной традицией целой эпохи: аристократы Хэйан с помощью одежды определённого цвета выражали свой статус при дворе; в литературе описание одежды в значительной степени дополняет образ героя, широко используются символы и метафоры цветов.

В данной работе рассмотрим символику пурпурного цвета *мурасаки* (紫). Иероглиф 紫 встречается в тексте произведения в различных сочетаниях 21 раз. Однако 2 раза в сочетании 紫野 (*мурасаки-но*) иероглиф употребляется как часть топонима, сохранившегося до сих пор. Мурасакино — северный район современного Киото, в эпоху Хэйан на его месте существовали охотничьи угодья, где могли охотиться лишь члены императорской семьи и знатные аристократы. Сейчас невозможно установить, откуда происходит данное название; возможно, оно было дано просто потому, что на территории охотничьих угодий рос мурасаки — в переводе на русский язык — «воробейник краснокорневой» (лат. *lithospermum erythrorhizon*). Корни воробейника использовались для получения пурпурного красителя, и цвет *мурасаки* был назван в честь растения. Такой цвет получали только из одного вида растения, в то время как красители каждого из остальных цветов (красный, чёрный, синий и т.д.) можно было изготовить из нескольких видов растений. К тому же, процесс получения красителя мурасаки представлялся достаточно трудоёмким. К. Накаэ в своей книге «Японские цвета в истории» («Рэкиси ни миру нихон но иро») описывает его следующим образом: «После того как корни мурасаки высохнут, поместить их в каменную ступку и растолочь пестиком. Далее высыпать содержимое ступки в джутовый мешок и процедить горячей водой. Следует выжимать мешок до тех пор, пока корни не перестанут давать пурпурный цвет, это и есть необходимый пигмент, вы можете легко представить, сколько усилий придётся затратить для его получения. <...> Корни мурасаки неустойчивы к высокой температуре, и для того чтобы после окрашивания получился красивый цвет, температура краски должна быть ниже 60 градусов по Цельсию» (пер. автора статьи) [1, с 57].

Из-за ограниченного ареала распространения нужного растения и трудностей получения пигмента цвет *мурасаки* стал считаться цветом аристократии, он не был доступен простолюдинам. В действующей тогда системе 12 рангов чиновников пурпурные одежды позволялось носить лишь чиновникам двух высших рангов. Нетрудно предположить, что пурпурный цвет ценился в обществе, всё пурпурные предметы вызывали уважение и восхищение, свидетельствовали о богатстве и знатном положении.

Сэй-Сёнагон впервые упоминает пурпурный цвет в самом начале произведения:

春はあけぼの。やうやう白くなり行く、山ぎは少しあかりて、紫だちたる雲の細くたなびきたる。

«Весною — рассвет.

Все белее края гор, вот они слегка озарились светом. Тронутые пурпуром

облака тонкими лентами стелются по небу» (здесь и далее в пер. В. Н. Марковой).

Текст произведения наглядно иллюстрирует, что Сэй-Сёнагон очень любила пурпурный цвет. В 88-ом дане «То, что великолепно» («*Мэдэтаки моно*») попадаются такие строки:

すべて紫なるは、なにもめでたくこそあれ、花も、糸も、紙も。紫の花の中には杜若ぞ少しにくき。色はめでたし。六位の宿直すがたのをかしきにも、紫のゆゑなめり。

«Все пурпурное великолепно, будь то цветы, нити шелка или бумага. Среди пурпурных цветов я все же меньше всего люблю ирис. Куродо шестого ранга потому так великолепно выглядят во время ночного дежурства во дворце, что на них пурпурные шаровары».

При описании одежды знатных аристократов пурпурный цвет *мурасаки* используется 8 раз, три раза — с прилагательным *коки* (濃き, досл. «густой»), то есть густо-пурпурный или тёмно-пурпурный. Тёмно-пурпурные шаровары носит старший брат императрицы; в 281-ом дане, который так и называется 指貫 (*сасинуки*, разновидность японских брюк хакама, в переводе В. Н. Марковой значатся как шаровары), Сэй-Сёнагон перечисляет цвета, надлежащие для шаровар, и прилагательное «тёмно-пурпурные» (*мурасаки-но-коки*, 紫の濃き) поставлено ей на первое место. Третий случай употребления — *мурасаки-но-ито-коки-сасинуки* (紫のいと濃き指貫), цвет насыщеннее, чем просто тёмно-пурпурный *мурасаки-но-коки*, на степень влияет слово *ито* (いと) — очень. Дословно получается «очень пурпурные шаровары», и автор не случайно использует подобное уточнение. Пурпурный — цвет роскоши, но разве роскошь везде уместна? «Очень пурпурные», уж слишком пурпурные, на русский язык данное словосочетание переведено как «густо-лиловые шаровары», что невольно ассоциируется с чем-то чрезмерным и напыщенным. Речь идёт о неподобающей одежде паломника, решившего нарушить обычай совершать паломничество в старой, потрёпанной одежде:

«— Глупый обычай! Почему бы не нарядиться достойным образом, отправляясь в святые места? Да разве божество, обитающее на горе Митакэ, повелело: «Являйтесь ко мне в скверных обносках?»

三月晦日に、紫のいと濃き指貫、しろき、青山吹のいみじくおどろしきなどにて、<...>

«Когда в конце третьей луны Нобутака отправился в паломничество, он поражал глаза великолепным нарядом. На нем были густо-лиловые шаровары и белоснежная «охотничья одежда» поверх нижнего одеяния цвета ярко-желтой керрии».

В итоге после совершения паломничества Нобутака получил высокий пост, и люди дивились: «Он был прав!», однако Сэй-Сёнагон весьма ясно выражает свое отношение к происходящему:

これはあはれなる事にはあらねども

«Этот рассказ не из тех, что глубоко трогают сердце»

Поступок Нобутаки кажется автору скорее комичным, цвет мурасаки здесь ассоциируется с расточительством, неподобающим использованием роскоши.

В другом отрывке Сэй-Сёнагон любит молодыми придворными четвертого и пятого ранга, гуляющими по засыпанному снегом улицам, и здесь не обошлось без драгоценного пурпурного цвета, который «красиво выглядит на фоне снега» (*юки ни хаэтэ, 雪に映えて*):

紫の指貫も、雪に映えて、濃さ勝りたるを著て

«Пурпур шаровар, казалось, еще более насытился цветом, еще ярче заиграл на фоне чистого снега».

Тонкий художественный вкус Сэй-Сёнагон сочетается в этих строках с дворянской эстетикой Хэйан, когда костюм выбирался не только в соответствии с социальным статусом, но и с учетом времени года. Фокус внимания хоть и сосредоточен на одеянии молодых людей, окружающая их природа также удостоилась описания. В зависимости от времени года использовались различные цветовые комбинации в одежде, они получили название *касанэ-но-иромэ* (襲の色目). Одной из *касанэ-но-иромэ*, встречающейся в тексте «Записок у изголовья», является *сион* (紫, первый иероглиф — искомый нами мурасаки), в данной комбинации лицевая сторона ткани одеяния тёмно-пурпурная, а изнанка зеленая. В сион облачались осенью, цвета символизировали цветки и листья растения *紫苑* (*Aster tataricus*, астра татарская), в честь которого и была названа эта *касанэ-но-иромэ*. [8]

Как уже было сказано выше, не только одежда, но и другие предметы пурпурного цвета могли указывать на знатное происхождение. Например, веер:

露をあはれと思ふにや、しばし見たれば、枕がみのかたに、朴に紫の紙はりたる扇、ひろごりながらあり。

«У изголовья женщины, замечает он, брошен широко раскрытый веер, бумага отликает пурпуром, планки из дерева магнолии».

В этой сцене мужчина заглядывает в комнату к незнакомой женщине, видит этот веер, и по столь незначительной детали читатель сразу понимает, что женщина — знатная дама.

Дважды в тексте встречается упоминание пурпурной бумаги, в обоих случаях она используется как декоративная, в неё заворачивают письма с поздравлениями, к которым также прикладывают цветы в тон бумаге

(в первом случае это цветы ясенки, во втором — глицинии). Согласно лекциям профессора А. Нагоя, в эпоху Хэйан декоративная бумага часто окрашивалась в пурпурный *мурасаки* (紫) и тёмно-синий *ай* (藍), это были основные цвета дорогой декоративной бумаги, символизировали цвета облаков [6, с. 1].

В эпоху Хэйан существовал обычай писать стихи на искусственных цветочных лепестках, вырезанных из ткани. [4, с. 45]. Сэй-Сёнагон пишет ответ императрице на искусственном лепестке пурпурного лотоса *мурасаки-нару-рэ-но-ханабира* (紫なる蓮の花びら):

紙などのなめげならぬも取り忘れたるたびに、紫なる蓮の花びらに書いてまゐらす。

«Я забыла взять с собой в дорогу подходящую к случаю бумагу и написала ответ на пурпурном лепестке самодельного лотоса».

Лотос символизирует чистоту, он поднимается из грязи и остаётся незапачканным, а пурпурный — цвет, достойный послания к императрице.

Напоследок хотелось бы отметить интересный случай употребления цвета мурасаки: *ума-ва-мурасаки-но-мадара-дзукитару* (馬は紫の斑づきたる) — досл. «лошадь в пурпурную крапинку». В намного более позднем атласе лошадей эпохи Эдо (17–19 вв.) значится порода *мурасаки кирикэ* (紫駟), это серая лошадь [5]; считаю возможным предположить, что имеется в виду не пурпурный цвет, а некий едва уловимый сиреневый оттенок, тёмные пятна на светлой шкуре лошади, лошадь чубарой масти. Впрочем, также возможно, что здесь сыграло роль субъективное восприятие автора, и она употребила цветообозначение *мурасаки*, руководствуясь собственными эстетическими критериями, нехарактерным эпитетом желая подчеркнуть необычайную красоту животного. В русском переводе этот отрывок опущен.

Литература эпохи Хэйан богата цветовой лексикой, данная статья — лишь небольшой шаг к обширному исследованию. В дальнейших работах хотелось бы осветить использование других цветообозначений как в произведении Сэй-Сёнагон, так и в других памятниках литературы того времени, изучить историю цветовой лексики литературы Хэйан, сравнить цветообозначения Хэйан с современными.

Литература:

1. 中江克己, 歴史にみる「日本の色」 — PHP研究所, 2007. Накаэ Кацуми, «Японские цвета в истории» — исследовательский центр PHP, 2007.
2. [http://botsad.ru/ru/menu/activity/articles/bezdeleva-t/biomorfologicheskie-osb/T.,A. Безделева, Биоморфологические особенности астры татарской \(ASTER TATARICUS L. fil. ASTERACEAE\).](http://botsad.ru/ru/menu/activity/articles/bezdeleva-t/biomorfologicheskie-osb/T.,A. Безделева, Биоморфологические особенности астры татарской (ASTER TATARICUS L. fil. ASTERACEAE).)
3. <http://jti.lib.virginia.edu/japanese/sei/makura/SeiMaku.html> Сэй-Сёнагон, «Записки у изголовья», оригинальный текст.
4. http://repo.nara-u.ac.jp/modules/xoonips/download.php/AN10533924-20020300-1003.pdf?file_id=3677 山本利達, «花びらに書く». Ямамото Ритацу, «Записки на цветочных лепестках»
5. <http://togetter.com/li/537227> Атлас лошадей эпохи Эдо

6. <http://washiken.sakura.ne.jp/wordpress/wpcontent/uploads/2011/11/5c61eab146ed1c282de7fdc595403d0a.pdf> 名児耶 明、料紙に見る藍と紫. Нагоря Акира, «Тёмно-синий и пурпурный цвета при окрашивании бумаги».
7. <http://www.izumo-murasakino.jp/yomimono-015.html> 出雲大社紫野教会, 「紫野」の地名. Сайт храма Изумо Ооясиро Муросакино, статья о происхождении топонима Муросакино.
8. <http://www.kariginu.jp/kikata/kasane-irome.htm> 綺陽装束研究所, 有職の「かさね色目」. Исследовательский центр «Киё», справочный материал о касанэ-но-иромэ.
9. <http://www.serann.ru/text/zapiski-u-izgolovya-polnyi-perevod-v-markovoi-9212> Сэй-Сёнагон, «Записки у изголовья» в переводе В. Н. Марковой, 1975 г.

Approaches to teaching writing

Шукурова Сабохат Одиловна, преподаватель;

Тураева Дилбар Мейлиевна, преподаватель

Каршинский государственный университет (Узбекистан)

Teaching writing we must find different approaches how to teach writing. There are as many approaches as there are many teachers and teaching styles, or learners and learning styles. If someone wants to produce a piece of writing he or she has to deal with some features of writing. What are they?

Syntax, context, grammar, mechanics, organization, word choice, audience, purpose, vocabulary and so on. Which features are the most important for teaching writing? How is writing learned? How is writing taught? Many ideas are given to these questions and many approaches are also given to them. One of the approaches is **the controlled –to – free approach in writing is sequential**: students are first given sentence exercises, then paragraphs to copy or manipulate grammatically by, for instance, changing questions to statements, present to past, or plural to singular. They may also change words or clauses or combine sentences. They work on given material and perform strictly prescribed operations on it. With these controlled compositions, it is easy for students to write a great deal yet avoid errors. Because the students have a limited opportunity to make mistakes, the teacher's job of marking papers is quick and easy. This approach stresses only three features which are given below: grammar, syntax and mechanics. It emphasizes accuracy rather than fluency or originality. We have been using this approach for a long time. This approach has been effectively used by Russian researches. The books which were written by Russian or Uzbek teachers stressed this approach more than any other approaches. I don't think we should avoid this approach. By using the controlled-to-free approach we can have our students writhing by making few errors. The quality is important in this approach. We have been using the books which were published in Russian press or Uzbek publish houses for example: «Учебник английского языка», Н. А. Бонк, «Практический курс английского языка» В. Аракин, Пособие по английскому языку для поступающих в вузы Т. Ф. Кованова, Н. П. Сикорская Our students used to be taught by these books. Using these books we teachers used to teach by limited approaches.

To avoid using traditional approaches for teaching writing we are going to present **the free writing approach** which is effectively used by teachers all over the world.

The features of free writing approach can be seen by many factors. Some teachers and researches have stressed quantity of writing rather than quality. We can use the free writing approach only after reaching a high intermediate or advanced level of proficiency students are allowed to try some free compositions, in which they express their own ideas. The free writing approach prefers to teach writing freely by any given topics with minimal correction of errors. The teachers don't correct these short pieces of free writing; they simply read them and perhaps comment on the ideas the writer expressed.

Some teachers begin many of their classes by asking students to write freely on any topic without worrying about grammar and spelling for five or ten minutes. At first, students find this very difficult. They have to resort to writing sentences like, «I can think of anything to write». As they do this kind of writing more and more often, however, some find that they write more fluently and that putting words down on paper is not so frightening after all. The teachers don't correct these short pieces of free writing. They simply read them and may comment on the ideas the writer expressed. Alternatively, some students might volunteer to read their own aloud to the class. Advantages of this approach are «audience» and «content» are seen more important than any other approaches. Another advantage: students are easily interested in and feel freely while writing.

Nowadays using computer technologies, internet service, mobile phones are willingly used by everyone. The development of computer technologies leads teachers and learners to different teaching and learning methods. **Teaching writing the communicative approach** is more lively than other approaches. The communicative approach stresses the purpose of a piece of writing and the audience for it. Student writers are encouraged to behave like writers in real life and to ask themselves the crucial questions about purpose and audience:

— Why am I writing this?

— Who will read it?

Traditionally, the teacher alone has been the audience for student writing. But some feel that writers do their best when writing is truly a communicative act, with a writer for a real reader. Teachers using the communicative approach can extend the readership. They extend it to other students in the class, who not only read the piece but actually do something with it, such as respond, rewrite in another form, summaries, or make comments — but not correct.

Students can write letters, messages, post cards, birthday cards, advertisements, cookery recipes, dairies, memos and so on.

The above mentioned approaches have been used by Uzbek teachers for a long time. After getting its independence Uzbekistan has greatly improved its educational system. Universities, colleges, schools began using our Uzbek books and American, English books. By using these books we have learnt more. Uzbek teachers have been using different techniques in teaching English. Teaching writing used to be the weak point of our teachers. Thanks to the government of Uzbekistan, we teachers are delighted to teach by being encouraged by the government. On December 10, 2012 President of the Republic of Uzbekistan Islam Karimov signed a decree «On measures to further improve foreign language learning

system». However, analysis of the current system of organizing language learning shows that learning standards, curricula and textbooks do not fully meet the current requirements, particularly in the use of advanced information and media technologies. Education is mainly conducted in traditional methods. Further development of a continuum of foreign languages learning at all levels of education; improving skills of teachers and provision of modern teaching materials are required. In order to increase teaching standards in distant rural areas, the higher educational institutions are allowed targeted admission of people living in distant areas to foreign language programs on the condition that they will oblige themselves to work in the acquired specialty at their residence area for at least 5 years after graduation. The decree also envisages 30% salary increase for foreign language teachers in rural areas, 15% increase for those in other areas. Having been encouraged by the decree we teachers are trying to develop teaching methods. Teaching writing also needs to be improved by creating different approaches considering modern — thinking young generation's desires. To carry out these tasks we have to create new textbooks are composed of all teaching and learning styles. In order to vary teaching writing approaches we are looking forward to hearing your comments on our article.

References:

1. Arnold, Jane. *Affect in Language Learning*. Cambridge: Cambridge University Press. 1999.
2. Boden, Margaret. *The Creative Mind*. London: Abacus. 1998.
3. Carter, Ronald. *Language and Creativity: the art of common talk*. London: Routledge. 2004.
4. Cook, Guy. *Language Play: Language Learning*. Oxford: Oxford University Press. 2000.
5. Day, Richard and Julian Bamford. *Extensive reading in the Second Language Classroom*. Cambridge: Cambridge University Press 1998.
6. Dornyei, Zoltan *Motivational Strategies in the Language Classroom*. Cambridge: Cambridge University Press. 2001.

Некоторые сложности перевода английских технических терминов

Юсупова Шахида Батировна, преподаватель
Бухарский инженерно-технологический институт (Узбекистан)

В статье указывается назначение технических терминов, приведены примеры и особенности при техническом переводе терминов с учётом возникающих у переводчика трудностей. Приведены некоторые правила, которые могут помочь при переводе технических терминов.

Ключевые слова: *технические термины, неологизмы, неметрические единицы измерения, научно-техническая терминология.*

Техническим переводом в той или иной форме приходится заниматься всем специалистам. Рано или поздно вам попадает в руки книга или журнальная статья по вашей специальности на английском языке, которую вам надо будет прочесть и перевести. Возможно, у вас возникнет необходимость побеседовать с иностранными специалистами на интересующую вас тему или перевести такую беседу. Во всех

этих случаях вы столкнётесь с особенностями и трудностями технического перевода, без знания которых можно сделать много ошибок, даже хорошо владея иностранным языком.

Выполнение большого количества разнообразных по тематике переводов даст необходимый опыт перевода и позволит легче преодолевать встречающиеся при этом трудности.

В общем и целом стиль научных работ в английском языке напоминает русский научный стиль: мысль излагается сжато, сухо точно, часто поясняется чертежами, графиками и математическими формулами. Скорее всего, вам придётся иметь дело с общетехнической литературой, куда входят инструкции к аппаратам с описанием технологического процесса, патентов и т.д. В отличие от русского языка, в такого рода описаниях могут употребляться разговорные выражения, а также совершенно новые «придуманные» слова (так называемый «технический жаргон»), которые не регистрируются словарями.

Вследствие быстрого развития техники в научном языке постоянно появляются новые термины (неологизмы), которые не успевают зафиксировать даже самый последний словарь. Неологизмы часто представляют большие трудности при переводе.

В английской и американской литературе, как правило, употребляются неметрические единицы измерения, которые при переводе приходится пересчитывать в метрическое и в единицы СИ принятые в Узбекистане.

В современной технической литературе на английском языке все чаще употребляются цепочки из поставленных рядом слов, которые не связаны между собой синтаксическими средствами, т.е. предлогами *to*, *of*, *from* и т.д. Например: *overload prevention device* 'устройство для предотвращения перезагрузки'; *X-ray thickness gauge* 'рентгеновский толщиномер'; *two-stage single-cylinder air-cooled reciprocating compressor* 'двухступенчатый одноцилиндровый компрессор с возвратно-поступательным движением поршня и с воздушным охлаждением' и т.д.

Можно обратить внимание на то, что основными словами во всех приведенных выше сочетаниях являются последние слова, все предшествующие слова служат определениями к ним.

В последнее время усилилась тенденция к образованию новых слов путем сокращения, причем часто такое новое слово не выглядит как сокращение. Например: *laser* это сокращение — *light amplification by stimulated emission of radiation*, *lube* — от *lubrication* и т.д.

Особо важное значение при работе с научно-техническим и особенно специализированным английским техническим текстом придается переводу не только общенаучных, но и узкопрофильных технических терминов. Определенную сложность представляет выявление особой специфики употребления не столько общенаучных слов, сколько специфической терминологии научно-технического текста и, соответственно, выработка приемлемых вариантов их перевода на русский язык, так как русскоязычная научная лексика существенно отличается от английских технических лексических форм. Русские переводы предложений, которые иллюстрируют употребления этих технических терминов в своих контекстах, в основном, конечно, отражают суть авторских источников, но специальная английская терминология должна переводиться обязательно с учетом общего контекста первоисточника.

Термин — это слово или словосочетание, которое может иметь отличное от обиходного значение в зависимости от области науки и техники, в которой оно употребляется. Термин может быть простым, состоящим из одного слова (*switch* «выключатель») и сложным термином-словосочетанием (*automatic switch* «автоматический выключатель», *high-speed circuit breaker* 'быстродействующий выключатель') Например, слово *face* как существительное имеет обиходное значение «лицо»; широкое техническое значение его — 'поверхность'; в геометрии его значение — 'грань'; в строительном деле — 'фасад', 'облицовка'; в горном деле — 'забой', 'лава'. Но, как это естественно для английского языка, то же слово *face* может выступать как глагол; в этом случае основное значение его (обиходное значение) — 'стоять напротив чего-либо'; в металлообработке это термин означающий — 'шлифовать', в строительном деле — 'отделывать', 'облицовывать', 'покрывать'.

Соблюдение следующих правил может помочь при переводе терминов:

В специальном тексте каждое слово, даже очень хорошо знакомое, может оказаться термином. Так, в морском деле *man-of-war* значит не 'солдат', а 'военный корабль'; в тексте по механике *no play is admitted* надо переводить не 'играть нельзя', а 'люфт не допускается'; в тексте по экономике выражение *staple sorts*, даже если речь идет о сырье для текстильной промышленности, может значить не 'штапельные сорта', а 'основные экспортные сорта'; *shoe* 'колодка' в описании тормозной системы, для электропоезда — 'лыжи токоприёмника', для гусеницы 'звено'; *dead* — это 'обесточенный' в электротехнике, 'глухой', т.е. 'несквозной' в машиностроении и строительстве; 'использованный', когда речь идет о растворах, газе и т.п. Переводя техническую литературу, особенно по малознакомой тематике, надо всегда помнить об этой многозначности. Отсюда следует второе правило:

Пользуйтесь при переводе специальными техническими словарями. Следует считать неразумной попытку переводить без словаря; это выглядело бы так же странно, как если бы мастер пытался научиться работать без инструмента. Как бы ни была велика память переводчика, он может натолкнуться на незнакомый или малознакомый термин или известный ему термин в совершенно новом значении. При многозначности слова следует брать то его значение, которое принадлежит соответствующей области техники.

Может оказаться, что ни одно из значений слова, найденных вами в словаре, не подходит, это значит, что некоторые значения слова не зафиксированы в словаре. В таком случае вывести из затруднения может хорошее чувство языка, так называемая языковая догадка, но в первую очередь — понимание того, о чем идет речь. Поэтому знакомство с соответствующей отраслью техники, хотя бы по популярным пособиям, или консультация специалиста, имеет огромное значение для правильного перевода.

В ряде случаев к базису английского термина прибавляется префикс и тогда адекватный перевод может носить противоположный основе термина характер, например: im- (impossible — невозможный); counter- (to counteract — противодействовать). Иногда к базису термина может присоединяться суффикс, например, — age (voltage — напряжение) или для образования имен прилагательных -ic (periodic — периодический), — ful (useful — полезный).

Техническая английская литература изобилует терминами, которые образовались за счет сложения отдельных слов, но будучи в терминологической связке могут обозначать единое понятие, например: sliding bearing — скользящая опора, correction for displacement — коррекция на смещение. Разносмысловое значение может быть и в таких случаях как, например: treatment of water — обработка воды, а water treatment — обработка водой, то есть в этих двух как бы одинаковых комбинациях терминов имеются разные смысловые обозначения, а, соответственно, и разное понимание технологии процесса.

Один и тот же термин может встречаться в технических английских текстах, но употребляется в своем переводе в разных смысловых значениях в зависимости от того, в какой области технического знания он используется: авиация, морской флот, электротехника и др., то есть конкретный термин несет совершенно разные смысловые нагрузки в зависимости от его специального предназначения, например: rocket (карман) имеет следующие специальные значения: воздушная яма (в авиации); окружение (в военном деле); мертвая зона (в радио); гнездо месторождения (в геологии); кабельный канал (в электротехнике), и таких терминов много.

При работе с текстом переводчик должен по возможности избегать собственную как бы приемлемую лексику, например: industry — индустрия, но не промышленность, как термин, который может использовать переводчик. По тексту оригинала вполне могут встречаться различного рода сокращения, которые практически ни-

когда не встречаются в русскоязычном тексте, например: (как показывает наша личная практика) а. с. (alternating current) — переменный ток, PP (peripheral processor) — периферийный процессор. Конечно, при работе с таким текстом переводчику следует прибегать к полной расшифровке сокращений. Точный перевод таких сокращений можно найти в определенной степени в специализированных словарях.

В практике перевода при смысловом понимании двух на первый взгляд разносмысловый терминов может возникать ряд нюансов, например:

— один термин является частью другого термина, например:

valve amplifier — ламповый усилитель,

— оба термина полностью самостоятельны, но в смысловом отношении едины, например:

machine frame — корпус машины

один термин дает какую-то характеристику второму, например:

machine weight — вес машины,

motor vibrations — вибрация двигателя,

bronze washer — бронзовая шайба и так далее.

Без конкретного понимания сути термина невозможно понять смысловое содержание излагаемой автором идеи. Однако, если в русском языке чаще встречается термин и конкретная его смысловая нагрузка, то термин в английской технической литературе может иметь крайне многогранное значение: от конкретного перевода до перевода, требующего общетехнической научной грамотности переводчика.

Таким образом, самый близкий в смысловом отношении перевод английского технического текста на русский во многом определяется общетехнической подготовкой переводчика, знанием им данной области знаний, в первую очередь, но и помнить о том, что переводимая им техническая терминология в специализированном тексте изобилует различными подчас непростыми сложностями, о которых упоминается выше.

Литература:

1. Борисова, Л. И., Зайдин Д. Г. Об особенностях перевода базовой общеязыковой лексики в научно-технических текстах // Текст, контекст, подтекст. М., 1986.
2. Комиссаров, В. Н. Лингвистика перевода. — М.: Междунар. отношения., 1980.
3. Пронина, Р. Ф. Пособие по переводу английской научно-технической литературы. — М.: Высшая школа, 1985.
4. Пьянкова, Т. М. ABC переводчика научно-технической литературы. — М.: Летопись, 1994.
5. Скороходько, Э. Ф. Вопросы перевода английской технической литературы (перевод терминов) — Киев: Изд-во Киевского университета, 1993.
6. Словарь-минимум для чтения научной литературы на английском языке. — М.: Наука, 1979.

ФИЛОСОФИЯ

Основные термины и технология научного познания

Вертунов Александр Александрович, аспирант;
Гончарова Ольга Евгеньевна, аспирант;
Микеров Алексей Яковлевич, аспирант;
Храмкова Светлана Викторовна, аспирант
Раменский политехнический техникум (Московская обл.)

Технология научного познания основана на совокупности действий, призванных помочь достижению желаемого результата. Данная работа применима для подготовки дипломных проектов студентов, диссертаций и научных работ.

Ключевые слова: научный метод, методология, познание, термины.

Современная наука держится на определенной **методологии** — совокупности используемых методов и учении о методе. Намечается тенденция к сближению естественной и гуманитарной методологии, но все же различия, принципиальные, пока остаются.

Подлинное единство научного знания формируется в диалектическом процессе взаимодействия **дифференциации и интеграции** знания в ходе эволюции конкретных наук.

Наиболее радикальные изменения в науке связаны с научными революциями, которые сопровождаются пересмотром, уточнением и критикой прежних идей, программ и методов исследования, т.е. всего того, что теперь называют **парадигмой** науки. Переход к новой парадигме связан с взаимодействием и развитием двух дополняющих друг друга процессов дифференциации и интеграции знания.

Дифференциация научного знания служит необходимым этапом в развитии науки и она направлена на более тщательное и глубокое изучение отдельных явлений и процессов определенной области действительности. В результате такого исследования появляются отдельные научные дисциплины со своим предметом и специфическими методами познания.

Наука выработала средства и методы для преодоления ограниченности чисто дисциплинарного подхода к изучению мира. Новый подход принято называть **интегративным**. Фундаментальные интегративные законы отображают единство и целостность природы.

Интеграция научного знания осуществляется в различных формах, начиная от применения понятий, теорий и методов одной науки в другой и кончая возникшим в XX столетии **системным методом**, который дает возможность

рассматривать предметы и явления в их взаимосвязи и целостности. Именно поэтому системный метод является наиболее эффективным средством интегративных исследований.

Научный метод представляет собой яркое воплощение единства всех форм знаний о мире. Тот факт, что познание в естественных, технических, социальных и гуманитарных науках в целом совершается по некоторым общим принципам, правилам и способам деятельности, свидетельствует, с одной стороны, о взаимодействии и единстве этих наук, а с другой — об общем, едином источнике их познания, которым служит окружающий нас объективный реальный мир: природа и общество.

Научный метод как таковой подразделяется на методы, используемые на каждом уровне исследований. Выделяются, таким образом, эмпирические (опытные) и теоретические методы.

К первым относятся:

- 1) **наблюдение** — первоначальный источник информации, целенаправленное восприятие явлений объективной действительности;
- 2) **описание** — фиксация средствами естественного или искусственного языка сведений об объектах;
- 3) **измерение** — сравнение объектов по каким-либо сходным свойствам или сторонам;
- 4) **эксперимент** — наблюдение в специально создаваемых и контролируемых условиях, что позволяет восстановить ход явления при повторении условий; многие естественные науки совершили гигантский скачок в своем развитии именно благодаря эксперименту.

На теоретической стадии прибегают к абстракциям и образованию понятий, строят гипотезы и теории, откры-

вают законы науки. К научным методам **теоретического** уровня исследований следует отнести:

1) **формализацию** — построение абстрактно-математических моделей, раскрывающих сущность изучаемых процессов действительности;

2) **аксиоматизацию** — построение теорий на основе аксиом — утверждений, доказательства истинности которых не требуется;

3) **гипотетико-дедуктивный метод** — создание системы дедуктивно связанных между собой гипотез, из которых выводятся утверждения об эмпирических фактах.

Среди методов, применяемых не только в науке, но и в других отраслях человеческой деятельности можно выделить такие методы, как:

1) **анализ** — расчленение целостного предмета на составные части (стороны, признаки, свойства или отношения) с целью их всестороннего изучения;

2) **синтез** — соединение ранее выделенных частей предмета в единое целое;

3) **абстрагирование** — отвлечение от ряда несущественных для данного исследования свойств и отношений изучаемого явления с одновременным выделением интересующих нас свойств и отношений;

4) **обобщение** — прием мышления, в результате которого устанавливаются общие свойства и признаки объектов;

5) **индукция** — метод исследования и способ рассуждения, в котором общий вывод строится на основе частных посылок;

6) **дедукция** — способ рассуждения, посредством которого из общих посылок с необходимостью следует заключение частного характера;

7) **аналогия** — прием познания, при котором на основе сходства объектов в одних признаках заключают об их сходстве и в других признаках;

8) **моделирование** — изучение объекта (оригинала) путем создания и исследования его копии (модели), замещающей оригинал с определенных сторон, интересующих исследователя;

9) **классификация** — разделение всех изучаемых предметов на отдельные группы в соответствии с каким-либо важным для исследователя признаком.

Большое значение в современной науке приобрели статистические методы, позволяющие определять средние значения, характеризующие всю совокупность изучаемых предметов.

• **Истина — предмет познания.** Истина — правильное, адекватное отражение предметов и явлений действительности познающим субъектом, воспроизводящее их так, как они существуют вне и независимо от сознания. Истина объективна по содержанию, но субъективна по форме, как результат деятельности человеческого мышления. Можно говорить об относительной истине как отражающей предмет не полностью, а в объективно обусловленных пределах. **Абсолютная истина полностью исчерпывает предмет познания.** Всякая относительная истина

содержит элемент абсолютного знания. Абсолютная истина складывается из суммы относительных истин. Истина всегда конкретна.

• **Общие методологические подходы к проведению научного исследования:**

1. Исторический подход к объекту изучения, т.е. целостный подход к объекту изучения, рассмотрение этого объекта в возникновении и развитии.

2. Преемственность новых научных результатов и ранее накопленных знаний, т.е. лучшее и прогрессивное из старого переходит в новое и дает ему силу и действенность.

3. Вести поисковые исследования, как бы заглядывая в будущее. Воображение, фантазия, мечта, опирающиеся на реальные достижения науки и техники, являются важнейшими факторами научного исследования.

4. Быть научно объективным, т.е. нельзя отбрасывать факты в сторону только потому, что их трудно объяснить или найти им практическое применение. Дело в том, что сущность нового в науке не всегда видна самому исследователю. Новые научные факты из-за того, что их знание плохо раскрыто, могут долгое время оставаться в резерве науки и не использоваться на практике.

При научном исследовании важно все. Концентрируя внимание на основных вопросах темы, нельзя не учитывать так называемые косвенные факты, которые на первый взгляд кажутся малозначимыми. Часто бывает, что именно такие факты скрывают за собой начала важных открытий.

В науке мало установить какой-либо научный факт, важно дать ему объяснение с позиций современной науки, показать его общепознавательное, теоретическое или практическое значение.

Накопление научных фактов в процессе исследования — всегда творческий процесс, в основе которого всегда лежит идея исследователя. В философском определении идея представляет собой продукт человеческой мысли, форму отражения действительности. Идея отличается от других форм научного знания тем, что в ней не только отражен объект изучения, но и содержится сознание цели, перспективы познания и практического преобразования действительности.

Идеи рождаются из практики, наблюдений окружающего мира и потребностей жизни. В основе идей лежат реальные факты и события.

• **Общая логическая схема хода научного исследования.**

1. *Обоснование актуальности выбранной темы* — начальный этап любого исследования. Освещение актуальности должно быть не многословным. Начинать ее описание издали нет особой необходимости. Достаточно в пределах одной машинописной страницы показать главное — суть проблемной ситуации, из чего и будет видна актуальность темы. Таким образом, формулировка проблемной ситуации — очень важная часть введения. Поэтому имеет смысл остановиться на понятии, «проблема» более подробно.

Любое научное исследование проводится для того, чтобы объяснить ранее неизвестные факты или выявить неполноту старых способов объяснения известных фактов.

Проблема всегда возникает тогда, когда старое знание уже обнаружило свою несостоятельность, а новое знание еще не приняло развитой формы. Таким образом, проблема в науке — это противоречивая ситуация, требующая своего разрешения. Такая ситуация чаще всего возникает тогда, когда ни одна из теорий не может объяснить вновь обнаруженные факты.

Правильная постановка и ясная формулировка новых проблем нередко имеет не меньшее значение, чем решение их самих. Сформулировать научную проблему — значит показать умение отделить главное от второстепенного, выяснить то, что уже известно и что пока неизвестно науке о предмете исследования.

Таким образом, если исследователю удастся показать, где проходит граница между знанием и незнанием о предмете исследования, то ему бывает нетрудно четко и однозначно определить научную проблему, а следовательно, и сформулировать ее суть.

Исследователи часто избегают брать узкие темы. Это неправильно. Дело в том, что работы, посвященные широким темам, часто бывают поверхностными и малосамостоятельными. Узкая же тема прорабатывается более глубоко и детально. Вначале кажется, что она настолько узка, что и писать не о чем. Но по мере ознакомления с материалом это опасение исчезает, исследователю открываются такие стороны проблемы, о которых он раньше и не подозревал.

2. *Постановка цели и конкретных задач исследования* обычно делается в форме перечисления (изучить..., описать..., установить..., выяснить..., вывести формулу и т. п.).

Формулировки этих задач необходимо делать как можно более тщательно, поскольку описание их решения должно составить содержание глав научно-исследовательской работы. Это важно также и потому, что заголовки таких глав рождаются именно из формулировки задач предпринимаемого исследования.

3. *Определение объекта и предмета исследования.* **Объект** — это процесс или явление, порождающее проблемную ситуацию и избранное для изучения. **Предмет** — это то, что находится в границах объекта.

Объект и предмет исследования как категории научного процесса соотносятся между собой как общее и частное. В объекте выделяется та его часть, которая служит предметом исследования. Именно на него и направлено основное внимание исследователя, именно предмет исследования определяет тему научно-исследовательской работы, которая обозначается на титульном листе как ее заглавие.

4. *Выбор и использование методов (методики) научного исследования*, которые служат инструментом в добывании фактического материала, являясь необходимым условием достижения поставленной в такой работе цели.

Успешность выполнения научно-исследовательской работы в наибольшей степени зависит от умения исследователя выбрать наиболее результативные методы исследования, поскольку именно они позволяют достичь поставленной в научной работе цели.

Методы научного исследования принято делить в научно-исследовательской работе на общие и специальные. Специальные методы характерны для определенных областей научного знания. Они изучаются, разрабатываются и совершенствуются в конкретных, специальных науках.

Общие методы научного исследования используются на всем протяжении исследовательского процесса и в самых различных по предмету науках.

Наблюдение представляет собой активный познавательный процесс, опирающийся прежде всего на работу органов чувств человека и его предметную материальную деятельность.

В повседневной деятельности и в науке наблюдения должны приводить к результатам, которые не зависят от воли, чувств и желаний субъектов. Чтобы стать основой последующих теоретических и практических действий, эти наблюдения должны информировать нас об объективных свойствах и отношениях реально существующих предметов и явлений.

Наблюдение дает первичную информацию о мире и должно удовлетворять ряду требований, важнейшими из которых являются: 1) планомерность, 2) целенаправленность, 3) активность, 4) систематичность.

Сравнение — одно из наиболее распространенных методов научного исследования. Недаром говорится, что «все познается в сравнении». Сравнение позволяет установить сходство и различие предметов и явлений действительности. В результате сравнения устанавливается то общее, что присуще двум или нескольким объектам, а выявление общего, повторяющегося в явлениях, как известно, есть ступень на пути к познанию закономерностей и законов.

Для того чтобы сравнение было плодотворным, оно должно удовлетворять двум основным требованиям. Первое требование: сравниваться должны лишь такие явления, между которыми может существовать определенная объективная общность. Второе требование: для познания объектов их сравнение должно осуществляться по наиболее важным, существенным признакам.

Измерение — есть процедура определения численного значения некоторой величины посредством единицы измерения. Научная ценность этой процедуры в том, что она дает точные, количественно определенные сведения об объективный фактор окружающей действительности.

В числе эмпирических методов научного исследования измерение занимает примерно такое же место, как наблюдение и сравнение.

Эксперимент — есть частный случай наблюдения. Это такой метод научного исследования, который предполагает вмешательство в естественные условия суще-

ствования предметов и явлений или воспроизведение определенных сторон предметов и явлений в специально созданных условиях с целью изучения их без осложняющих процесс сопутствующих обстоятельств.

Экспериментальное изучение объектов по сравнению с наблюдением имеет ряд преимуществ:

- 1) в процессе эксперимента становится возможным изучение явления в «чистом виде»;
- 2) эксперимент позволяет исследовать свойства объектов действительности в экстремальных условиях;

Литература:

1. Бохеньский, Ю. Духовная ситуация времени // Вопросы к философии. — 2011 — №5
2. Горбачев, В. Г. Основы философии: Курс лекций. — М.: Владос, 1998—352 с.
3. Философский словарь/Под ред. И. Т. Фролова. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Политиздат, 1991—560 с.

Особенности философского осмысления будущего

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент;
Жилинская Анастасия Вячеславовна, студент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ключевые слова: будущее, прогнозирование будущего, футурология, конструирование будущего, адаптация будущего.

Проблема будущего возникает еще в раннем христианстве. Прогнозировать будущее пытались пророки, прорицатели, религиозные мыслители и философы еще с древних времен.

Так, Зигмунт Бауман приводит высказывание французского философа Левинаса о том, «что будущее — это та «абсолютная инакость», с которой невозможно установить связь» [1]. А польский философ Колаковский логически продолжает, что «если будущего не существует, то нет и быть не может «науки о будущем» [1].

В масштабах общества в целом создание моделей будущего никак не застраховано от ошибок. То, что сейчас футуролог считает второстепенным и отбрасывает, через несколько десятилетий как раз и будет определять процесс. К примеру, лет тридцать назад, создавая модели событий XXI века, футурологи и не думали рассматривать в качестве одной из главных составляющих террористическую угрозу. Знание будущего, получаемое даже на основе опроса самых авторитетных экспертов современности, достигается все-таки через их субъективные мнения. Можно рассчитывать на то, что в процессе усреднения субъективный фактор нивелируется. Но, к сожалению, это происходит далеко не всегда.

Впрочем, непредсказуемость научных открытий и вся связанная с этим ситуация представляют лишь частный случай непредсказуемости бифуркаций, когда продолжение «прямолинейного» развития сменяется внезапным

3) важнейшим достоинством эксперимента является его повторяемость.

Любой эксперимент может осуществляться как непосредственно с объектом, так и с «заместителем» этого объекта в познании — **моделью**.

Использование моделей позволяет применить экспериментальный метод исследования к таким объектам, непосредственное оперирование с которыми затруднительно или даже невозможно. Поэтому **моделирование** является особым методом и широко распространено в науке.

поворотом. Одна неразрывная цепь может иметь слабые звенья, в ней есть цепочки, в которых поток событий может повернуть, устремиться в другое русло. В истории известно «множество непредсказуемых событий, которые радикально изменяли образ жизни и понятия целых народов. Такие моменты также связаны с деятельностью отдельных личностей — основателей религий, завоевателей и партийных лидеров» [4].

Вообще, «все самое важное, с чем столкнулись люди <...> и что более всего повлияло на их жизнь, случилось неожиданно, грянуло как гром с ясного неба» [1]. Однако, вопрос о будущем общества и каждого его конкретного члена, всегда тревожил людей, они всегда напряженно задумывались над тем, что же ожидает их завтра, послезавтра, в более отдаленной перспективе. «Будущее интересно нам как раз потому, что мы осознаем его непознаваемость; более того, оно не завершено, не определено до конца...» [1].

Как уже было сказано выше, в древности потребность человека в предсказании будущего удовлетворяли прорицания оракулов, жрецов, провидцев, магов, и т. д. Позднее его прогнозировали философы и религиозные мыслители. Первые попытки научных прогнозов относятся к концу XIX века: «Германия в 2000 году» (1891) Георга Эрманна, «Будущая война и ее экономические последствия» (1897) И. С. Блюха, «Набросок политической и экономической организации будущего общества» (1899) Гюстава де

Молилари, «Предвосхищения» (1901) Герберта Уэллса. В 1920–30-е годы пользовалась влиянием книга Джона Холдейна «Дедал, или Наука и будущее» (1924).

В 1943 году социолог Осип Флехтхайм впервые употребил слово «футурология». Футурологический прогноз, по большей части, отражает обоснованные ожидания, а не положение дел в будущем. Так, способность строить планы на будущее, по мнению Пьера Бурдьё, является неизменным условием стремящегося к изменению мышления и всех попыток преобразовать существующую реальность [3, с. 179].

Таким образом, только в будущем «возможны события несказанно радостные, а грозящие нам неприятности могут обойти нас стороной. Будущее — это испытательный полигон для воли и поступков человека, безграничное пространство свободы, ее единственное прибежище» [1].

Будущее характеризуется тем (и это отличает его от прошлого), что оставляет человеку простор для выбора, без которого не может быть и самого будущего, «даже если выбор состоит лишь в том, чтобы воздержаться от выбора и выбрать плавание по течению». Каждый момент жизни представляет собой развилку путей и может привести к нескольким вариантам развития будущего [3, с. 115]. Это не «несколько будущих», а именно некоторое множество вариантов, но на одну тему. Человек волен выбрать лишь тот или другой вариант в рамках одной реальности. Такой выбор может быть сделан и случайно, когда человек сам не подозревает, что от его малозначительного, как кажется ему, поступка или слова может зависеть что-то в его судьбе.

Стоит отметить, что образы возможного будущего могут изменять и само будущее. Предсказания будущего могут применяться в качестве идеологического инструмента для того, чтобы задавать обществу определенное направление развития. Здесь можно говорить о проблеме «захвата» будущего властью, правителями, которая далеко не нова.

Уже на заре цивилизации будущее раздражало правителей, от него постоянно веяло угрозой. Следовательно, лишая человека будущего, у него отнимали и свободу [1].

Когда возникает универсальное государство, «его народ обычно бывает ослеплен миражом бессмертия и убежден, что их государство есть последняя форма человеческого общества» [10]. Обществу внушается мысль о том, что образ будущего определен окончательно, что оно полностью под контролем, что есть только один вариант развития событий, и других альтернатив нет. А контролируя будущее, можно наилучшим образом сохранять контроль над настоящим.

В произведениях-антиутопиях писателей XX века воплощаются подобные модели государства («1984» Джорджа Оруэлла, «Мы» Е.И. Замятина, «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли и др.), которые обеспечивают «себе вечную стабильность с помощью самой простой и удобной меры — устранением альтернатив» [1].

Ярким примером подобного контроля над будущим в реальной истории являются тоталитарные режимы XX века. Одной из главных черт тоталитарной организации общества является «присвоение государством права на конструирование идеального будущего для всего общества» [5, с. 257].

Такую информацию о роли будущего оставил XX век. Однако уже в конце столетия появились признаки того, что отношение к понятию будущего начинает меняться. Энтони Берджесс считает, что «какое это наслаждение не иметь будущего. Это как получить стопроцентно надежное контрацептивное средство. При такой трактовке будущее представляется ловушкой, которая отрицает смысл каждого очередного поступка, оно уже не является пристанищем свободы, а, наоборот, не дает насладиться мгновением этой свободы» [1].

В связи с этим представляет интерес мнение французского политолога Жака Аттали о том, что в современном понимании будущего и нашей роли в нем начинает доминировать образ лабиринта, который был некогда сообщен кочевниками оседлым поселенцам. Во всех современных европейских языках слово «лабиринт» несет явно отрицательную коннотацию искусственной сложности, запутанности, бесполезной секретности, неясности [2]. Бауман говорит о том, что «будущее — ненадежное (потому что туманное и непостижимое) — может и предать». Будущее становится раздражающим фактором, оно просто отравляет жизнь. И если совершенно отказаться от будущего не представляется возможным, то надо, хотя бы, поменьше о нем думать и жить одним мгновением.

Власть отказывается от тотального контроля «над будущим, происходит его «приватизация» гражданами. Каждый человек становится сам в ответе за свое будущее» [8, с. 173]. Мир становится аморфным, в современной культуре становятся ненужными «вечные ценности», все непостоянно, временно. Именно такой мир описывает Зигмунт Бауман в своей книге «Текущая современность». Он говорит о разжижении мира, акцентируя внимание на том, «что жидкости легко придать любую форму, но сложно эту форму сохранить. Так же и современный мир — он постоянно меняется, а потому он плохо понимаем и плохо управляем» [2, с. 146].

Эта текучесть современного мира и «приватизация» будущего, о которой говорилось выше, характеризуют огромную свободу человека в современном мире. Наступает эпоха «слабых связей» между субъектами, они очень кратковременные, не стойкие. Подобные соприкосновения между людьми «очень напоминают броуновское движение. И, следовательно, социальная система буквально переполняется энтропией, двигаясь либо к своей «тепловой смерти», либо к качественному преобразованию» [2, с. 161].

Публичная сфера человека значительно сокращается, личная автономия и безразличие к общественным делам становятся вещами взаимозависимыми и взаимообусловленными. Кроме того, «любое перемещение разрушает

сеть старых связей и создает новые... Человек переезжает в такой спешке, что нигде не может пустить корни» [9, с. 68]. Отношения между местом и человеком становятся «более многочисленными, хрупкими и кратковременными. Мы стали свидетелями исторического процесса разрушения значения места в человеческой жизни. Мы воспитываем новую расу кочевников, и мало кто может предположить размеры, значимость и масштабы их миграции» [9, с. 57].

В итоге центральным вопросом успешной адаптации будущего к нам и нас к будущему становится вопрос «качества» людей. Ведь «для того, чтобы выжить, чтобы предотвратить то, что мы называли шоком будущего, индивид должен стать бесконечно более адаптируемым и знающим, чем когда либо раньше» [9, с. 112].

Однако, концепцию «шока будущего» можно использовать и как оправдание моратория на перемены. Но ведь тормозить перемены куда более безнравственно, чем готовиться к неизбежному. «Если у современного человека есть желание справиться с эквивалентом тысячелетий изменения в сжатом промежутке одной-единственной человеческой жизни, то он должен иметь у себя в голове достаточно правильные (пусть и грубые) образы будущего» [9, с. 146].

В современной науке широко распространены антропоцентрические взгляды, ставящие человека в центр мироздания. Так, один из представителей экзистенциализма, Жан-Поль Сартр, утверждал, что будущее приходит в мир только с человеческим существованием, как «проект» будущего, где прошлое через заполнение «ничто» настоя-

щего может стать чем-то. Но будущее на самом деле никогда не сможет реализоваться, так как в самый момент осуществления цели оно переходит в прошлое. Сартр отмечает, что «действительное будущее — есть возможность такого настоящего, которое я продолжаю в себе и которое есть продление действительного в себе. Мое будущее вовлекает как будущее сосуществование очертания будущего мира <...> будущее в себе, которое обнаруживается моим будущим, существует в направлении прямо соединенном с реальностью, в которой я существую» [6]. Важно отметить, что человек — это «проект, который переживается субъективно, а не мох, не плесень и не цветная капуста. Ничто не существует до этого проекта, нет ничего на умопостигаемом небе, и человек станет таким, каков его проект бытия. Не таким, каким он пожелает» [7, с. 112].

Стоит отметить, «чтобы создать желаемую эмоциональную жизнь и здоровую психосферу для зарождающейся цивилизации будущего, мы должны признать три основных требования любой личности: потребности в общности, структуре и смысле. Нам понадобится интегрировать личностный смысл в более широкую, всеобъемлющую идею» [9, с. 146]. Теперь уже людям недостаточно понимать свой маленький вклад в жизнь общества. Они также должны ощущать, каким образом они вписываются в более широкую систему понятий.

В итоге современное общество постепенно приходит к единой философии, согласно которой человечество постепенно созреет и сделает вывод о том, что лишь через общую ответственность за благополучную жизнь всех жителей планеты, можно гарантировать такую жизнь и себе.

Литература:

1. Бауман, З. Пять прогнозов и множество оговорок [Электронный ресурс] // Иностранная литература, 2006. №8. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2006/8/ba14.html> (дата обращения: 05.02.2015).
2. Бауман, З. Текущая современность/перевод изд.: *Liquid Modernity*/Zigmunt Bauman. — СПб.: Питер, 2008. — 238 с.
3. Бауман, З.. Свобода: [пер. с англ.]/З. Бауман; [предисл. Ю.А. Левады; ред. И. Пильщиков]. — М.: Новое издательство: Фонд «Либеральная миссия», 2006. — 129, [1] с.
4. Называев, А. Б. Законы истории [Электронный ресурс] // Современные проблемы. №1. — М., 1990. с. 4. URL: <http://modernproblems.org.ru/science/115-nazivaev.html?showall=1> (дата обращения: 25.01.2015).
5. Поппер, К.. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. — Минск: Эдиториал УРСС, 2000. — 461 с.
6. Сартр, Ж. П. Бытие и ничто [Электронный ресурс]/Опыт феноменологической онтологии. 2002. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/i00/s00/z0000767/index.shtml> (дата обращения: 10.01.2015).
7. Сартр, Ж. П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. — М., 1989.
8. Сенцов, А. Э. Особенности представления концепта будущего в программных документах партии «Единая Россия» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. — №12 (26): в 3-х ч. Ч. III. — с. 172–174.
9. Тоффлер, О. Шок будущего [пер. с англ.]. — М.: АСТ, 2003. — 557, [3] с.
10. Хантингтон, Сэмюэл П. Столкновение цивилизаций [пер. с англ.]. — М.: АСТ, 2005. — 603 с.

Представление концепта будущего в программных текстах

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент;

Жилинская Анастасия Вячеславовна, студент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ключевые слова: концепт будущего, коммуникация, метакод, историческое сознание, космологическое сознание, конструирование будущего

Концепт будущего представляет большой интерес для исследования. Он является одним из основных, базовых концептов, ведь само будущее имеет особый онтологический статус.

Наш подход к концептам будущего в самом широком смысле можно назвать семиотическим. При этом знак рассматривается в контексте коммуникации и потому делается акцент на понятии языка. Язык в данном случае представляется системой знаков, с помощью которой и осуществляется коммуникативный процесс. При выстраивании концепта будущего коллективная личность (коллективный субъект, к которым можно отнести и партию) опирается, по нашему мнению, на два типичных метаязыка. И здесь мы обратимся к работе Б.А. Успенского «История и семиотика. Восприятие времени как семиотическая проблема», которая послужит основанием для дальнейших наших рассуждений [4, с. 9–76].

В качестве таких метаязыков, осуществляющих политическую коммуникацию, мы будем рассматривать «историческое сознание» и «космологическое сознание», о которых пишет Б.А. Успенский в названной работе. Данные метаязыки выступают, своего рода, кодами, задающими смысловую значимость элементам, в нашем случае, программам партии. Таким образом, метаязыки или их комбинации (программа может включать сразу оба типа кодирования) и конституирует текст программы. Именно эти значения и должна считывать воспринимающая текст партийной программы целевая аудитория, адресат. И задача программы партии состоит в том, чтобы донести до потенциальной аудитории основное значение, заложенное в программу, для чего коды шифровки и дешифровки должны совпасть.

«Историческое сознание» и «космологическое сознание» как типичные коды, входящие в основной запас политико-культурного знания, и отвечают в принципе данному коммуникативному требованию. Язык политической коммуникации (код) превращает целевую аудиторию в коллективную личность, обуславливая схожие реакции и «рамку» восприятия информации. Данные языки меняются только терминологически, включая новые обозначения для старых понятий, но сам тип осмысливания информации остается на уровне архетипа.

Когда ведется речь о концептах будущего, то понятие будущего всегда зависит от понятия прошлого, и в особенности от понятия настоящего. Прошлое и будущее человек всегда осмысливает с позиции значений насто-

ящего. Когда настоящее меняется, прошлое и будущее переосмысливаются [3, с. 173]. Таким образом, история всегда переписывается, а программы будущего пересматриваются и корректируются. Программа партии в данном смысле есть всегда текст, который имеет тренд настоящего. Так, будущее семиотизируется на базе перспектив, «видимых» в настоящем, или тех основ, которые приписываются прошлому. Другими словами, чтобы прописать будущее, мы создаем текст настоящего или прошлого, который читаем сами себе. К примеру, если мы мифологизируем прошлое, то именно в такой ретроспективе нам видится и настоящее, от которого мы и конструируем соответствующее будущее.

Если мы понимаем процесс «прошлое — настоящее — будущее» как причинно-следственную связь, то конструируем будущее как некий прогресс, идентифицируемый нами сегодня. И не важно, что программу творят партийные идеологи. В любом случае программы партий заданы коллективным сознанием и коллективной памятью, которые хранят и архетипы, названные нами метакодами.

Так что же конкретно представляют собой «исторический» и «космологический» метакоды, оформляющие наше представление о будущем? По мнению Б.А. Успенского, историческое и космологическое сознания противостоят друг другу. Историческое сознание отталкивается от прошлого как базового знания и организует прошлое в виде причинно-следственных событийных рядов. Космологическое сознание соотносит события с особым первоначальным актом, потому образуется повторяющийся текст, где события воспроизводятся снова и снова. Данный онтологический текст, по сути, является мифом [4, с. 26–27].

В качестве метакодов историческое и космологическое восприятие переносится на настоящее, от которого зависит и представление о будущем. Так, будущее в случае исторического кодирования это причинно-следственная цепочка конкретных событий, идущих из конкретного прошлого через зависящее от прошлого настоящее к определяемой настоящим конфигурации будущего. В случае же космологического кодирования будущее неотвратимо как судьба, оно онтологически задано первособытием, произошедшим в первовремени. Тем самым оба метакода моделируют текст будущего.

Б.А. Успенский вообще полагает, что семиотическая значимость события (у нас — политического) определяется проецированием на будущее. Значит, программа

будущего конструирует не только «факты» будущего, но и смысловую наполненность данных политических знаков. Именно концепт будущего, «идея того, как партия понимает будущее, и является смыслонесущей в партийной программе, предложенной в контексте реальности настоящего» [2, с. 84].

В нашей трактовке «будущее выступает как политическая реальность, которую коллективный актор (партия) конструирует путем моделирования. При этом используется один тип кодирования текста или оба вступают в комбинацию. Будущее, тем самым, конституируется либо как логически выводимое представление о будущем, либо как онтологический текст, данный нам изначально» [1, с. 57]. И потому партийные «программисты» выступают в роли или ученых экспертов или харизматических пророков.

Для космологической трактовки, согласно Б. А. Успенскому, характерно особое переживание времени. В данной связи для концепта будущего важнее, парадоксально, оказывается прошлое. В контексте первоначального прошлого оценивается и ключевой элемент всего построения — настоящее. Настоящее здесь лишь подтверждает схожесть онтологического текста, оно не причина будущего, но следствие прошлого. Б. А. Успенский делает вывод, что в космологическом сознании (у нас — метакоде) главное это символические отношения [4, с. 28].

Итак, космологический метакод конструирует виртуальную политическую реальность второго порядка, являющуюся символом символа. То есть виртуальная реальность «будущее» аппрезентирует символическую реальность изначального прошлого опосредованно. Поэтому настоящее содержит символические знаки, в смысле «знамения», для будущего мира. Перед нами, безусловно, мифологическая политическая реальность, оформленная в виде программы партии. Причем Б. А. Успенский подчеркивает, что данная космологическая ментальная модель восприятия времени актуализируется в переходные эпохи, когда провозглашается рождение нового мира.

Концепт будущего основан на том, что само будущее имеет особый онтологический статус. Будущее это то, чего нет с точки зрения опытного настоящего, оно не дано в политическом опыте [2, с. 86]. Следует отметить, что «так же, как и прошлое, будущее понимается при этом как то, чего нет в непосредственно воспринимаемой действительности; и вместе с тем будущее есть в том же смысле, в каком есть прошлое, — и то и другое дано нам как потусторонняя реальность, как то, что существует, но при этом недоступно непосредственному чувственному восприятию, находится вне актуального опыта. ... Будущее предстает как то, что уже где-то существует, но еще до нас не дошло. Можно сказать, что будущее, как и прошлое, дано в виде последовательно организованного текста, но текст этот нами еще не прочитан» [4, с. 36–37].

Потому для конструирования будущего все же важно настоящее, связанное с прошлым сущностными узами. Здесь все зависит от перспективы, так сказать угла

зрения. В средние века люди жили в особом настоящем, которое повторяло прошлое как будто снова прочитывался изначальный онтологический текст. Например, теория «Москва — третий Рим» говорила о том, что все возвращается на круги своя, демонстрируя господство космологического метакода. Новое время, напротив, дало перспективу ценности будущего, когда настоящее предвосхищало будущее, продуцируя его из себя. Человек выступал конструктором будущего, в том числе и политических его форм.

В советскую эпоху вообще конструировался героический мифомир, согласно которому люди жили в уже почти наступившем будущем. Отсюда господствовала идея планирования будущего, тогда как в средние века будущим, собственно, не интересовались в силу его предсказуемости (Священное писание и давало материал для таких предсказаний, согласно тому, что все уже много раз было и случится снова).

С точки зрения исторического кодирования, принятого за основу феномена программирования, будущее моделируется, согласно цепочке причинно-следственных связей. Так, сегодняшнее настоящее является будущим для вчерашнего прошлого, но оно же превратится в прошлое, когда настанет завтрашнее будущее. Получается, что будущее мыслится по аналогии с настоящим, оно из него «вытекает» и задано им генетически. Конечно, это детерминистский взгляд на будущее и перспектива его линейно однонаправлена. И именно здесь возникает проблема, поскольку эволюционный процесс предполагает появление совершенно нового и неведомого ранее, что невозможно вывести из знакомого.

Потому текст-будущее дается нашему конструированию лишь в отдельных его фрагментах-конструктах. То есть возникает проблема сведения данных характеристик в комплексную картину будущего, в целостный образ будущего. При наличии фактов-конструктов образ будущего все же представляет собой абстракцию, ведь мы не можем прогнозировать точных его событий.

Так, в «исторический» контекст могут быть введены «космологические» символы, например, предвестники грядущей катастрофы. «Прошлое, настоящее и будущее предстают тогда как реализации некоторых исходных форм — иначе говоря, время повторяется в виде формы, в которую облекаются индивидуальные судьбы и образы» [4, с. 44]. Тогда время заикливается и как бы наполняется давно известными событиями, время становится конкретным, превращается в мифовремя, о котором вещает пророк-программист.

Если мы хотим более детального прогноза будущего, тогда возможно (иногда одновременно) опираться на идею предопределенности, заданную космологическим метакодом, когда события повторяются, согласно онтологическому тексту. В данном тексте-будущем изначально все прописано, а мы лишь считываем эту информацию. При этом «пророком» (чаще всего эсхатологическим) выступает лидер партии.

Литература:

1. Сенцов, А. Э. Концепт будущего в программах политических партий (на материале программ партий «Единая Россия» и «Патриоты России») // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. — 2010. — №3 (11). — с. 55–60.
2. Сенцов, А. Э. Концепт будущего в программах политических партий современной России // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. — 2012. — №3 (19). — с. 82–92.
3. Сенцов, А. Э. Особенности представления концепта будущего в программных документах партии «Единая Россия» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. — №12 (26): в 3-х ч. Ч. III. — с. 172–174.
4. Успенский, Б. А. История и семиотика. Восприятие времени как семиотическая проблема // Этюды о русской истории/Б. А. Успенский. — СПб., 2002. — с. 9–76.

Молодой ученый

Ежемесячный научный журнал

№ 4 (84) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенюшкин Н. С.
Ткаченко И. Г.
Яхина А. С.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

E-mail: info@moluch.ru

<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4